

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Н А У Ч Н Ы Й   Ж У Р Н А Л

СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 3 (27)

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

VESTNIK
MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES
LEGAL SCIENCES

№ 3 (27)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Борисова Н.Е.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ефимова О.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
<i>Безносикова О.И.</i>	ответственный редактор Юридического института ГАОУ ВО МГПУ

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Дорская А.А.* Кризис в праве как одна из причин революций 1917 г. 8
- Честнов И.Л.* Правопорядок в ситуации постмодерна..... 16

Публичное право

- Ключников А.Ю.* О возможности национального нормоконтроля актов вторичного права Европейского союза..... 23
- Надысева Э.Х.* Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде подписки о невыезде и залога в современном УПК РФ 30
- Овчинников И.И.* Муниципальная власть в структуре публичной власти в Российской Федерации 37
- Сафаров А.И., Салохидинова С.М.* Уголовно-правовые гарантии реализации права на предпринимательскую деятельность 56
- Терновая О.А.* Актуальные проблемы ответственности юридических лиц за нарушение антимонопольного законодательства 63
- Чурилов С.Н.* О роли классификаций преступлений в систематизации частных криминалистических методик 70

Частное право

- Борисова Н.Е.* Современные тенденции правового регулирования семейных отношений 77
- Константинов К.Б.* Пределы правомерности использования произведения в театральном постановочном процессе: авторско-правовой аспект 85
- Кривенький А.И.* Историческое значение теории статутов для развития науки международного частного права 90

Трибуна молодых ученых

- Левочки В.В.* Добытые ресурсы недр как объекты гражданских прав: анализ законодательства..... 95

Научная жизнь

- Бочкарев С.В.* Проект Конституции 1872 г. Э. Лабулэ (перевод с французского и комментарий) 105
- Крупеня Е.М.* Правовая культура как объект научного анализа (обзор Международного Конкурса научно-творческих работ «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества». Москва, 2017)..... 113

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2017, № 3 (27).....

123

Требования к оформлению статей.....

127

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Dorskaya A.A.* The Crisis in Law as One of the Causes
of the Revolutions of 1917 8
- Chestnov I.L.* Law and Order in a Postmodern Situation..... 16

Public Law

- Klyuchnikov A.Y.* About the Possibility of a National Compliance
Assessment of Secondary Law of the European Union 23
- Nagasawa E.H.* Actual Problems of Applying the Pre-trial Restrictions
in the Form of Written Undertaking not to Leave a Place and a Bail
in the Modern Code of Criminal Procedure of the Russian Federation 30
- Ovchinnikov I.I.* Municipal Authority in the Structure of Public Authority
in the Russian Federation 37
- Safarov A.I., Salokhidinova S.M.* Criminal and Legal Guarantees
of Realization of the Right to Enterprise Activity..... 56
- Ternovaya O.A.* Current Problems of Liability of Legal Entities
for Violation of Antimonopoly Legislation..... 63
- Churilov S.N.* On the Role of Crime Classifications
in the Systematization of Private Forensic Techniques..... 70

Private Law

- Borisova N.E.* Current Trends in the Legal Regulation
of Family Relations..... 77
- Konstantinov K.B.* The Limits of the Legality of the Use
of the Work in Theatrical Staging Process: Copyright Aspect..... 85
- Krivenkiy A.I.* The Historical Significance of the Theory of Statutes
for the Development of the Science of Private International Law..... 90

Tribune of Young Scientists

<i>Levochko V.V.</i> Extracted Subsoil Resources as Objects of Civil Rights: Analysis of Legislation.....	95
--	----

The Scientific Life

<i>Bochkarev S.V.</i> Draft Constitution of 1872 by E. Laboulaye (Translated from French and Commented)	105
<i>Krupenya E.M.</i> Legal Culture as an Object of Scientific Analysis (Review International Competition of Scientific and Creative Work «Legal Culture — the Foundation of Harmonious Development of Personality and Society». Moscow, 2017).....	113

The Authors of “Vestnik of MCU”, Series «Legal Sciences»,

2017 № 3 (27)	123
----------------------------	-----

Style Sheet	127
--------------------------	-----

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

А.А. Дорская

**Кризис в праве как одна
из причин революций 1917 г.**

В статье рассматриваются различные подходы как ученых начала XX века, так и современных юристов к вопросу о наличии кризиса в праве накануне 1917 г. На конкретных примерах показаны попытки решения правительством наиболее острых проблем правовыми мерами. Раскрываются причины исполнительного кризиса начала прошлого века.

Ключевые слова: кризис; революция; правовая система; Первая мировая война; реформа; социальное законодательство; вероисповедное законодательство.

На современном этапе в силу целого ряда причин происходит переосмысление революционных событий в России начала XX века. Во-первых, это, конечно, связано со столетием Февральской и Октябрьской революций, которое отмечается в этом году. Во-вторых, проводимые в последние 25 лет в Российской Федерации реформы требуют прогнозирования как возможных результатов, так и их долгосрочных последствий. На современном этапе очень многие исследователи связывают Первую российскую революцию и революционные события 1917 г. с буржуазными реформами Александра II. К примеру, А.Н. Медушевский описывает традиционную схему, широко представленную в научной литературе, следующим образом: «Реформа 1861 г. породила аграрный вопрос, он в свою очередь — революцию 1905–1907 гг., а та стала репетицией революции 1917 г.» [9: с. 15]. Таким образом, темы реформ и революций неразрывно связаны. В-третьих, несмотря на огромное количество исследований историков, юристов, политологов, социологов, философов, до сих пор нет более-менее четкого ответа на вопрос, почему временные и локальные кризисы при одних обстоятельствах перерастают в большие, вплоть до революций, а при других — благополучно разрешаются [10: с. 35].

Рассуждая о событиях столетней давности, нельзя обойти проблему оценки состояния правовой системы Российской империи, так как правовые «законы» не сработали. Можно ли считать, что одной из причин революций

1917 г. был кризис в праве? Как сочетается то, что период конца XIX – начала XX века назван «“золотым веком” отечественной теоретико-правовой и философско-правовой науки» [13: с. 54], и при этом в скором времени произошло крушение российской государственности, в ее имперской форме, и правовой системы дореволюционной России?

Необходимо отметить, что еще накануне Первой российской революции правительство осознавало значение правового фактора в разрядке напряженности в обществе. Достаточно вспомнить, что 12 декабря 1904 г. был опубликован Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», целью которого являлась демонстрация обществу готовности власти юридическими средствами решить такие насущности вопросы, как принятие мер к охранению полной силы закона (п. 1), предоставление земским и городским учреждениям большей самостоятельности в вопросах местного благоустройства (п. 2), единство в устройстве судебной части (п. 3), введение государственного страхования рабочих (п. 4), пересмотр исключительных законоположений (п. 5), пересмотр узаконений о правах раскольников и лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, принятие в административном порядке мер к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения (п. 6), пересмотр постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи (п. 7), устранение излишних стеснений для печати (п. 8) [7: с. 5].

Тогда было образовано Особое совещание Комитета министров во главе с С.Ю. Витте, которое вплоть до Кровавого воскресенья успело провести пять заседаний, т. е. достаточно много за неполный месяц.

Однако многие современники, причем из числа выдающихся юристов, негативно оценивали происходящее. О кризисе права в России открыто говорили либерально-настроенные ученые. Так, В.В. Вострикова, характеризуя взгляды Б.А. Кистяковского, отмечает, что, «по мнению либералов, произвольное отступление от норм действующего права было чревато утратой правом авторитета, что, в свою очередь, могло самым негативным образом отразиться на выполнении правом функции регулятора общественной жизни... Укорененность правового нигилизма в общественном сознании позволила либералам говорить о кризисе правосознания в России. Глубинной причиной последнего мыслители считали отсутствие “какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни”» [2: с. 113].

Не были согласны специалисты и со многими конкретными правовыми мерами, проводимыми правительством. В частности, лучшие российские правоведы считали губительными либеральные заигрывания в условиях распространявшегося террора. «К примеру, Николай II, — пишет И.В. Турицын, — очень не хотел утверждать смертный приговор убийце Д.С. Сипягина С.В. Балмашову, а потому МВД долго носилось с идеей «помилования» на основании прощения, которое должен был подать террорист. Уговаривать последнего ездил даже

товарищ (заместитель) министра внутренних дел П.Н. Дурново. Тем не менее в связи с категорическим отказом террориста казнь — впервые после повешения организаторов покушения 1887 г. на Александра III — все же состоялась. До революции 1905 г. это был один из редчайших случаев смертной казни» [17: с. 17]. Несмотря на то, что такие выдающиеся юристы, как Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич и другие, призывали власти гибко относиться к системе наказаний и в условиях сначала учащающихся террористических актов, а потом и роста насилия в революционный период ужесточать уголовную ответственность, как показывают статистические данные, на деле все происходило наоборот. Так, Е.Н. Тарновским было подсчитано, что в 1899 г. в России было осуждено за уголовные преступления и проступки 964 746 чел., в 1900 г. — 1 006 601 чел., в 1901 г. — 1 068 414 чел., в 1902 г. — 1 070 394 чел., в 1903 г. — 1 047 534 чел., в 1904 г. — 917 175 чел., в 1905 г. — 839 868 чел., в 1906 г. — 818 254 чел., в 1907 г. — 936 575 чел., в 1908 г. — 1 109 256 чел. [16: с. 57]. Таким образом, в годы Первой российской революции количество осужденных было даже ниже, чем в предреволюционный период и в первый год после революции.

Безусловно, что кризисные явления в праве начала XX века проявлялись и в том, что не стали действующими многие нормативно-правовые акты, которые разрабатывались десятилетия и содержали новые юридические решения насущных вопросов. Так, в 1882 г. была создана комиссия и началась работа над проектом Гражданского уложения. Именно в 1905 г., в разгар революции, была опубликована окончательная редакция всех пяти книг проекта, однако он так и не был претворен в жизнь из-за традиционной нерешенности земельного вопроса. Именно это позволило в октябре 1917 г. большевикам, которые воспользовались абстрактным эсеровским лозунгом «Земля — крестьянам», получить значительное число сторонников среди крестьянского населения.

Печальной была и судьба Уголовного уложения 1903 г. [18]. Еще 30 апреля 1881 г. был учрежден Особый комитет «из лиц, близко знакомых с теорией уголовного права и судебною практикою» [4: с. 97]. Несмотря на то, что над разработкой уложения трудились такие выдающиеся специалисты в области уголовного права, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов и другие, в течение восьми лет готовый проект Уложения лежал без подписи императора. Затем 22 марта 1903 г. Николай II утвердил его с пометкой, что в силу вступаю-ют лишь главы о государственных преступлениях (преступления против государства, посягающие на основы его бытия, государственные законы, внешнюю безопасность, порядок управления [15: с. 183]). Введение в действие главы о религиозных преступлениях 14 марта 1906 г., по существу, вопрос так и не решило. Большая часть Уголовного уложения так и не стала действующей.

Учреждение в России двухпалатного парламента способствовало некоторому преодолению кризисных явлений в правовой сфере. Коллективное обсуждение проектов законов, безусловно, способствовало повышению их качества [14: с. 2]. Но вскоре стало понятно, что Государственная дума и Государственный совет в целом не могут противостоять общей тенденции.

Рассмотреть процесс роста кризиса в праве можно на примере законотворческой работы по вопросу о реализации в России свободы совести.

В период между роспуском Государственной думы I созыва и началом работы II Государственной думы правительство П.А. Столыпина разработало целый пакет законопроектов о свободе совести. В.А. Маклаков, представлявший партию кадетов и являвшийся, таким образом, правительственным оппонентом, позже отмечал, что восемь месяцев, которые были П.А. Столыпину «даны роспуском Думы, потеряны не были» [8: с. 28]. Действительно внушительный объем работы, который проделало правительство, внушал уважение. Позже оказалось, что вплоть до 1917 г. Государственная дума не смогла рассмотреть все законопроекты, которые были подготовлены в первый междумский период.

В связи с недолгим существованием II Государственной думы правительственный материал рассмотрен не был. Законопроекты правительства П.А. Столыпина перешли в повестку дня Государственной думы III созыва.

В первые годы работы III Государственной думы сначала шла борьба за создание комиссий для рассмотрения правительственных законопроектов. 22 ноября 1907 г. фракцией октябристов за 31-й подписью было подано заявление об избрании комиссий по вероисповедным и церковным вопросам, в состав каждой из которых предполагалось включить по 33 человека. Старообрядческий вопрос было предложено рассмотреть во второй комиссии [3: с. 587–589]. Однако уже через неделю 32 члена Думы подали новое заявление, в котором обосновывали необходимость учреждения отдельной комиссии по старообрядческим делам в составе 15 человек [3: с. 727].

В результате были созданы комиссия по вероисповедным вопросам, комиссия по делам православной церкви и комиссия по старообрядческим вопросам. Они в буквальном смысле «сражались» друг с другом, чтобы получить тот или иной законопроект о свободе совести на рассмотрение. Как отмечал член всех трех комиссий В.А. Караулов, все очень рьяно принялись за дело, но это уже не имело особого смысла, так как правительство было занято аграрным вопросом и не собиралось отстаивать принципы собственных вероисповедных законопроектов [14]. Естественно, что это негативно сказалось как на настроении, так и на результатах работы членов комиссий.

Опыт комиссий, занимавшихся законопроектами о свободе совести, действительно оказался печальным. Обсуждение докладов комиссий на общем заседании палаты проходило в мае – июне 1909 г., причем депутаты не пожалели для работы даже воскресных дней. В результате три законопроекта были приняты Государственной думой и поступили на рассмотрение Государственного совета. Началась работа специальных комиссий Государственного совета, а затем согласительных комиссий, которая заняла оставшуюся часть 1909 г. и 1910 г.

Это не могло не отразиться на деятельности комиссий Государственной думы. Члены комиссий хотели сначала узнать судьбу принятых Думой законопроектов и только затем идти дальше. Поэтому вплоть до окончания полномочий в 1912 г. они занимались в основном второстепенными вопросами, не вынося их

на обсуждение палаты. В 1912 г. член партии октябристов А. Еропкин писал, что «стало ясно, что дальнейшая работа здесь бесплодна. Вот посему III Дума прекратила рассмотрение дальнейших законопроектов о свободе совести, поступивших из комиссий и внесенных правительством» [5: с. 67–68].

Эта бесполезность отразилась и на настроении депутатов Государственной думы IV созыва. Теперь вновь созданные комиссии, которые должны были заниматься вопросами о свободе совести, делали все, чтобы не получить правительственные законопроекты. Например, 15 января 1913 г. на рассмотрение комиссии по делам православной церкви был передан законопроект «О переходе из одного исповедания в другое», разработанный еще правительством П.А. Столыпина, принятый III Государственной думой и прошедший согласительную комиссию Государственной думы и Государственного совета. Неверие в решение этого вопроса привело к тому, что члены комиссии дали следующий ответ: «...переданный... законопроект по существу затрагиваемых вопросов должен подлежать рассмотрению комиссии по вероисповедным вопросам» [6: л. 3]. В результате законотворческий процесс так и не привел к решению вопроса о вероисповедной свободе и возможном признании атеистического мировоззрения.

Кризис в праве ярчайшим образом проявился в годы Первой мировой войны. Недостаточное внимание к социальному законодательству привело к тому, что даже в первые военные годы, когда еще наблюдался патриотический подъем, росло число забастовок рабочих, в большинстве своем экономического характера. «В настроениях заводских рабочих, — пишет К.В. Федоров, — находило отражение и отсутствие социальной защиты. Например, фабричным инспекторам поступали жалобы на нерегулярные выплаты компенсаций за несчастные случаи на производстве. Также рабочие были недовольны замедленным рассмотрением жалоб, несвоевременным их исполнением, некачественным медицинским обслуживанием. Часто недовольство рабочих было вызвано добровольным характером уплаты компенсаций рабочим за увечья. Кроме этого, рабочие подавали жалобы в связи с неправильным, заниженным расчетом суточных выплат и выполнением работ, не предусмотренных договорами» [19: с. 102]. Но самое страшное, что непродуманные меры социального характера ударяли по женщинам и детям, которые, с одной стороны, в условиях военного времени вынуждены были работать, а с другой — оставались законодательно мало защищенными. Это сильно влияло и на настроения фронтовиков, получавших из дома неутешительные письма.

Не слишком удачными были меры, направленные на решение внешнеторговых проблем. Как отмечает Е.А. Агеева, «в довоенной России действовал Таможенный тариф по европейской торговле 1906 года, согласно которому доля взимаемых Россией пошлин с суммы ввозимых товаров значительно превышала аналогичный показатель в других странах: в 1906–1910 гг. Великобритания взимала 6,1 %, Австро-Венгрия — 7,3 %, Германия — 7,8 %, Франция — 8 %, Италия — 10 %, США — 22,3 %, Россия — 30,5 %. Протекционизм, как мера внешнеторгового регулирования в период войны, “не работал”: торговля

с враждебными и многими нейтральными странами прекратилась, а с союзными, например с Францией и Италией, Россия имела торговые соглашения конвенционного характера, что предполагало существование льгот и преимуществ между договаривающимися сторонами» [1: с. 65]. В результате власти попытались решить проблему законодательными мерами. 20 октября 1916 г. был принят закон «О воспрещении привоза в Империю предметов роскоши» [11]. Его вступление в силу 1 февраля 1917 г. вызывало опасения в силу возможных негативных последствий, так как это могло вызвать ответные меры союзников. Правда, февральские революционные события прервали данный процесс.

Таким образом, можно говорить об определенном кризисе правовой системы Российской империи, созревшем в стране к 1917 г. Часть законов не работала, законотворческий процесс часто не приводил к предполагаемому результату, отсутствовала продуманная правовая политика (часть правовых мер была в буквальном смысле «вырвана» у правительства в период Первой российской революции, но затем власти поспешили от них отказаться, не были в полной мере использованы юридические средства накануне и в период Первой мировой войны). Кризис в правовой сфере способствовал развитию деструктивных явлений, которые остро проявились в дни революционных событий 1917 г.

Литература

1. *Агеева Е.А.* Внешнеторговая политика Российского государства и рынок роскоши в период Первой мировой войны // Человеческий капитал. 2015. № 1 (73). С. 63–68.
2. *Вострикова В.В.* Идеологи российского либерализма начала XX века о правосознании как базовом элементе правового государства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология» 2010. Т. 19. № 16. С. 110–117.
3. Государственная дума. III созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия I. СПб., 1908. Ч. I. 2141 стб.
4. *Гугасари Е.С.* Особенности квалификации преступлений террористического характера по Уголовному уложению 1903 года // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 97–100.
5. *Еропкин А.* Что делала и что сделала III Государственная дума (ответ кадетам). СПб., 1912. 84 с.
6. Журналы комиссии по делам православной церкви // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278 (IV созыв). Оп. 5. Д. 594.
7. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. 5 с.
8. *Маклаков В.А.* II Государственная дума. (Воспоминания современника). Париж, 1936. 260 с.
9. *Медушевский А.Н.* Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27.
10. *Мионов Б.Н.* Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 29–39.

11. О воспрещении привоза в Империю предметов роскоши от 20 октября 1916 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1916. № 348.

12. *Пашенцев Д.А.* Создание Государственного совета Российской империи как попытка реализации идеи разделения властей // Правозащитник. 2016. № 1. 2 с.

13. *Поцелуев Е.Л.* Обсуждение (дискурс) суверенитета в российской правовой науке в конце XIX – начале XX вв. // Государство и право. 2016. № 12. С. 54–63.

14. Речь. 1910. 17 октября.

15. *Романовская В.Б., Рогов С.Л.* Политические преступления по Уголовному уложению 1903 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 183–187.

16. *Тарновский Е.Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал министерства юстиции. 1909. № 9. Ноябрь. С. 52–99.

17. *Турицын И.В.* Власть, общество и терроризм: размышления о российской исторической традиции // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 6–35.

18. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1904. Т. 23. Ч. 1. № 22704.

19. *Федоров К.В.* К вопросу о настроениях рабочего населения западных территорий Российской империи в годы Первой мировой войны // История: факты и символы. 2016. № 2 (7). С. 100–108.

Literatura

1. *Ageeva E.A.* Vneshnetorgovaya politika Rossijskogo gosudarstva i ry'nok roskoshi v period Pervoj mirovoj vojny' // Chelovecheskij kapital. 2015. № 1 (73). S. 63–68.

2. *Vostrikova V.V.* Ideologi rossijskogo liberalizma nachala XX veka o pravosoznanii kak bazovom e'lemente pravovogo gosudarstva // Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya» 2010. T. 19. № 16. S. 110–117.

3. Gosudarstvennaya дума. III sozy'v. Stenograficheskie otchety'. 1907–1908 gg. Sessiya I. SPb., 1908. Ch. I. 2141 stb.

4. *Gugasari E.S.* Osobennosti kvalifikacii prestuplenij terroristicheskogo xaraktera po Ugolovnomu ulozheniyu 1903 goda // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. № 2. S. 97–100.

5. *Eropkin A.* Chto delala i chto sdelala III Gosudarstvennaya дума (otvet kadetam). SPb., 1912. 84 s.

6. Zhurnaly' komissii po delam pravoslavnoj cerkvi // Rossijskij gosudarstvenny'j istoricheskij arxiv (RGIA). F. 1278 (IV sozy'v). Op. 5. D. 594.

7. Imennoj Vy'sochajshij ukaz Pravitel'stvuyushhemu Senatu «O prednachertaniyax k usovershenstvovaniyu gosudarstvennogo poryadka» ot 12 dekabrya 1904 g. // Zakonodatel'ny'e akty' perexodnogo vremeni. 1904–1908 gg. SPb., 1909. 5 s.

8. *Maklakov V.A.* II Gosudarstvennaya дума. (Vospominaniya sovremennika). Parizh, 1936. 260 s.

9. *Medushevskij A.N.* Velikaya reforma i modernizaciya Rossii // Rossijskaya istoriya. 2011. № 1. S. 3–27.

10. *Mironov B.N.* Russkaya revolyuciya 1917 goda kak pobochny'j produkt modernizacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2013. № 10. S. 29–39.

11. О воспreshhenii privoza v Imperiyu predmetov roskoshi ot 20 oktyabrya 1916 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushhem Senate. Pg., 1916. № 348.
12. *Pashenczev D.A.* Sozdanie Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii kak popy'tka realizacii idei razdeleniya vlastej // *Pravozashhitnik*. 2016. № 1. 2 s.
13. *Poceluev E.L.* Obsuzhdenie (diskurs) suvereniteta v rossijskoj pravovoj nauke v konce XIX – nachale XX vv. // *Gosudarstvo i pravo*. 2016. № 12. S. 54–63.
14. Rech'. 1910. 17 oktyabrya.
15. *Romanovskaya V.B., Rogov S.L.* Politicheskie prestupleniya po Ugolovnomu ulozheniyu 1903 g. // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2007. № 3. S. 183–187.
16. *Tarnovskij E.N.* Dvizhenie prestupnosti v Rossijskoj imperii za 1899–1908 gg. // *Zhurnal ministerstva yusticii*. 1909. № 9. Noyabr'. S. 52–99.
17. *Turiczy'n I.V.* Vlast', obshhestvo i terrorizm: razmy'shleniya o rossijskoj istoricheskoj tradicii // *Sovremennaya nauchnaya my'sl'*. 2014. № 1. S. 6–35.
18. Ugolovnoe ulozhenie, vy'sochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III. SPb.*, 1904. T. 23. Ch. 1. № 22704.
19. *Fedorov K.V.* K voprosu o nastroeniyax rabochego naseleniya zapadny'x territorij Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny' // *Istoriya: fakty' i simvoly'*. 2016. № 2 (7). S. 100–108.

A.A. Dorskaya

The Crisis in Law as One of the Causes of the Revolutions of 1917

The article examines different approaches of both scientists of the early twentieth century and modern lawyers to the existence of a crisis in the law on the eve of 1917. The specific examples show attempts by the government to resolve the most acute problems by legal measures. The causes of the executive crisis of the beginning of the last century are revealed.

Keywords: crisis; revolution; legal system; the First World War; reform; social legislation; religious legislation.

И.Л. Честнов

Правопорядок в ситуации постмодерна

Автор статьи показывает проблемы понятия и содержания правопорядка в ситуации постмодерна. Правопорядок трактуется как практики, в которых воспроизводится правовая система социума. Его образуют субъекты права, их взаимодействия и правовые фреймы. Показана роль правовых интересов и легитимации правопорядка.

Ключевые слова: правопорядок; правовые фреймы; юридические типизации; легитимность правопорядка.

Постмодерн как состояние культуры постиндустриального, информационного общества проблематизирует классические представления об устройстве мира и в первую очередь понятие социального порядка, важнейшим аспектом которого выступает правопорядок. По мнению З. Баумана, «сущность “социального порядка” заключена в перераспределении, в дифференцированном размещении ресурсов и стратегии трансцендентности, произведенных культурой, а задача всех социальных порядков состоит в регулировании доступности этих ресурсов и в превращении ее в главный фактор стратификации и важнейшую меру социально обусловленного неравенства» [1: с. 6]. Однако так понимаемый социальный порядок невозможно содержательно, а тем более универсально измерить. Дело в том, что сегодня любое социальное явление или процесс принципиально амбивалентны, а его описание и оценка, которые неразделимы, зависят от позиции наблюдателя. Поэтому можно согласиться с З. Бауманом, что «предлагаемые и находящиеся в обороте жизненные смыслы не могут быть рассортированы на “верные” или “ошибочные”, истинные или мошеннические. <...> Это, однако, не означает, что все предлагаемые жизненные смыслы равноценны; из того, что ни один из них не попадает точно в цель, не следует, что все отклоняются от нее одинаково далеко. Каждая культура живет изобретением и передачей из поколения в поколение смыслов жизни, и всякий порядок держится на манипулировании стремлением к трансцендентности...» [1: с. 4, 5].

(Пост)современность применительно к проблематике социального порядка характеризуется двумя противоположными моментами: расширением автономии человека и одновременно расширением пределов контроля над свободой. «Зияющая пропасть между правом на самоутверждение и способностью контролировать социальные условия, делающие такое самоутверждение осуществимым или нереальным, является, судя по всему, основным противоречием “второй модернити”» [1: с. 64]. Баланс между личной свободой и общественной безопасностью — важнейшая проблема (пост)современности.

При этом приходится констатировать, что сегодня намечается переко́с в сторону безопасности, вытекающий из неуверенности в своем положении, непредсказуемости будущего и неопределенности настоящего. Более того, как прозорливо замечает З. Бауман, власть использует рост угроз общественной безопасности и социальному порядку в целях укрепления собственного господства. «Ощущение риска оказывается новой, более надежной гарантией подчинения» [1: с. 15], поскольку риск — это конструкция, которой легко можно манипулировать. «Ненадежность, будучи отчасти результатом осознанной политики, — со ссылкой на П. Бурдьё констатирует З. Бауман, — разрабатываемой наднациональным и все более экстерриториальным капиталом и с кривой ухмылкой претворяемой в жизнь правителями территориально ограниченных государств, которым не оставлено иного выбора, ненадежность, будучи отчасти следствием новой логики претензии на власть и [новых методов] самозащиты, — такая ненадежность является сегодня основным материалом для строительства глобальной властной иерархии и основным инструментом социального контроля» [1: с. 46].

Приход постмодерна привел к фрагментаризации традиции и обычаев, а также к утрате референтности как общезначимости авторитетов в масштабах социума. В этой связи возникает вопрос: а сохраняется ли сегодня единая общесоциальная культура в масштабах общества как основание социального — и правового — порядка? Или следует вести речь не более чем о субкультурах? Как минимум можно констатировать, что происходит локализация и фрагментаризация социальной идентичности, которая становится все более мозаичной и размытой. А поэтому размывается, фрагментируется по субкультурам и социальный порядок. Этому же способствует отсутствие единых ценностей, множественность нормативных систем и даже их конкуренция в современном сложноструктурированном мультикультурном социуме.

Все вышесказанное лишний раз свидетельствует о том, что постмодерн проблематизирует общественный порядок и его важнейший аспект — **правопорядок**. **Общественный порядок, правопорядок** — как и общество в целом — не «вещь» или данность, а процесс воспроизведения того, что считается «порядком» властью, реализуемый массовыми социальными представлениями и практиками населения. При этом критерий «нормальности» порядка (его «порядковости») определяется системой ценностей, к которым апеллируют при его нарушаемости (когда порядок не проблематизируется — он не рефлексивируется и воспринимается как данность, естественный ход вещей) [2].

Правопорядок с точки зрения постмодернизма выступает практиками, в которых воспроизводится правовая система социума. Как процессуальный аспект правовой системы, **правопорядок включает людей — носителей статусов субъектов права, их взаимодействия и знаковую (ментальную) систему правовых типизаций** (социальных правовых представлений, выражающих юридические значения, доминирующие в данном социуме, конкретизированные до уровня социальной ситуации и носящие процессуальный

характер поведенческого стереотипа)¹. Правовые типизации выступают содержанием юридических фреймов (или скриптов) и «упорядочивают действия и значения, посредством которых в процессе “исполнения” повседневной рутины поддерживается чувство онтологической безопасности. Фреймы представляют собой группы правил, которые помогают создавать и регулировать деятельность, относя ее к тому или иному типу и определяя в качестве объекта установленного диапазона санкций. <...> Формирование особой рамочной структуры, состоящей из и ограниченной взаимодействиями, “придает смысл” действиям, в которые вовлечены участники, с точки зрения их самих и окружающих индивидов. Сюда входит не только “буквальное” понимание событий, но и критерии, на основании которых индивид может осознать, что происходящее носит характер комичности, игры, театрального представления и т. п.» [4: с. 145].

Правовые фреймы представляют собой схемы или модели типичных, юридически значимых ситуаций, а правовые скрипты — модели поведения в этих ситуациях. Юридическая повседневность как правоприменителей, так и обывателей наполнена такого рода правовыми фреймами и скриптами. В процессе правовой социализации у любого человека возникают типизированные схемы того, как вести себя с полицейским, водителем или пешеходом, начальником, в магазине, как составлять юридические документы и т. п. При этом предполагается имплицитный (чаще всего) или эксплицитный диалог — соотнесение собственной интенции и экспектации с поведением «нормального» актора — носителя статуса субъекта права. В практической жизнедеятельности типизация наполняется конкретизацией процессуальным знанием ситуации, «нормальности» поведения в ней, на которое накладывается конкретный интерес данного участника (участников). Выбор варианта поведения предполагает соотнесение знания² о типичности ситуации, ожиданий поведения контрсубъекта и собственных интересов, трансформированных в мотивацию.

В этой связи возникают проблемы определения *интересов актора* социальных правовых интеракций, образующих содержание правопорядка, и проблема согласия (легитимности) как показатель «нормальности» правопорядка в социуме. Интересы акторов социальной жизни сложно эксплицитировать по нескольким соображениям. Прежде всего, как справедливо заявляет С. Люкс, понятие «интересов» является непреодолимо оценочным понятием. Это связано с тем, что «различные представления о том, что же такое

¹ Собственно повседневная жизнь как раз и «подразумевает наличие системы онтологической безопасности, выражающей независимость (автономность) контроля за действиями человека в рамках предсказуемого хода событий» [4: с. 100].

² Такое знание следует именовать практическим или «компетентностным». «Практическое сознание, — пишет Э. Гидденс, — предполагает знание и понимание правил и тактики, посредством которых повседневная социальная жизнь создается и воссоздается во времени и пространстве... Компетентная осведомленность, являющаяся частью практической деятельности, составляющей большую часть повседневной жизни, представляет собой основополагающее (наряду с властью) свойство социального мира» [4: с. 149–150].

интересы, ассоциируются с различными моральными и политическими позициями» [5: с. 58]. Интересы можно попытаться определить как то, что люди считают самым важным в своей жизни; можно — как субъективные предпочтения людей; можно также представить их как «необходимые условия человеческого благосостояния»; а можно — как то, что «конститутивно для благополучия, то есть, содержание достойной жизни» [5: с. 118–121]. Но более важно, пожалуй, другое. Для того чтобы интересы стали основанием действий человека, которыми воспроизводится общественный порядок, они должны быть осмыслены акторами как такие, которые соотносимы с действиями других акторов социальных интеракций и системой социальных норм, образующих содержание социального порядка. Но, во-первых, люди крайне редко рефлексируют свои действия, а действуют в основном на основе интериоризированных в процессе социализации типизаций социальных ситуаций. Во-вторых, у подавляющего большинства людей сегодня общественное мнение — как четко выраженные представления о должном и правильном и средствах его (должного и правильного) достижения, а не мечтания о том, что хорошо быть богатым и здоровым, — по многим, особенно сложным, ситуациям отсутствует. Оно — общественное мнение — как показал П. Бурдьё, формируется и навязывается властью (в широком смысле, включая прежде всего власть СМИ, референтные группы)³. Эффект символического господства состоит, по его мнению, в формировании «габитуса» — диспозиций, реализация которых порождает «практический разум» и упорядочивает представления актора о мире на уровне более низком, чем сознание. Не случайно Ж. Делез в свое время заметил: «...почему же происходит так, что люди, у которых вроде бы нет своего интереса, тесно смыкаются с властью, выключивают себе долю участия в ней? Быть может, это происходит потому, что в терминах инвестиции — столь же экономических, сколь и относящихся к языку бессознательного, корыстный интерес отнюдь не окажется определяющим словом, потому что есть инвестиции желания, объясняющие, почему мы при необходимости можем желать не против своего корыстного интереса, — поскольку интерес всегда следует туда и находится там, куда его помещает желание, — но желать каким-то более глубинным и рассеянным образом, чем то диктует интерес» [6: с. 77].

Еще проблематичнее определить *легитимность или согласие подвластных* на то или иное конкретное содержание общественного порядка, без чего он — социальный порядок — не мыслим. Дело в том, что предположение о рациональности легитимации как процедуры легализации общественного порядка, якобы приходящей на смену традиционной легитимации как суггестии (внушения), на чем настаивал М. Вебер, оказалось завышенным ожиданием.

³ Вместо общественного мнения есть, «с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные и группы давления, мобилизованные вокруг системы в явном виде сформулированных интересов, и с другой стороны, — предрасположенности, которые по определению не есть мнение, если под этим понимать, как я это делал на протяжении всего анализа, то, что может быть сформулировано в виде высказывания с некой претензией на связности» [3: с. 177].

И даже гораздо более утонченные концепции аутопойезиса Н. Лумана или делиберативной (коммуникативной, процедурной) легитимации Ю. Хабермаса сегодня представляются не более чем утопиями. «Идея, будто может существовать состояние коммуникации, — писал М. Фуко, — которая будет такова, что игры истины смогут циркулировать в ней без препятствий, без давления и последствий принуждения, на мой взгляд, принадлежит к порядку утопии» [6: с. 266]. Более того, современная государственная рациональность, по изысканиям М. Фуко, коренится в теории государственного интереса, состоящего в самосохранении, и концепции полиции как тотальном управлении всей жизнедеятельностью человека. Поэтому, заключает он, «современным школам рациональности вряд ли нравятся попытки написать их историю, что, безусловно, свидетельствует о многом» [6: с. 303, 315].

Сегодня проблематизируется не только рациональность выбора как основание согласия в обществе, но и сам критерий свободы такого выбора, как и сам выбор, если обстоятельства, ему предшествующие, и результат зависят от множества не поддающихся расчету факторов. В этой связи можно согласиться с точкой зрения К. Хейворд, которая пишет, что области действия необходимо ограничены процессами аккультурации или формирования идентичности, поэтому невозможно различие свободного действия и действия, определяемого воздействием других [7: с. 30].

Сложность экспликации легитимности правопорядка состоит в том, что общественные интересы, если таковые существуют как четко выраженные предпочтения, всегда ситуативны, изменчивы, подвержены манипуляциям власти. Более того, отсутствие сопротивления существующему порядку не означает, что он — порядок — легитимен, т. е. принимается населением как «правильный», справедливый, другими словами, одобряется широкими народными массами. Как показал Д. Скотт в работе «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты» [8], подвластное население зачастую притворяется, чтобы выжить, и поэтому не высказывает явного недовольства существующим положением дел. Поэтому только в реально демократических обществах (и то с некоторыми оговорками) можно выявить легитимность социального порядка социологическими методами. В иных обществах требуются глубинные антропологические исследования для выявления легитимности общественного порядка.

Легитимность, как показал П. Бурдьё, состоит в навязывании властью с помощью символического господства представления о том, что существующий социальный порядок самоочевиден и естественен, при этом скрывая с помощью механизма социальной амнезии его сконструированность властью из «первичного произвола». В то же время он предостерегал от признания того, что легитимация социального порядка является продуктом сознательно направленного действия пропаганды или символического внушения. Натурализация социального порядка достигается непреднамеренно действием множества факторов. Но нельзя недооценивать власть идеологии, которая, как пишет С. Люкс, принимает разные формы «— от прямой цензуры и дезинформации до различных институциональных и персональных способов инфантилизации суждения, продвижения всех

вариантов отказа от рациональности и поддержания иллюзорного мышления, среди которых “натурализация” того, что могло бы быть иным, и сокрытие источников желаний и верований» [5: с. 212–213].

Таким образом, правопорядок в ситуации постмодерна является продуктом социального контроля, он конструируется механизмами господства, которые включают, по мнению С. Люкса, «внедрение представлений (и последующий надзор за их укоренением) о сексуальной и ментальной “нормальности”, о стандартах моды и мифах красоты, а также о гендерных ролях и возрастных категориях и, кроме того, об идеологических границах — например, между приватным и публичным, рыночным и нерыночным; это также бесчисленные формы и способы подавляющего навязывания стереотипов, форматирования и подачи информации в масс-медиа и в политических кампаниях и проч.» [5: с. 176].

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
3. Бурдьё П. Общественное мнение не существует // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 159–179.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
5. Люкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. 384 с.
7. Hayward C. R. De-facing Power. Cambridge, 2000. Cambridge University Press, 2000. 228 p.
8. Scott J.G. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, Yale University Press, 1990. 344 p.

Literatura

1. Bauman Z. Individualizirovanoe obshhestvo. M.: Logos, 2002. 390 s.
2. Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sociologii gradov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 576 s.
3. Burd'e P. Obshhestvennoe mnenie ne sushhestvuet // Burd'e P. Sociologiya politiki. M.: Socio-Logos, 1993. S. 159–179.
4. Giddens E'. Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii. M.: Akademicheskij Proekt, 2003. 528 s.
5. Lyuks C. Vlast': Radikal'ny'j vzglyad. M.: Izd. dom Gos. un-ta — Vy'sshej shkoly e'konomiki, 2010. 240 s.
6. Fuko M. Intellektualy' i vlast': Izbranny'e politicheskie stat'i, vy'stupleniya i interv'yu. Ch. 1. M.: Praksis, 2002. 384 s.
7. Hayward S. R. De-facing Power. Cambridge, 2000. Cambridge University Press, 2000. 228 r.
8. Scott J.G. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, Yale University Press, 1990. 344 r.

I.L. Chestnov

Law and Order in a Postmodern Situation

The author of the article shows the problems of the concept and content of law and order in a situation of postmodernity. The rule of law is treated as practices in which the legal system of society is reproduced. It is formed by the subjects of law, their interaction and legal frames. The role of legal interests and the legitimization of law and order is shown.

Keywords: law and order; legal frames; legal typing; legitimacy of law and order.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

А.Ю. Ключников

О возможности национального нормоконтроля актов вторичного права Европейского союза

В статье рассмотрены вопросы соотношения наднациональной (общеевропейской) и национальной компетенции по нормоконтролю актов вторичного права ЕС. Определены органы, полномочные признавать акты недействительными и осуществлять их прямой и опосредованный контроль. Исследованы теоретические и практические проблемы, затрудняющие эффективную реализацию европейских актов в национальном праве государств — членов ЕС.

Ключевые слова: суд; право Европейского союза; акт вторичного права ЕС; регламент; директива; конституционный суд; правоприменение.

Проблема нормоконтроля актов вторичного права ЕС обусловлена содержанием и действием в ЕС принципа верховенства права ЕС. Как отмечает С.Ю. Кашкин, «безусловное верховенство на территории ЕС... имеют регламенты, директивы, другие правовые акты органов ЕС» [3: с. 635]. Суд ЕС разъяснил, что «акты вторичного права могут быть источником прав и обязанностей отдельных лиц» [13: с. 7289].

Углубление интеграционных процессов, влекущее рост рисков нарушения основных прав и свобод, породило сомнения относительно субъекта, компетентного рассматривать жалобы на нарушения таких прав и свобод органами и институтами ЕС, закрепленных в актах вторичного права ЕС. С момента вступления в силу Лиссабонского договора презумпция о надлежащем уровне защиты основных прав и свобод институтами ЕС укрепилась, а ст. 6 договора «О Европейском союзе» представляет собой одну из основ функционирования ЕС. В условиях увеличения правовой материи, регулируемой правом ЕС, усиливающегося влияния практики Суда ЕС на процесс толкования и применения норм национального права все больше возникает опасность коллизий между общеевропейским и национальным конституционным правотворчеством и правоприменением.

С одной стороны, само существование наднациональных органов и институтов ЕС предполагает их монополию на общеевропейское правотворчество и правоприменение, поскольку вступление государства в ЕС означает признание существования правил и норм, действующих вне системы отечественных законодательных органов. Действие принципа верховенства права ЕС не позволяет ни одному национальному государственному органу блокировать действие норм права ЕС через их невыполнение или отмену. Единственный орган, компетентный принимать решения о действии актов права ЕС, — Суд ЕС.

Так, Суд ЕС прямо выразил позицию, что национальные суды не обладают компетенцией для принятия решения о недействительности актов вторичного права ЕС. Исключительные полномочия в этой сфере имеют наднациональные суды ЕС [12: с. 4199].

В силу действия принципа надделения компетенцией (п. 1 ст. 5 договора о ЕС) компетенция ЕС, включая правотворческую, может быть реализована только в пределах, определенных в договорах между государствами — членами ЕС (при вступлении в ЕС нового государства или на основании «ревизионного» договора, пересматривающего первичное право ЕС). Результатом такого разделения полномочий становится передача Суду ЕС компетенции по толкованию права ЕС, обеспечению единообразного его применения во всех государствах — членах ЕС, по принятию решений о соответствии актов вторичного права общим принципам права ЕС и актам первичного права. Монополия Суда ЕС в этой сфере в свете тенденции последних лет кажется незыблемой, можно сказать, что ЕС «крадущимися действиями очевидно присваивает себе все больше компетенции» [14: с. 167–168].

Акты вторичного права ЕС могут составлять правовую основу административных и судебных решений в государствах — членах ЕС и быть источником прав и обязанностей отдельных лиц, а их нормативная определенность и ясность формулировок не оставляют свободы органам государств — членов ЕС [10: с. 1229]. Такая непосредственная эффективность не требует государственного вмешательства.

С другой стороны, возможность влияния на содержание и действие актов вторичного права ЕС (опосредованный нормоконтроль) национальными органами власти государств — членов ЕС заложена в акты первичного права ЕС.

Государства — члены ЕС имеют возможность влиять на содержание любых принимаемых ЕС актов вторичного права в процессе работы над ними через представителей государств-членов (министров) в Совете, Европейском парламенте (п. 1 ст. 16 договора «О Европейском союзе», п. 1–2 ст. 289 договора «О функционировании Европейского Союза»). Важную роль играют и национальные парламенты, которые, в дополнение к функциям национального законодателя, участвуют в процессе становления права ЕС (ст. 12 договора «О Европейском союзе» и Протокол о роли национальных парламентов в Европейском союзе, приложение к Лиссабонскому договору).

Государства-члены вправе обращаться с исками в Суд ЕС для контроля правомерности актов вторичного права ЕС (ст. 263 Договора о функционировании ЕС). Кроме того, суды государств — членов ЕС могут направлять преюдициальные запросы в Суд ЕС в ходе проводимого разбирательства в случае сомнений относительно законности актов, принятых органами и институтами ЕС (ст. 267 Договора о функционировании ЕС).

Вступая в ЕС, новые государства-члены передают ЕС компетенцию органов государственной власти в объеме, определенном в первичном праве ЕС и в Договорах о вступлении в ЕС, в том числе компетенцию по правотворчеству. Следствием этого является действие в национальных правовых порядках правовых актов, создаваемых институтами и органами ЕС.

Современный европейский правовой порядок многокомпонентен, охватывает устанавливаемые институтами ЕС договорные нормы, однако включает и нормы, действующие в национальном праве. Система является динамической: отношения между европейским и национальным правовыми порядками подвергаются эволюции наряду с изменениями в праве ЕС.

Европейское право не возникает в пространстве союза абстрактным и свободным от влияния государств — членов ЕС и их объединений, не создается произвольным образом институтами ЕС, а является результатом совместных действий государств-членов. Право ЕС и национальное право государств — членов ЕС связывает принцип пропорциональности. Данное обстоятельство значительно снижает опасность возникновения различных стандартов защиты основополагающих прав и свобод [1: с. 134].

У юристов (специалистов) вопросы толкования учредительных документов ЕС, отданные на откуп Суду ЕС как «конституционному суду ЕС», возражений не вызывают, однако вопрос о контроле актов вторичного права ЕС является предметом дискуссий.

Суд ЕС провозглашает основные права человека неотъемлемой частью общих принципов права ЕС, гарантом реализации которых он является. В решении по делу *Nold* указано, что, «защищая эти права, Суд получает вдохновение от конституционных традиций государств-членов, поэтому не может поддерживать меры, не совместимые с основными конституционными правами» [12: с. 491]. «Общеввропейский правовой порядок обеспечивает эффективную защиту основных прав, поскольку постоянно обращается к конституционным традициям государств — членов ЕС» [9: с. 419]. В решении по делу *Mangold v. Helm* Суд ЕС разъяснил, что регламенты ЕС имеют безусловный обязательный характер в рамках предоставленной компетенции и не могут иметь частный характер [14: с. 635].

Казалось бы, на уровне наднациональной судебной инстанции исчерпывающим образом определена исключительная компетенция по нормоконтролю актов вторичного права ЕС. Однако в решении по делу *Foto-Frost* Суд ЕС дифференцирует возможность признания их недействительными (оставляя данную компетенцию за собой) и контроля актов ЕС. Исходя из этого, национальные

высшие судебные инстанции, не претендуя на право признавать акты органов ЕС недействительными, активно пользуются правом их контролировать на предмет соответствия национальной конституции.

Немецкий Федеральный Конституционный суд в известном решении по делу Solange I 1974 г. [7: с. 2] разъяснил, что основополагающие права и свободы являются неотъемлемой частью Основного закона ФРГ. До тех пор пока на общеевропейском уровне их перечень отсутствует, это отсутствие влечет правовую неопределенность. В этой связи Конституционный суд и в дальнейшем компетентен контролировать наличие нарушений Основного закона. В решении по делу Solange II 1986 г. [8: с. 366] Федеральный Конституционный суд Германии продекларировал отказ от контрольных полномочий над вторичным правом ЕС, однако, по мнению А.В. Клемина, сохранил монополию за контролем идентичности конституционного правопорядка ФРГ [4: с. 188]. Конституционный контроль осуществляется опосредованно, через выраженный в ст. 23 Конституции ФРГ запрет на применение конкретного акта ЕС в национальном праве. В каждом случае требуется демонстрация такого факта, что вследствие принятия акта вторичного права произошло снижение минимальных стандартов защиты основных прав и свобод, гарантируемых Основным законом.

В этом ряду особенно следует отметить позицию Конституционного суда Чехии. Конституцией Чехии проверка актов вторичного права ЕС не предусмотрена ни в порядке судебных запросов (они могут касаться только законов), ни в порядке конституционных жалоб (жалоба может касаться судебного решения по существу, а не правового акта).

В постановлении от 31 января 2012 г. Конституционный суд заявил, что актом наивысшей юридической силы на территории Чехии является Конституция [6: с. 237]. Конституционный суд остается Верховным Хранителем чешского конституционного строя, в том числе и от возможных злоупотреблений со стороны органов ЕС или действия норм европейского права. Правовые акты органов ЕС, осуществляющие толкование или развивающие право ЕС таким образом, что это ставит под угрозу основы конституционного строя и цели демократического правового государства, не могут применяться в Чехии. В соответствии с вышеизложенным Конституционный суд будет осуществлять контроль в качестве суда последней инстанции.

Такой подход основан на нормах национальных конституций. Так, подпункты а, б п. 1 ст. 87 Конституции Чехии предоставляют Конституционному суду полномочия по принятию решений об отмене законов и их отдельных положений, иных правовых актов и их отдельных положений, если они противоречат конституционному закону или международному договору. Статья 79 Конституции Польши предоставляет право обратиться с жалобой в Конституционный суд по вопросу о соответствии Конституции закона или иного нормативного акта любому лицу, чьи права или свободы были нарушены.

Вступая в ЕС, новые государства-члены сохраняют конституционное регулирование в части контроля любых нормативных актов, в том числе и актов

вторичного права ЕС. Ни один из них не признает «жесткие формы приоритета, когда международный договор встает в один ряд с конституционным законом» [2: с. 189]. Однако постоянство норм предопределяется таким его свойством, как нормативность. Представляется, что данное правило должно применяться и к наднациональному праву.

По факту такая возможность обуславливается расширительным толкованием термина «иные правовые акты», прямо предусмотренным в национальных конституциях. Высшие судебные инстанции оставляют за собой «возможность для маневра», сохраняют статус суда «последнего слова» в тех случаях, когда акты ЕС, по их мнению, снижают минимальный уровень прав и свобод, гарантированный национальной Конституцией.

Проблема практического характера связана с тем, что зачастую трудно определить, основано ли решение суда или акт административного органа о правах и обязанностях лица на нормах европейского права или они имеют исключительно национальную правовую природу [5: с. 37]. Определение того, какой акт составляет правовую основу решения суда или административного органа, является существенным для разрешения вопроса о предмете и субъекте контроля. Суждение может быть сделано на основе нормы национального права, реализующей право ЕС (директива ЕС), или акта прямого действия, на который ссылка правоприменителем не делается (распоряжение ЕС).

Резюмируем: в рамках ЕС создан уникальный контрольный механизм, реализующий единые стандарты обеспечения конституционных ценностей государств — членов ЕС. Обладая правом на признание актов вторичного права ЕС недействительными, Суд ЕС обеспечивает единство системы за счет выработки общих для всех государств-членов правил правоприменения. Национальные высшие судебные инстанции, осуществляя контроль за соответствием актов вторичного права ЕС национальным конституциям, не только сохраняют минимальный уровень защиты прав и свобод человека, но и не допускают безмерного расширения компетенции органов и институтов ЕС, способного свести на нет национальную идентичность каждого из государств-членов. Несмотря на трудности, взаимодействие должно основываться на принципе лояльного сотрудничества, взаимного уважения и поддержки в выполнении задач, вытекающих из международных договоров.

Литература

1. *Бирюков П.Н.* Право международных организаций: учеб. пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 147 с.
2. *Исполинов А.С.* Статус международных договоров в национальном праве: некоторые теоретические и практические аспекты // Российский юридический журнал. 2014. № 1 (94). С. 189–191.
3. *Кашкин С.Ю.* Право Европейского союза: учебник для магистров. 3-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2014. 1119 с.
4. *Клемин А.В.* О соотношении национального и европейского права // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 2. С. 184–194.

5. *Панова И.В.* Административное право в актах Европейского суда по правам человека // Закон. 2012. № 2. С. 35–48.

6. NÁLEZ Ústavního soudu Česká republika «Slovenské důchody XVII — aplikace Smlouvy mezi ČR a SR o sociálním zabezpečení, závazky z mezinárodního a unijního práva» // N 24/64 SbNU 237. S. 230–242.

7. BundesVerfassungsGerichtsEntscheidungen, 37. S. 280–287.

8. BundesVerfassungsGerichtsEntscheidungen, 73. S. 358–369.

9. Case C-29/69 Stauder v. Ulm [1969] ECR 419.

10. Case C-9/73 Schlüter [1973] ECR I-1229.

11. Case C-4/73 Nold v. Commission [1974] ECR 491.

12. Case C-314/85 Foto-Frost [1987] ECR I-4199.

13. Case C-253/00 Muñoz [2002] ECR I-7289.

14. Case C-144/04 Mangold v. Helm [2005] ECR I-9981.

15. *Möllers Ch.* German Federal Constitutional Court Constitutional Ultra Vires Review of European Acts Only Under Exceptional Circumstances // European Constitutional Law Review. Vol 7. P. 161–167.

Literatura

1. *Biryukov P.N.* Pravo mezhhdunarodny'x organizacij: ucheb. posobie dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Yurajt, 2016. 147 s.

2. *Ispolinov A.S.* Status mezhhdunarodny'x dogovorov v nacional'nom prave: nekotory'e teoreticheskie i prakticheskie aspekty' // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2014. № 1 (94). S. 189–191.

3. *Kashkin S.Yu.* Pravo Evropejskogo soyuza: uchebnik dlya magistrrov. 3-e izd., per. i dop. M.: Yurajt, 2014. 1119 s.

4. *Klemin A.V.* O sootnoshenii nacional'nogo i evropejskogo prava // Aktual'ny'e problemy' e'konomiki i prava. 2010. № 2. S. 184–194.

5. *Panova I.V.* Administrativnoe pravo v aktax Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Zakon. 2012. № 2. S. 35–48.

6. NÁLEZ Ústavního soudu Česká republika «Slovenské důchody XVII — aplikace Smlouvy mezi ČR a SR o sociálním zabezpečení, závazky z mezinárodního a unijního práva» // N 24/64 SbNU 237. S. 230–242.

7. BundesVerfassungsGerichtsEntscheidungen, 37. S. 280–287.

8. BundesVerfassungsGerichtsEntscheidungen, 73. S. 358–369.

9. Case C-29/69 Stauder v. Ulm [1969] ECR 419.

10. Case C-9/73 Schlüter [1973] ECR I-1229.

11. Case C-4/73 Nold v. Commission [1974] ECR 491.

12. Case C-314/85 Foto-Frost [1987] ECR I-4199.

13. Case C-253/00 Muñoz [2002] ECR I-7289.

14. Case C-144/04 Mangold v. Helm [2005] ECR I-9981.

15. *Möllers Ch.* German Federal Constitutional Court Constitutional Ultra Vires Review of European Acts Only Under Exceptional Circumstances // European Constitutional Law Review. Vol 7. P. 161–167.

A.Y. Klyuchnikov

**About the Possibility of a National Compliance Assessment
of Secondary Law of the European Union**

The article examines the correlation between supra-national (European) and national competencies in compliance assessment of secondary law of the EU. Identified the bodies authorized to recognize the acts void and implement their direct and indirect control. Theoretical and practical problems hindering the effective implementation of European regulations in national law of the member States of the EU.

Keywords: court; law of the European Union; the act of secondary EU law; regulation; Directive; constitutional court; enforcement.

Э.Х. Надысева

Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде подписки о невыезде и залога в современном УПК РФ

В данной статье рассматриваются актуальные аспекты избрания мер пресечения в виде подписки о невыезде и залога. Обозначены основные проблемы, связанные с ограничением прав и свобод гражданина. В том числе в данной статье рассматриваются вопросы, связанные с тем, что на сегодняшний день данные меры пресечения не имеют строгой законодательной регламентации, а именно: в отличие от иных мер пресечения, не ограничены сроки избрания залога и подписки о невыезде. Предлагаются положения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства относительно таких мер пресечения, как залог и подписка о невыезде.

Ключевые слова: ограничения прав и свобод; подписка о невыезде; мера пресечения; сроки подписки.

Поскольку уровень реализации прав на свободу и личную неприкосновенность служит необходимой предпосылкой не только становления, но и формирования правового государства, он является главным показателем того, что человек живет в демократическом обществе.

Ни для кого не секрет, что каждому гражданину в нашей стране Конституция РФ высшей ценностью провозглашает и гарантирует право на свободу и личную неприкосновенность, тем самым возлагая на государство обязанность признания, соблюдения и защиты этих прав, и это право должно обеспечиваться также и государственными институтами. Бесспорно, в демократическом обществе, если мы таковым считаемся, правам на свободу и личную неприкосновенность, которые закреплены в ст. 22 Конституции РФ [1], должна отводиться первостепенная роль.

Как же должны быть реализованы указанные права человека, как гражданина РФ в частности, и члена демократического общества в целом? Безусловно, каждый знает, что он может собой распоряжаться всецело: свободен в выборе места своего проживания и времяпровождения, по своему усмотрению свободно, т. е. беспрепятственно, может перемещаться как по России, так и по всему миру и нельзя его огульно подвергать арестам и задержаниям.

Нами здесь и далее никоим образом не оспаривается то обстоятельство, что с момента возбуждения уголовного дела и до вступления приговора в законную силу возможно применение различных мер пресечения.

Однако при применении каких-либо мер, затрагивающих права и свободы человека и его личную неприкосновенность, следует всегда помнить о том, что согласно уголовно-процессуальному законодательству, а именно ст. 14 УПК РФ (презумпция невиновности), обвиняемый считается невиновным, пока его вина не доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Поэтому вопросы, связанные как с определением, так и с применением меры пресечения, не перестают быть актуальными, остаются открытыми для изучения и в наше время. Среди ученых-процессуалистов, которые изучают нами обозначенную проблематику, имеются некоторые расхождения во мнениях относительно дефиниции понятия мер пресечения. Так, еще в 80-е гг. прошлого века И.И. Карпец и А.В. Наумов отметили, что «мера пресечения есть разновидность, начало, элемент уголовной ответственности» [6: с. 23].

Тем не менее многие ученые-процессуалисты, придерживаясь иной точки зрения, дают определение меры пресечения с позиции принуждения с целью превенции. Они рассуждают, что меры пресечения — это разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, которые применяются в установленном законом порядке к обвиняемому (в исключительных случаях — к подозреваемому) для обеспечения явки лица в органы расследования и суд, для пресечения продолжения преступной деятельности и воспрепятствования производству по делу, а также для исполнения приговора и возможной экстрадиции лица [3: с. 85]. Как точно отметил А.Р. Белкин: «Вопросы избрания... мер пресечения — продолжают оставаться в центре внимания, как ученых-процессуалистов, так и практических работников» [4: с. 22].

В первую очередь, при дефиниции понятия меры пресечения надо сделать акцент на том, что это прежде всего процессуальные средства ограничения прав и свобод подозреваемого (обвиняемого), и они «на довольно длительный период ограничивают личную свободу обвиняемого (свободу передвижения, общения, совершения определенных действий, препятствующих доказыванию по делу)» [5: с. 110]. Следовательно, мера пресечения — это в какой-то мере начало, элемент, разновидность уголовной ответственности — уголовно-процессуальная ответственность.

Итак, согласно теории уголовного процесса, меры пресечения — это предусмотренные УПК РФ ограничения прав и свобод подозреваемого, обвиняемого в целях обеспечения судопроизводства по уголовному делу.

Бесспорно, в УПК РФ содержатся нормы, которые гарантируют права лиц, в отношении которых применяются меры пресечения, начиная с принципиальных положений, основанных на конкретных правовых нормах. К примеру, при производстве предварительного расследования, согласно ст. 98 УПК РФ [2], могут применяться такие виды мер пресечения, как подписка о невыезде, домашний арест, личное поручительство, заключение под стражу, залог. Наряду с этим обозначенными мерами в отношении несовершеннолетних может быть применен присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, а к военнослужащим — наблюдение командования воинской части.

Законодателем особое внимание уделено такой мере пресечения, как заключение под стражу (ст.ст. 108, 109 УПК РФ) (данная позиция законодателя нами не критикуется и не оспаривается). Законом определены здесь не только условия, порядок ареста, но и сроки, и порядок продления сроков содержания под стражей — и это правильно. А также в кодексе расписаны и все права подозреваемого (обвиняемого) и подсудимого, который находится под стражей. Лица, находящиеся под стражей, защищены уголовно-процессуальными нормами, относящимися как к стадии предварительного расследования, так и к стадии уголовного судопроизводства. К примеру, на стадии судебного разбирательства, в соответствии со ст. 255 УПК РФ, сроки содержания под стражей ограничены, а на основании ст. 311 УПК РФ необходимо из-под стражи освободить подсудимого, если в отношении него, во-первых, вынесен обвинительный приговор с назначением наказания в виде лишения свободы условно или обвинительный приговор, не связанный с лишением свободы; во-вторых, вынесен обвинительный приговор с назначением наказания и с освобождением от его отбывания, в-третьих, вынесен оправдательный приговор.

Можно указать и другие положения УПК РФ, которые так или иначе гарантируют права лица, которое содержится под стражей. В том числе следует отметить, что развернут и последовательно регламентирован в качестве меры пресечения порядок назначения домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) и залога (ст. 106 УПК РФ), хотя в отношении использования последнего в законодательстве также имеются некоторые пробелы.

Мы считаем, что не до конца отрегулированы многие вопросы, которые непосредственно связаны с применением меры пресечения, а именно: представляется необходимым отметить, что в основном, как мы уже заметили, все процессуальные гарантии касаются таких мер пресечения, как заключение под стражу или домашний арест, и совершенно не затрагивают такие самые распространенные меры пресечения, как подписка о невыезде, надлежащем поведении и залог.

В частности, обратим внимание и на то, что в самом бланке **подписки о невыезде** не содержатся данные о сроках действия указанной меры пресечения. При оформлении этого документа лишь указывается, на какой период времени избирается подписка о невыезде: «на период предварительного следствия и суда» либо «до окончания предварительного следствия».

Следовательно, если применены к обвиняемому подписка о невыезде либо залог, то ограничения будут действовать на все время, пока длится предварительное расследование и судебное разбирательство, т. е. до вынесения приговора. А также в отличие от таких мер пресечения, как домашний арест и заключение под стражу, подписка о невыезде либо залог никак не уменьшают срок наказания и не засчитываются в него.

Между тем в судебно-следственной практике подписка о невыезде и надлежащем поведении на сегодняшний день, наравне с заключением под стражу, наиболее часто применяется, однако нами не найдены какие-либо официальные статистические данные применения указанной меры пресечения.

Здесь в свою очередь представляется необходимым отметить, что качество доказывания, которое осуществляется в ходе расследования и проводится органами Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ), внутренних дел и иными ведомствами, остается наиболее слабым звеном их деятельности. Следовательно, сроки предварительного расследования (как на практике часто и происходит) могут продлеваться «в исключительных случаях Председателем СК РФ, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями на неопределенный срок».

А иногда незнание сотрудниками следственных органов в должной мере как процессуального, так и материального права, а в последующем их нежелание признавать собственные ошибки является первопричиной того, что в отношении невиновного лица незаконно применяются меры пресечения не только в виде заключения под стражу, но также и в форме подписки о невыезде и надлежащем поведении и залоге, тем самым нарушая гарантированные Конституцией права на свободу и личную неприкосновенность.

К примеру, срок предварительного расследования по делу № 201/837069-14 в очередной раз заместителем Председателя Следственного комитета РФ продлен еще на 4 месяца, а в общей сложности на сегодняшний день получается уже до 37 месяцев, из них 12 месяцев в отношении обвиняемого А. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а 25 месяцев — подписка о невыезде. Однако до сих пор предварительное следствие не окончено, и следственные действия уже более года вообще не проводятся. Безусловно, эти нарушения носят немассовый характер. Однако достаточно нескольких подобных случаев в деятельности СК РФ, и мы уже не верим в то, что выводы предварительного следствия объективны, беспристрастны и незыблемы.

Из данного утверждения следует, что если предварительное расследование попадает именно на тот исключительный случай, то гражданина без приговора суда (вина его еще не доказана) могут ограничивать в его конституционных правах на неопределенный срок.

Представляется, что также и правовое регулирование процессуальных оснований, которые позволяют избирать меру пресечения в виде залога, также несовершенно. Придерживаясь точки зрения Н.В. Ткачевой [8: с. 36], отметим, что применение залога всегда следует рассматривать комплексно, так как это комплексный уголовно-процессуальный и гражданско-правовой акт. Для уяснения проблематики применения данной меры пресечения считаем необходимым раскрыть сущность залога как меры пресечения. Эта сущность заключается в том, что у обвиняемого (подозреваемого) или лица, которое заинтересовано в судьбе обвиняемого (подозреваемого), на добровольной основе временно изымается из обращения имущество и помещается в депозит суда либо органа, в производстве которого находится уголовное дело. При этом, несмотря на добровольность указанной меры пресечения, следует не забывать и об интересах внесшего залог лица, так как это лицо хотя и временно, но на неопределенный срок без приговора суда лишается своего имущества.

Итак, считаем, что в настоящее время актуализировался вопрос об установлении срока действия анализируемых нами в данной статье мер пресечения на законодательном уровне, так как:

- во-первых, как нами было выше обозначено, подписка о невыезде и надлежащем поведении существенно ограничивает право гражданина на свободу его передвижения;

- во-вторых, залог, как мы знаем, по степени тяжести принуждения стоит на третьем месте (после заключения под стражу и домашнего ареста), и он, безусловно, позволяет в меньшей степени ограничивать права и свободы участникам уголовного процесса. Однако залог основан не только на угрозе материальных потерь, данная мера пресечения лишает гражданина хотя и временно, но на неопределенный срок, его права на частную собственность, а именно: пользоваться и распоряжаться ею как единолично, так и совместно с иными лицами. Сам факт, что в случае нарушения обязательств по залогоу будет потеря имущества и лишение свободы, является серьезным психическим воздействием.

В чем же заключается суть подписки о невыезде? Подписка о невыезде — это письменное обязательство подозреваемого либо обвиняемого:

- во-первых, без разрешения дознавателя, следователя или суда не покидать постоянное либо временное место жительства;

- во-вторых, по вызовам в назначенный срок являться к дознавателю, следователю и в суд;

- в-третьих, иным путем не препятствовать производству по уголовному делу.

В связи с тем, что ст. 102 УПК РФ не ограничивает во времени срок действия подписки о невыезде, гражданин лишается свободы передвижения на неопределенный срок.

Считаем также, что противоречит закону и такая практика, когда подозреваемого (обвиняемого) обязывают отмечаться периодически в суде или у дознавателя, следователя. Нам представляется, что каждый вызов данного лица должен быть обоснован необходимостью его участия в конкретных процессуальных действиях.

Таким образом, в достаточной для уголовного судопроизводства мере подписка о невыезде, с одной стороны, ограничивает права и свободы подозреваемого, обвиняемого, с другой стороны, в полной мере не дает возможности контролировать ограничения, которые установлены.

Безусловно, в большинстве случаев должностными лицами такая мера пресечения, как подписка о невыезде, вообще не воспринимается в качестве «реальной» меры пресечения, вследствие этого на практике часто они ее применяют к любому подозреваемому (обвиняемому) независимо от того, есть ли какие-либо основания, которые предусмотрены ст. 96 УПК РФ, т. е. произвольно и необоснованно. По статистическим данным Ю.А. Тимохина, в 80 % случаев применяется подписка о невыезде, в 20 % — заключение под стражу, а остальные меры пресечения носят эпизодический характер [7: с. 9].

Считаем, что самая распространенная формулировка постановления об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде вообще не соответствует нормам УПК РФ, а именно: «Учитывая, что обвиняемый работает и имеет постоянное место жительства, содержит семью, мерой пресечения избрать подписку о невыезде». Нам представляется, что в данном случае, в соответствии со ст. 96 УПК РФ, вообще не разумно избирать какую-либо меру пресечения, а можно ограничиться лишь обязательством о явке.

Возникает следующий вопрос: серьезно ли воспринимают сами лица, в отношении которых отобрана подписка о невыезде, ограничения своих прав и свобод, и если воспринимают, то насколько? Безусловно, сами граждане довольно серьезно относятся к анализируемой мере пресечения, потому что свобода передвижения в жизнедеятельности современного человека занимает значительное место — это различные поездки, которые могут быть как запланированными, так и внеплановыми, в том числе и заграничные путешествия.

Итак, в заключение мы предлагаем следующие пути решения обозначенных выше проблем. Во-первых, применение такой меры пресечения, как подписка о невыезде, должно быть специально обосновано, во-вторых, залог и подписка о невыезде должны носить срочный характер. Таким образом, мы предлагаем на законодательном уровне при назначении уголовного наказания установить порядок зачета времени нахождения под подпиской о невыезде, а также определить сроки применения залога и подписки о невыезде и установить четкий порядок их продления.

Представляется, что применение всех перечисленных в данной научной статье мер может повысить законность деятельности органов предварительного расследования и суда.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // *Собрание законодательства РФ*. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. *Андреева О.И.* и др. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 446 с.
4. *Белкин А.Р.* «Менее строгие» меры пресечения в уголовном процессе России // *Уголовное судопроизводство*. 2012. № 3. С. 22–26.
5. *Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: пособие по подготовке к экзамену. СПб.: Питер, 2009. 160 с.
6. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев, А.Д. Бойков и др.; под ред.: А.Д. Бойков, И.И. Карпец. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.

7. Тимохин Ю.А. Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю // Российский следователь. 2012. № 10. С. 9–11.

8. Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России: монография / науч. ред. А.В. Кудрявцева. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. 192 с.

Literatura

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny'x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 04.08.2014. № 31. St. 4398.

2. Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 28.03.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 24.12.2001. № 52 (ch. I). St. 4921.

3. Andreeva O.I. i dr. Ugolovny'j process: uchebnik dlya bakalavriata yuridicheskix vuzov / pod red. O.I. Andreevoj, A.D. Nazarova, N.G. Stojko i A.G. Tuzova. Rostov n/D: Feniks, 2015. 446 с.

4. Belkin A.R. «Menee strogie» mery' presecheniya v ugolovnom processe Rossii // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2012. № 3. S. 22–26.

5. Kalinovskij K.B. Ugolovny'j process: posobie po podgotovke k e'kzamenu. SPb.: Piter, 2009. 160 s.

6. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. Obshhaya chast' / V.B. Alekseev, L.B. Alekseeva, V.P. Bozh'ev, A.D. Bojkov i dr.; pod red.: A.D. Bojkov, I.I. Karpec. M.: Yurid. lit., 1989. 640 с.

7. Timoxin Yu.A. Znachenie podpiski o nevy'ezde i nadlezhashhem povedenii kak mery' presecheniya, prepyatatstvuyushhej ukloneniyu obvinyaemogo ot yavki k sledovatelyu // Rossijskij sledovatel'. 2012. № 10. S. 9–11.

8. Tkacheva N.V. Mery' presecheniya, ne svyazanny'e s zaklyucheniem pod strazhu, v ugolovnom processe Rossii: monografiya / nauch. red. A.V. Kudryavceva. Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2004. 192 s.

E.H. Nadyseva

Actual Problems of Applying the Pre-trial Restrictions in the Form of Written Undertaking not to Leave a Place and a Bail in the Modern Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

This article deals with the pertinent aspects of choosing pre-trial restrictions in the form of a written undertaking not to leave a place and a bail. The main problems connected with restriction of rights and freedoms of a citizen are indicated. These pre-trial restrictions do not have a strict legislative regulation, namely, unlike other measures of restriction are not limited to the timing of applying a bail and written undertaking not to leave a place. Provisions to improve the criminal procedural legislation regarding such pre-trial restrictions as a bail and a written undertaking not to leave are proposed.

Keywords: limitations of rights and freedoms; written undertaking not to leave a place; pre-trial restriction, applying terms.

И.И. Овчинников

Муниципальная власть в структуре публичной власти в Российской Федерации

В статье исследуются понятие, природа и сущность муниципальной власти, становление и развитие властных полномочий органов местного самоуправления и их отражение в законодательстве о местном самоуправлении. Раскрываются место и роль муниципальной власти в структуре публичной власти в нашей стране. Особое внимание уделено анализу общего и особенного в характеристике государственной власти и власти муниципальной. Высказываются предложения о повышении эффективности правового регулирования компетенции органов местного самоуправления.

Ключевые слова: публичная власть; местное самоуправление; муниципальная власть; компетенция органов местного самоуправления; государственная власть; принципы осуществления муниципальной власти.

Конституция Российской Федерации (1993) закрепила принцип народовластия как важнейший принцип организации и функционирования публичной власти в нашей стране, признания и реального осуществления конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Если обратиться к понятию «народовластие», то каждая из его дефиниций — «народ» и «власть» — представляет собой сложные явления. Само понятие «народовластие» — это собирательное понятие, философско-правовая конструкция. Народ состоит из совокупности индивидов, в то же время не отождествляя себя ни с одним из них. С юридической точки зрения понятие «народ» соотносится с понятием «граждане» и определяется как принадлежность к данной, ассоциированной в рамках единого государства совокупности людей. При народовластии осуществление власти конституируется, легитимируется и контролируется народом, то есть всеми гражданами государства, так как власть выступает в формах самоопределения и самоуправления народа, участвовать в которых получают возможность все граждане [3; 36]. Народ Российской Федерации осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 3 Конституции РФ).

В зависимости от формы народного волеизъявления можно говорить о непосредственной и представительной демократии при том, что они равным образом важны для реализации народовластия. Относительно содержания понятия «власть народа» в российском государствоведении сложилось определение ее как публичной власти.

Слово «публичный» означает общественный, общий, открытый, официальный, не личный, имеющий отношение к качественно и количественно не ограниченному кругу лиц, «всем обывателям сообща, всей гражданской общине принадлежащий» [29]. По мнению Ю.А. Тихомирова, публичность, как понятие от латинского слова «publicus» — общественный, гласный, открытый, несет в себе емкое содержание. Если раньше к публичному праву относили преимущественно вопросы власти, отношения граждан и администрации и т. п., то сейчас публичное право охватывает и другие сферы, в том числе местное самоуправление [28].

Еще в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс определял публичную власть как власть, не совпадающую непосредственно с населением, организующим себя как вооруженная сила. Сравнивая публичную власть с властью в родовом обществе, Ф. Энгельс отмечал, что публичная власть в лице ее органов «пытается представлять собой нечто вне его и над ним» [21].

В последние годы усилилось внимание ученых различных отраслей научных знаний к проблематике власти вообще и публичной власти в частности. Ряд авторов [5; 18; 27] считает, что власть как публичный феномен, закрепляемый в праве, существует в отношениях между людьми и находит свое явное проявление в процессе функционирования различных органов и их должностных лиц, что обеспечивает организованность и согласованность совместной деятельности подчиненных субъектов, их упорядоченное взаимодействие, направленное на достижение общих целей, подчинение поведения управляемых субъектов заданным ориентирам.

Публичная власть имеет характерные черты, отличающие ее от иных видов власти: во-первых, она организована по территориальному признаку; во-вторых, аккумулирует средства, необходимые для своей деятельности, посредством различных фискальных механизмов; в-третьих, осуществление публичной власти невозможно без специальных органов управления, отделенных от общества и стоящих над ним.

Можно охарактеризовать публичную власть такими признаками: она реализует интересы всего общества; характеризуется территориальным принципом организации; обезличена; разрешена и регламентируется законом; отличается комплексностью и универсальностью; институционализована; имеет монополию на правотворческую деятельность; исполняет роль арбитра при разрешении общественных конфликтов; отвечает преобладающим в обществе ценностям.

Таким образом, публичную власть можно определить как институционализованную легальную социальную власть, реализующую общественные интересы территориально-организованного коллектива, объединяющего данное сообщество как целостную систему в соответствии с существующими в обществе ценностями. Функционирование публичной власти обеспечивается посредством публичного управления в соответствии с возложенными на него в соответствии с законом функциями и полномочиями. Публичное управление — это целенаправленное воздействие субъекта властвования на общество.

К основным характеристикам публичной власти можно отнести то, что она:

- распространяется на все общество;
- выступает от имени всего общества;
- действует в интересах всего общества;
- носит безличный характер, то есть распространяется на всех лиц,

находящихся на определенной территории.

Анализ форм публичной власти [6; 34] показывает, что ее классифицируют «по горизонтали» обычно на законодательную, исполнительную, судебную, иногда контрольную и избирательную [7], а «по вертикали» — на власть государства в целом (центральную, федеральную государственную власть), его административно-территориальных единиц (государственную власть регионов, субъектов федерации) и местную, осуществляемую в форме местной государственной власти и местного самоуправления.

В.Е. Чиркин считает, что власть субъектов федерации является негосударственной, ограниченной, публичной квазиполитической и квазигосударственной властью, подчеркивая при этом, что двух государственных властей, исходящих от разных институтов — одной от всего многонационального народа, всего общества, другой — от народа данного субъекта федерации, в одном и том же субъекте федерации быть не может [32].

В литературе высказываются различные суждения о структуре публичной власти. По мнению одних авторов, публичная власть в Российской Федерации подразделяется на федеральную государственную власть, государственную власть субъектов Российской Федерации (региональная власть) и на власть местного самоуправления (местная, муниципальная власть) [12; 23]. Другие выделяют только два уровня публичной власти: государственную власть и местную (муниципальную) власть [20]. Выделение в структуре публичной власти двух (в общем виде) форм власти представляется очевидным подходом, но не исчерпывающим содержание публичной власти, поскольку в этом перечне отсутствуют формы прямой демократии, собственно власти, осуществляемой самим народом непосредственно [26].

Закрепленный в ст. 3 Конституции Российской Федерации принцип единого источника власти в государстве позволяет говорить о том, что органы государственной власти субъектов Федерации и органы власти местного самоуправления осуществляют не только власть, определяемую предметами ведения соответствующих территориальных единиц, но и в рамках своей компетенции власть народа России в целом. Объем и пределы этой власти закреплены конституционными положениями и нормами действующего федерального законодательства. Поэтому было бы неправильным делать вывод о том, что источником власти в местном самоуправлении является население муниципального образования. Источником публичной власти в государстве, как это и вытекает из положений ст. 3 Конституции РФ, может быть только народ-суверен. На всех остальных территориальных уровнях народ субъекта Федерации или население муниципального образования осуществляют власть непосредственно и (или) через соответствующие органы власти в пределах, определяемых Конституцией Российской Федерацией и федеральными законами.

Относительно самостоятельный уровень и специфическую форму реализации народом своей власти отмечают, применительно к местному самоуправлению, многие исследователи. Главная особенность местной власти: функционирование на основе принципов самоорганизации, самоответственности и самоконтроля. В.В. Еремян называет местное самоуправление «муниципальной публичной властью» [17]. О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев отмечали, что местное самоуправление — не просто форма самоорганизации населения для решения вопросов местного значения. Это и форма осуществления публичной власти, власти народа. Муниципальная власть и власть государственная — формы публичной власти, власти народа [19].

Примечательна и позиция специалистов по административному праву. Так, Д.Н. Бахрах полагает, что для характеристики природы местного самоуправления важен вывод о механизме публичной власти как совокупности государственных и муниципальных органов, который позволяет ставить вопрос о двух основных формах публичной власти, власти народа: государственной власти и власти муниципальной (местного самоуправления), имеющих свою специфику, свои отличительные признаки [11].

Свой анализ природы муниципальной власти предложил Г.В. Атаманчук [8]. Он считает, что местное самоуправление необходимо рассматривать как явление демократии и форму народовластия и оценивать с учетом именно этих характеристик. Местное самоуправление олицетворяет собой пограничное явление между государством и обществом, соединяющее их между собой; в нем есть сочленение общественных форм (в организации) и властных полномочий (в юридической силе принимаемых решений). Местное самоуправление относится и к ряду управленческих явлений, призванных целенаправлять, организовывать и регулировать общественную жизнедеятельность на территории муниципального образования. По мнению Г.В. Атаманчука, местное самоуправление является средством реализации инициативы и практического осуществления самодеятельности, воплощения творческой энергии и ответственности населения по месту жительства. Это — форма реализации прав и свобод человека и гражданина.

Тезис о пограничном состоянии местного самоуправления между государством и обществом позволяет объяснить необходимость разностороннего анализа его правовой природы в современных условиях. Действительно, на муниципальном уровне присутствуют как общественные проявления (формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления, включая территориальное общественное самоуправление), так и публично-властные, что вытекает из публичного характера деятельности органов местного самоуправления. Властное (господствующее, политико-правовое) воздействие органов местного самоуправления на общественные отношения в муниципальных образованиях, несомненно, является отражением их сущности. Причем публичный характер деятельности органов местного самоуправления предопределяется тем, какое место они занимают в механизме реализации народовластия, чьи интересы защищают в результате своей деятельности, насколько они самостоятельны в решении вопросов

местного значения, а также насколько зависимы от воли населения муниципального образования.

Между тем, на начальном этапе становления местного самоуправления в нашей стране в трудах отдельных ученых предпринималась попытка обосновать концепцию негосударственной природы местного самоуправления. Так, Б.Н. Топорнин подчеркивал, что «местное самоуправление не составляет и по своей природе не может составлять компонент государственной организации. Без преувеличения будет правильной формула, согласно которой государственность заканчивается там, где начинается местное самоуправление. Попытки ставить знак равенства между самоуправлением и государственной властью, частые в недалеком прошлом, не дали сколько-нибудь ощутимого результата, прежде всего вследствие концептуальной уязвимости» [30].

То, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, не означает, что местное самоуправление автономно от государства и здесь, как полагал Б.Н. Топорнин, заканчивается государственность. Этот принцип означает не свободу от государства, а свободу внутри него. Местное самоуправление развивается на основе и в соответствии с законами государства, при государственной поддержке и государственных гарантиях. Территория муниципального образования есть территория государства, местные жители являются гражданами государства. Местные дела решаются хоть и самостоятельно, но на основе единой государственной политики, сочетания местных и государственных интересов [4]. Органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями. У органов местного самоуправления есть соответствующий комплекс полномочий властного характера, без которого невозможно управление. Положения ст. 12 Конституции РФ о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти целесообразно трактовать не как потерю ими властной природы, а как установление своеобразного разделения публичной власти «по вертикали».

При обосновании негосударственного характера местного самоуправления, а значит отсутствия государственно-властного начала в муниципальной власти и представлении ее сугубо общественной властью, часто приводятся такие аргументы: в местном самоуправлении отсутствует строгая иерархия и соподчиненность; органы местного самоуправления действуют не от имени государства; вопросы местного значения они решают с учетом особенностей развития своей территории; муниципальные образования имеют собственную материально-финансовую базу, основу которой составляют муниципальная собственность и местный бюджет; органы местного самоуправления обладают более тесной связью с населением, чем государственные органы; у органов местного самоуправления практически отсутствуют политические функции [16; 22].

Г.В. Барабашев справедливо характеризовал концепцию негосударственной природы местного самоуправления как миф, который создан на основе устаревших западных теорий местного самоуправления, в частности теории свободной общины. Он считал, что местное самоуправление — это государственная власть особого рода [9].

Характеризуя публичный характер власти местного самоуправления, Н.В. Постовой выделяет следующие ее признаки:

- власть местного самоуправления выступает в роли самостоятельного института власти, закрепленного в Конституции РФ и законодательстве;
- она имеет свой механизм осуществления функций (население, органы и должностные лица муниципального образования);
- властные полномочия реализуются непрерывно;
- власть действует на территории муниципального образования и в равной мере распространяется на всех лиц, находящихся на этой территории;
- муниципальная власть основывается на муниципальной собственности и местном бюджете, которые придают ей самостоятельность и обособленность;
- эта власть выполняет в соответствии с Конституцией РФ такую важную функцию, как установление на территории муниципального образования местных налогов и сборов, являющихся составной частью единой системы налогообложения в нашей стране;
- муниципальная власть осуществляется в рамках закона [25].

Представляется, что данные рассуждения вполне можно дополнить и признаком *возможного использования органами муниципальной власти средств государственного принуждения для обеспечения реализации муниципальных правовых актов.*

Анализируя содержание муниципальной власти, некоторые исследователи акцентируют внимание на присущем ей дуализме [27]. Так, С.А. Авакьян полагает, что общественная (негосударственная) природа местного самоуправления проявляется только при решении вопросов местного значения, хотя, при этом его решения имеют обязательный характер для всего населения на данной территории. Вместе с тем, согласно Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 132), органам местного самоуправления могут передаваться отдельные государственные полномочия. При их осуществлении акты органов местного самоуправления обеспечиваются государственно-обязательной силой. Широкий спектр передаваемых государственных полномочий на уровень муниципальной власти, совокупное осуществление двух видов задач, по мнению С.А. Авакьяна, и делает власть местного самоуправления смешанной общественно-государственной формой публичной власти народа. Отсюда с неизбежностью следует методологический вывод о том, что система публичной власти есть совокупность власти государственной и власти самоуправленческой (муниципальной).

Подчеркивая неразрывность системы публичной власти, Г.В. Атаманчук отмечает, что местное самоуправление являет собой низовой и особо демократичный подвид государственного управления, субъектом которого выступают жители поселений и административных территорий, а смыслом служат проблемы комплексного обустройства местожительства людей [8].

По мнению А.А. Уварова, поскольку публичную власть от имени всего народа может представлять только государство, а местное самоуправление представляет собой элемент государственного устройства, следовательно,

в публичном выражении своей воли органы местного самоуправления ничем не отличаются от органов государственной власти [31]. Таким образом, идея местного самоуправления — это, прежде всего, идея демократизации власти в государстве, ее децентрализации в разумных пределах, не угрожающих единству государства.

В юридической литературе [33] высказано суждение о том, что публичную власть можно рассматривать как явление, состояние и отношение. Публичная власть, несомненно, представляет собой социальное явление. Как состояние, публичная власть, призванная выражать и защищать общие интересы территориального публичного коллектива, обладает возможностью и способностью публичного (а не иного) принуждения. Возможность применения принуждения (предполагается, что в общих, общественных интересах) проистекает из воли коллектива (он избирает органы местной власти), реализуемой на основе закона. Как отношение, публичная власть характеризуется не родственными связями (семья, род, племя), не зависимостями производственного характера (бригада, артель), а общественными, социальными отношениями, возникающими на базе общественных интересов в связи с потребностями жизнеобеспечения коллектива людей.

Муниципальные образования являются территориальными публичными коллективами с общими интересами, с достаточно схожим объемом полномочий муниципальных образований одного территориального уровня, с органами муниципальной власти, имеющими право принимать решения по вопросам местного значения от лица населения. Власть, осуществляемая в муниципальных публичных территориальных коллективах, — это муниципальная публичная власть, а управление в таких коллективах — муниципальное публичное управление.

При осуществлении публичной власти на местном уровне важно иметь в виду, что волевые качества, формы принуждения, характер общественных отношений при осуществлении государственной власти и муниципальной публичной власти неодинаковы. Муниципальная власть, ее органы не имеют таких полномочий, которыми обладают государственная власть и ее органы. Только органы государственной власти решают международные вопросы, организуют оборону страны, связь, железнодорожное и авиационное сообщение и т. д., только государственная власть может применять наиболее суровые формы принуждения (лишение свободы и др.). Возможности и ресурсы государственной власти выходят далеко за пределы возможностей и ресурсов муниципальной публичной власти. Муниципальная власть, являясь разновидностью публичной власти, действует в пределах муниципального образования, реализуется населением, органами и должностными лицами местного самоуправления и основывается на нормах права.

Н.Л. Пешин полагает, что муниципальная власть — это особый публично-общественный институт, обеспечивающий самостоятельное решение населением вопросов местного значения и решение государственных задач на местном уровне [24]. А.В. Батанов определяет муниципальную власть как систему властных отношений, носящих самостоятельный, подзаконный

и универсальный характер, в рамках которой реализуются функции и полномочия местного самоуправления [10].

Муниципальная власть может быть определена и как форма общественных отношений, в которых, согласно нормам права, воздействие одних субъектов муниципально-правовых отношений изменяет или стабилизирует деятельность других субъектов в соответствии с целями, вытекающими из положений законов и уставов муниципальных образований, в рамках единой общегосударственной политики и в интересах населения.

Местное самоуправление в Российской Федерации стало формироваться как самостоятельный институт публичной власти лишь после принятия Конституции РФ (1993) и конституционного отграничения органов местного самоуправления от системы органов государственной власти (ст. 12). Как известно, первые законы о местном самоуправлении [1] не содержали четких характеристик власти местного самоуправления. И лишь Конституция Российской Федерации закрепила самостоятельную роль местного самоуправления в механизме реализации власти народа.

Можно сделать вывод, что муниципальная власть — это особый и самостоятельный публично-правовой институт, представляющий собой обособленную группу правовых норм, закрепляющих порядок и особенности организационно-правовых форм осуществления населением и (или) органами и должностными лицами местного самоуправления компетенции муниципального образования [20].

Впервые понятие «публичная власть» было использовано в Постановлении Конституционного суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми», в котором было отмечено, что понятие «органы власти» само по себе не свидетельствует об их государственной природе. Публичная власть может быть и муниципальной.

Публичный характер муниципальной власти неоднократно отмечал Конституционный суд РФ и в других своих актах, в частности, в Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» [15], в Постановлении от 2 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» и др.

В Определении Конституционного суда РФ от 4 февраля 1999 г. «О прекращении производства по делу о проверке конституционности ряда положений Конституции Республики Хакасия, Закона Республики Хакасия “Об органах власти района, города республиканского значения в Республике Хакасия” и Закона

Республики Хакасия “О Правительстве Республики Хакасия”» также использовано понятие публичной власти, подчеркивающее общность органов государственной и муниципальной власти.

В Определении от 2 ноября 2006 г. № 540-О Конституционный суд РФ указал на то, что из конституционного положения (ст. 12), согласно которому местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно и органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, и из положений ч. 1 ст. 130, ч. 1 и 2 ст. 132 Конституции РФ следует, что, не входя в систему органов государственной власти, органы местного самоуправления вместе с тем обладают публично-властными полномочиями применительно к возложенным на местное самоуправление задачам, т. е. выполняют функции публичной власти на соответствующем территориальном уровне; при этом конституционными характеристиками местного самоуправления как формы публичной власти обуславливаются особенности правосубъектности муниципальных образований, сопоставимые с особенностями правосубъектности иных публичных образований Российской Федерации и субъектов РФ.

Муниципальная власть в том смысле, в каком ее определение уточнил Конституционный суд Российской Федерации, — это обобщенное понятие, которое характеризует осуществляемую на территории муниципального образования публичную власть с целью непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, а также решения иных, предусмотренных законом и уставом муниципального образования, вопросов, включая осуществление отдельных государственных полномочий.

Каждый уровень власти обладает своими специфическими признаками. Государственную власть отличает такой признак, как суверенность, тогда как муниципальная власть — подзаконна. Органы государственной власти определяют общие принципы организации местного самоуправления, т. е. условия осуществления муниципальной власти. Безусловно, все это означает, что муниципальная власть зависит от власти государственной, она получает ровно такую степень самостоятельности, какую определит для нее государственная власть [12; 23].

Еще в дореволюционный период многие российские ученые подчеркивали сходство основ осуществления государственной власти и местного самоуправления. Они полагали, что, рассматривая взаимоотношения местного самоуправления и государственного управления, нельзя базироваться на их полном противопоставлении друг другу, так как самоопределение населения по вопросам местного значения (муниципальная публичная власть) не выступает альтернативой государственной власти. Наоборот, именно развитое местное самоуправление является одним из признаков сильного государства и развитого гражданского общества.

Так, А.В. Васильчиков отмечал, что «отыскать черту, отделяющую государственные интересы, нужды и повинность от земских, было бы напрасным трудом; они постоянно смешиваются, сходятся и расходятся, соглашаются и противопоставляются. Те же предметы ведения, которые в одних государствах заведываются с полным успехом обывателями, собраниями, выборными людьми, в других поручаются администрации, центральной власти, коронным чиновникам...» [13].

По мнению А.Д. Градовского, «местное самоуправление является... не только способом лучшего удовлетворения местных интересов, но и орудием практического применения начала народовластия в кругу дел, непосредственно касающихся народа и его ежедневной жизни». Он определял местное самоуправление как один из видов распределения власти: «Самоуправление — есть результат разнообразных интересов, которые не могут быть удовлетворены деятельностью центрального правительства» [15].

Б.Н. Чичерин рассматривал местное самоуправление как школу самодеятельности народа и практическое приготовление к представительному порядку [35].

Принадлежность местного самоуправления к институтам народовластия теоретически обоснована также советскими и современными российскими учеными. Еще в 20-е годы прошлого века Л.А. Велихов отмечал, что при всех индивидуальных особенностях, присущих местному самоуправлению в разных государствах, можно отметить и некоторые бесспорные существенные признаки, ему свойственные и отличающие его от центральной правительственной власти.

1. Различие в характере власти. Центральная государственная власть есть власть суверенная, верховная, могущая сама себя реформировать, органы же местного самоуправления — власть подзаконная, действующая в порядке и в пределах, указанных ей верховной властью.

2. Разграничение сфер компетенции властей центральных и местных, т. е. ограниченность круга дел, предоставленных местному самоуправлению.

3. Самостоятельные источники средств.

4. Территориально-ограниченный выборный принцип [14].

Процесс развития и укрепления власти местного самоуправления как отдельной формы осуществления публичной власти и как одной из основ конституционного строя Российской Федерации оказывает все возрастающее влияние на обеспечение эффективного решения вопросов местного значения, комплексного развития территорий муниципальных образований. С этим процессом тесно связан современный этап реформирования системы местного самоуправления, оптимизации его организационных начал, форм и способов взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти, общественными объединениями, различными структурами самоорганизации граждан по месту жительства.

Решение новых проблем, возникающих в связи с разграничением полномочий в сфере публичной власти, необходимостью расширения материально-финансовых основ функционирования муниципальных образований, обеспечения реализации конституционных принципов и полномочий местного самоуправления, требует переоценки некоторых прежних подходов и законодательных установлений для более полного раскрытия демократического потенциала и повышения эффективности реализации власти местного самоуправления.

Местное самоуправление — не только один из важнейших демократических способов организации и осуществления публичной власти. Это и право граждан самостоятельно управлять в рамках закона значительной частью общественных дел. Можно сказать, что местное самоуправление создает

условия для приближения власти к населению, помогает совершенствованию гибкой системы управления на местах, хорошо приспособленной к местным особенностям. Оно призвано способствовать развитию инициативы и самостоятельности граждан и в конечном счете развитию муниципальной демократии.

Муниципальная власть — это власть особого рода, она не является простым продолжением государственной власти на местах, но имеет ряд признаков, присущих государственной власти.

К ним относятся:

- наличие системы публичных институтов;
- наличие аппарата, осуществляющего властные функции;
- непрерывность реализации во времени и универсальный характер;
- наличие законодательной основы деятельности, правовой характер;
- территориальная юрисдикция, т. е. распространение обязательности ее решений на любых субъектов, находящихся на соответствующей территории;
- возможность обращения для обеспечения своих действий и решений к государственному аппарату принуждения;
- экономическая основа, включающая возможность принудительных финансовых изъятий (местных налогов) и наличие централизованного фонда финансовых ресурсов (местного бюджета).

Объединяет местное самоуправление и государственную власть общая основа — власть народа, т. е. и государственная власть, и муниципальная власть — это формы публичной власти, власти народа. Как и государственная власть, муниципальная власть обеспечивает подчинение себе не только субъектов муниципально-правовых отношений, но и иных субъектов, находящихся на ее территории.

Вместе с тем муниципальная власть имеет и ряд признаков, отличающих ее от государственной власти. В их числе:

- отсутствие строгой иерархии и соподчиненности органов местного самоуправления различных муниципальных образований;
- негосударственная природа органов местного самоуправления, невхождение их в систему органов государственной власти;
- наличие установленного законом круга вопросов, относящихся к их ведению, но не относящихся к ведению государства, — вопросов местного значения;
- наличие собственной ресурсной базы (которую государство не вправе присваивать).

В зависимости от вида муниципального образования можно выделить следующие территориальные уровни муниципальной власти:

- а) муниципальная власть на уровне городского округа;
- б) муниципальная власть на уровне городского округа с внутригородским делением;
- в) муниципальная власть на уровне муниципального района;
- г) муниципальная власть на уровне поселения (городского, сельского);
- д) муниципальная власть на уровне внутригородского района;
- е) муниципальная власть на уровне внутригородского муниципального образования города федерального значения.

Муниципальная власть в Российской Федерации находится лишь в стадии становления. Предстоит разработать целый комплекс правовых и организационных мер по созданию в стране подлинно демократических и жизнеспособных механизмов ее реализации. Муниципальная власть не должна отражать и защищать интересы лишь местных элит и полностью находиться под их влиянием. Она должна осуществляться исходя из интересов населения, быть тем уровнем власти, которая не только территориально, но и по своей сущности оказывается ближе всего к гражданам.

Конституционная характеристика местного самоуправления, обеспечивающего самостоятельное решение населением вопросов местного значения, дает не только правовую основу, но и определяет рамки местного уровня. В ст. 132 Конституции Российской Федерации прямо указывается, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения.

Таким образом, решение вопросов местного значения органами местного самоуправления — это тоже есть проявление власти народа. Различные сферы местной жизни, местные дела как предметы ведения муниципальных образований выделяются, наряду с государственной властью федерального и регионального уровней, как еще один, самостоятельный уровень осуществления народом своей власти, поскольку непосредственное решение вопросов местного значения в принципе не входит в компетенцию федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. А вот инструментарий прямой демократии, как формы реализации власти народа при решении местных дел, наиболее широко может быть использован преимущественно на локальной территории, в границах которой и осуществляется местное самоуправление.

Иногда высказываются суждения о том, что органы местного самоуправления — это органы сугубо местной власти. Такой вывод, в духе всего вышеизложенного, представляется не совсем точным. Если бы органы местного самоуправления решали только вопросы местного значения, то можно было бы говорить о них как об органах исключительно местной власти. Но поскольку Конституция Российской Федерации закрепляет в ст. 3 важнейшую конституционную функцию органов местного самоуправления — осуществление власти народа и наделяет их правом (ст. 132) осуществлять отдельные государственные полномочия, постольку считать их органами исключительно местной власти нельзя. Это означало бы существенное сужение конституционного статуса органов местного самоуправления, преуменьшение их значения в механизме реализации власти народа. Они одновременно и органы реализации власти народа Российской Федерации, и органы реализации муниципальной власти. В этом проявляется двойственный характер муниципальной власти, ее включенность в систему публичной власти в Российской Федерации.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что публичная муниципальная власть — это основанная на власти многонационального народа Российской Федерации власть неполитическая, самостоятельная, подзаконная, универсальная, осуществляемая населением муниципального образования непосредственно и (или) органами местного самоуправления в соответствии с установленной законом и уставом муниципального образования компетенцией по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий и с возможностью применения для обеспечения реализации своих предусмотренных законодательством мер принуждения и ответственности.

Исследование природы и сущности муниципальной власти предполагает также анализ принципов и функций ее организации и осуществления, определение критериев разграничения этих принципов и функций. К сожалению, в юридической литературе эти аспекты муниципальной власти пока не получили должного освещения. Отдельные авторы обосновывают критерии выделения тех или иных принципов, априори сразу относя их к общим принципам местного самоуправления, что затрудняет разграничение, классификацию принципов, выявление связей с приписываемой им сферой действия.

Общие принципы местного самоуправления призваны отразить объективные закономерности общественно-политического, социально-экономического развития местного самоуправления, проявляющиеся в его территориальном устройстве, механизме муниципальной власти, структуре органов местного самоуправления, используемых формах прямой демократии, материально-ресурсном и финансовом обеспечении, ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления и выраженные в виде определенных теоретических дефиниций и правовых положений. Общие принципы являются определяющими концептуальными положениями для всего сложного процесса становления и развития местного самоуправления в Российской Федерации.

С учетом накопленных теоретико-правовых знаний об общих принципах организации местного самоуправления можно предпринять попытку выделения принципов, непосредственно относящихся к муниципальной публичной власти. При этом имеются достаточные основания для определения не только принципов, отражающих конституционно-правовую природу и сущность муниципальной власти, но и принципов осуществления муниципальной власти.

По нашему мнению, к числу принципов, отражающих *природу и сущность муниципальной власти*, можно отнести принципы:

- народовластия;
- самостоятельности муниципальной власти в пределах своих полномочий;
- универсальности и непрерывности реализации муниципальной власти;
- взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- конституционно-правовой основы муниципальной власти;
- муниципальной власти как элемента системы публичной власти в Российской Федерации;

- использования механизма муниципальной власти в интересах населения муниципального образования;
- стабильности муниципальной власти;
- доступности и открытости муниципальной власти.

В числе принципов *осуществления муниципальной власти* можно выделить принципы:

- сочетания непосредственных и представительных форм осуществления муниципальной власти;
- легитимности, т. е. соблюдения установленных процедур осуществления муниципальной власти;
- многообразия организационных форм осуществления муниципальной власти;
- сочетания выборности и назначения при формировании органов муниципальной власти;
- подотчетности, подконтрольности и ответственности органов и должностных лиц муниципального образования перед населением;
- отражения пределов осуществления муниципальной власти в компетенции местного самоуправления;
- нормативно-правового оформления властных установлений (велений);
- государственной гарантированности осуществления муниципальной власти (возможности использования средств государственного принуждения для обеспечения реализации своих решений);
- законности;
- учета общественного мнения;
- использования методов убеждения и принуждения при осуществлении власти;
- осуществления муниципальной власти с учетом исторических и иных местных традиций.

Закрепление в Конституции РФ местного самоуправления в качестве самостоятельного уровня осуществления публичной власти, невхождения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти повысило ответственность местного самоуправления за состояние дел на подведомственной территории, позволило сформировать многообразие его властных *функций* и расширить компетенцию муниципальных образований по реализации этих функций.

Самостоятельность местного самоуправления в осуществлении своих полномочий не предполагает оторванность органов местного самоуправления от реализации задач и функций государства, что составляет сердцевину взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти. При этом на уровне местного самоуправления эти задачи и функции осуществляются формируемыми самим населением органами, юрисдикция которых распространяется исключительно на территорию муниципального образования, действующими в пределах полномочий, установленных законами, иными нормативными правовыми актами, включая уставы муниципальных образований и иные муниципальные правовые акты, обязательными для исполнения всеми предприятиями,

учреждениями и организациями, независимо от их организационных форм и форм собственности, а также должностными лицами и гражданами.

Функции местного самоуправления можно представить в качестве социального отражения и практического преломления определенного организующе-регулирующего проявления муниципальной публичной власти, выражающейся в преимущественно правовом по форме воздействии на различные сферы местной жизни. Закрепленные правом муниципально-властные воздействия создают функциональную основу местного самоуправления, в которой заключено систематизированное и юридически выраженное содержание этого вида социального управления и которая является определяющим выражением сущности местного самоуправления.

Функции муниципальной власти тесно связаны с функциями местного самоуправления. Эта связь проявляется в том, что отдельные функции являются общими как для местного самоуправления, так и для муниципальной власти, как, например, обеспечение комплексного социально-экономического развития территории муниципального образования. Некоторые функции, традиционно относящиеся к местному самоуправлению в целом, по своему содержанию в большей степени отвечают предназначению муниципальной власти, как, например, функции управления муниципальной собственностью и средствами местного бюджета; охраны общественного порядка; представительства и защиты интересов и прав местного самоуправления.

Важнейшей функцией муниципальной власти, несомненно, является *социально-организующая функция*, призванная обеспечивать объединение населения муниципального образования в единый территориальный публичный коллектив, способный успешно решать вытекающие из действующего законодательства задачи местного самоуправления.

К числу собственных функций муниципальной власти можно также отнести *функции*:

- *поддержания режима законности и правопорядка на территории муниципального образования;*
- *развития форм широкого вовлечения населения в осуществление местного самоуправления;*
- *определения стратегии развития муниципального образования и создания условий комфортного проживания населения муниципального образования.*

Представляется, что функций муниципальной власти не может быть много, во всяком случае, их классификация значительно уже, чем классификация функций местного самоуправления в целом. Вместе с тем выделение функций муниципальной власти как самостоятельного института организации местного самоуправления позволит привлечь большее внимание исследователей к уяснению и теоретическому обоснованию их социально-правовой природы, содержания, к выработке предложений по уточнению классификации функций муниципальной власти и их взаимодействию с функциями местного самоуправления.

Литература

1. Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Сейчас.ру — новостной портал об актуальных событиях в России и мире. URL: <https://www.lawmix.ru/sssrf/2482>
2. Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» // Файловый архив для студентов. StudFiles. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4604015/page:11/>
3. Постановление Съезда народных депутатов РСФСР «О механизме народо-властия в РСФСР» от 20 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, 1990. № 4. Ст. 52.
4. Указ Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5011.
5. *Авакьян С.А.* Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 5–11.
6. *Авакьян С.А.* Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 27–30.
7. *Автономов А.С.* Избирательная власть. М.: Права человека, 2002. С. 53–55.
8. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. М.: Омега-Л, 2014. 133 с.
9. *Барабашев Г.В.* Местное самоуправление в России. Теория и практика // Государство и право. 1993. № 6. 146 с.
10. *Батанов А.В.* Функции муниципальной власти: проблемные вопросы теории // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 12. 34 с.
11. *Бахрах Д.Н.* Административное право: учебник. Часть общая. М.: Зерцало-М, 2003. 102 с.
12. *Безруков А.В.* Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6. С. 23–28.
13. *Васильчиков А.В.* О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 3. СПб.: Тип. Э. Праца, 1871. 147 с.
14. *Велихов Л.А.* Основы городского хозяйства. Обнинск: Наука, 1995. 114 с.
15. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 3: Органы местного самоуправления. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1883. С. 22–29.
16. *Дементьева Т.Ю.* Теоретико-правовой аспект публичной власти // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1 (15). С. 152–155.
17. *Еремян В.В.* Местное управление и самоуправление в Латинской Америке. М.: Изд-во РУДН, 2001. 401 с.
18. *Еремян В.В., Чихладзе Л.* Публичная власть как механизм взаимодействия государственных органов и местного самоуправления. М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
19. *Кутафин О.Е., Фадеев В.И.* Муниципальное право Российской Федерации. М.: Юристъ, 2000. 94 с.
20. *Лахтина Т.А.* Местное самоуправление как элемент публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 7. С. 16–20.
21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 170–171.
22. *Минаков П.А.* Публичная власть: политологический аспект. Уфа: БашкирГУ, 2007. 198 с.

23. *Овчинников И.И.* Компетенция местного самоуправления (проблемы теории и практики правового регулирования). М.: Юстицинформ, 2014. С. 178–203.
24. *Пешин Н.Л.* Муниципальное право. М.: Статут, 2002. 179 с.
25. *Постовой Н.В.* Муниципальное право России. М.: Юнити-Дана, 2000. С. 19–20.
26. *Пресняков М.В.* Основные институты народовластия в современной России: формальная или реальная демократия // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 58–63.
27. Современные проблемы организации публичной власти: монография / рук. авторского колл. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.
28. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М.: Изд-во БЕК, 1995. 27 с.
29. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. А.И. Бодуэна Куртене. СПб.-М.: «Товарищество М.О. Вольфа», 1903–1909.
30. *Топорнин Б.Н.* Разделение властей и государственная организация // Разделение властей и парламентаризм. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. 14 с.
31. *Уваров А.А.* Местное самоуправление и государственное управление в Российской Федерации: проблемы идентификации, взаимодействия и развития. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2001. 9 с.
32. *Чиркин В.Е.* Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. С. 44–45.
33. *Чиркин В.Е.* Система государственного и муниципального управления. М.: Юристъ, 2005. 379 с.
34. *Чиркин В.Е.* Современные модели публичной власти // Организация и функционирование публичной власти: конституционно-правовые аспекты: труды ИГП РАН. 2013. № 3. С. 42–63.
35. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1966. 511 с.
36. *Югов А.А.* Право публичной власти как исключительное право народа на власть // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 28–33.

Literatura

1. Zakon SSSR ot 9 aprelya 1990 g. «Ob obshhix nachalax mestnogo samoupravleniya i mestnogo khozyajstva v SSSR» // Sejchas.ru — novostnoj portal ob aktual'ny'x soby'tiyax v Rossii i mire. URL: <https://www.lawmix.ru/sss/2482>
2. Zakon RSFSR ot 6 iyulya 1991 g. «O mestnom samoupravlenii v RSFSR» // Fajlov'yj arxiv dlya studentov. StudFiles. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4604015/page:11/>
3. Postanovlenie S'ezda narodny'x deputatov RSFSR «O mexanizme narodovlastiya v RSFSR» ot 20 iyunya 1990 g. // Vedomosti S'ezda narodny'x deputatov i Verxovnogo Soveta RSFSR, 1990. № 4. St. 52.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 15 oktyabrya 1999 g. № 1370 «Ob utverzhenii Osnovny'x polozhenij gosudarstvennoj politiki v oblasti razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. № 42. St. 5011.
5. *Avak'yan S.A.* Konstitucionnaya teoriya i praktika publichnoj vlasti: zakonmernosti i otkloneniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 10. S. 5–11.
6. *Avak'yan S.A.* Konstitucionalizm i publichnaya vlast': koncepcii i perspektivy' // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 11. S. 27–30.
7. *Avtonomov A.S.* Izbiratel'naya vlast'. M.: Prava cheloveka, 2002. S. 53–55.

8. *Atamanchuk G.V.* Teoriya gosudarstvennogo upravleniya. M.: Omega-L, 2014. 133 s.
9. *Barabashev G.V.* Mestnoe samoupravlenie v Rossii. Teoriya i praktika // Gosudarstvo i pravo. 1993. № 6. 146 s.
10. *Batanov A.V.* Funkcii municipal'noj vlasti: problemny'e voprosy' teorii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2006. № 12. 34 s.
11. *Baxrax D.N.* Administrativnoe pravo: uchebnik. Chast' obshhaya. M.: Zerczalo-M, 2003. 102 s.
12. *Bezrukov A.V.* Gosudarstvennaya i municipal'naya vlast' v sisteme edinoj publichnoj vlasti Rossii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2015. № 6. S. 23–28.
13. *Vasil'chikov A.V.* O samoupravlenii: sravnitel'ny'j obzor russkix i inostranny'x zemskix i obshhestvenny'x uchrezhdenij. T. 3. SPb.: Tip. E'. Pracza, 1871. 147 s.
14. *Velixov L.A.* Osnovy' gorodskogo xozyajstva. Obninsk: Nauka, 1995. 114 s.
15. *Gradovskij A.D.* Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. T. 3: Organy' mestnogo samoupravleniya. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1883. S. 22–29.
16. *Dement'eva T.Yu.* Teoretiko-pravovoj aspekt publichnoj vlasti // Vektor nauki TGU. 2011. № 1 (15).
17. *Eremyan V.V.* Mestnoe upravlenie i samoupravlenie v Latinskoj Amerike. M.: Izd-vo RUDN, 2001. 401 s.
18. *Eremyan V.V., Chixladze L.* Publichnaya vlast' kak mexanizm vzaimodejstviya gosudarstvenny'x organov i mestnogo samoupravleniya. M.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
19. *Kutafin O.E., Fadeev V.I.* Municipal'noe pravo Rossijskoj Federacii. M.: Yurist', 2000. 94 s.
20. *Laxtina T.A.* Mestnoe samoupravlenie kak e'lement publichnoj vlasti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2015. № 7. S. 16–20.
21. *Marks K., E'ngel's F.* Sochineniya. 2-e izd. T. 21. M.: Gospolitizdat, 1961. S. 170–171.
22. *Minakov P.A.* Publichnaya vlast': politologicheskij aspekt. Ufa: BashkirGU, 2007. 198 s.
23. *Ovchinnikov I.I.* Kompetenciya mestnogo samoupravleniya (problemy' teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya). M.: Yusticininform, 2014. S. 178–203.
24. *Peshin N.L.* Municipal'noe pravo. M.: Statut, 2002. 179 s.
25. *Postovoj N.V.* Municipal'noe pravo Rossii. M.: Yuniti-Dana, 2000. S. 19–20.
26. *Presnyakov M.V.* Osnovny'e instituty' narodovlastiya v sovremennoj Rossii: formal'naya ili real'naya demokratiya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 11. S. 58–63.
27. Sovremenny'e problemy' organizacii publichnoj vlasti: monografiya / ruk. avtorskogo koll. i otv. red. S.A. Avak'yan. M.: Yusticininform, 2014. 596 s.
28. *Tixomirov Yu.A.* Publichnoe pravo. M.: Izd-vo BEK, 1995. 27 s.
29. Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: v 4 t. / pod red. A.I. Bodue'na Kurtene. SPb.-M.: «Tovarishhestvo M.O. Vol'fa», 1903–1909.
30. *Topornin B.N.* Razdelenie vlastej i gosudarstvennaya organizaciya // Razdelenie vlastej i parlamentarizm. M.: Izd-vo IGI P RAN, 1992. 14 s.
31. *Uvarov A.A.* Mestnoe samoupravlenie i gosudarstvennoe upravlenie v Rossijskoj Federacii: problemy' identifikacii, vzaimodejstviya i razvitiya. Orenburg: Izd. centr OGAU, 2001. 9 s.
32. *Chirkin V.E.* Publichnaya vlast'. M.: Yurist', 2005. S. 44–45.
33. *Chirkin V.E.* Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. M.: Yurist', 2005. 379 s.

34. *Chirkin V.E.* Sovremennyy'e modeli publichnoy vlasti // Organizaciya i funkcionirovanie publichnoy vlasti: konstitucionno-pravovy'e aspekty': trudy' IGP RAN. 2013. № 3. S. 42–63.
35. *Chicherin B.N.* O narodnom predstavitel'stve. M.: Tip. t-va I.D. Sy'tina, 1966. 511 s.
36. *Yugov A.A.* Pravo publichnoy vlasti kak isklyuchitel'noe pravo naroda na vlast' // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2012. № 9. S. 28–33.

I.I. Ovchinnikov

Municipal Authority in the Structure of Public Authority in the Russian Federation

The article explores the concept, nature and essence of municipal administration, the formation and development of the powers of local self-government bodies and their reflection in the legislation on local self-government. The place and role of municipal authorities in the structure of public authority in our country are revealed. Particular attention is paid to the analysis of the general and the specific in the description of state power and municipal authority. Proposals are made to increase the effectiveness of legal regulation of the competence of local self-government bodies.

Keywords: public authority; local government; municipal authority; competence of local self-government bodies; government; principles of municipal government.

**А.И. Сафаров,
С.М. Салохидинова**

Уголовно-правовые гарантии реализации права на предпринимательскую деятельность

В статье освещаются особенности обеспечения прав субъектов предпринимательской деятельности мерами уголовно-правового характера. Авторы рассматривают современные направления уголовной политики по охране предпринимательской деятельности на примере опыта Республики Таджикистан.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; право на предпринимательскую деятельность; субъекты предпринимательской деятельности; уголовно-правовая охрана; уголовная политика.

Республика Таджикистан — современное демократическое и правовое государство, экономика которого основана на рыночных принципах. Предпринимательская деятельность является основой, необходимым компонентом, на котором держится и развивается рыночная экономика. Современная, нормально функционирующая рыночная экономика невозможна без становления и развития предпринимательства, поскольку именно его легальная реализация служит базовой составляющей современной экономики, что способствует снижению бедности, а также формированию в обществе среднего класса.

Следует отметить, что правовые основы предпринимательской деятельности закреплены в Конституции Республики Таджикистан 1994 года, в соответствии с которой основу экономики Таджикистана составляют различные формы собственности. Согласно статье 12 Конституции Республики Таджикистан, государство гарантирует свободу экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе и частной. Следовательно, в указанной статье предусмотрен запрет на недопустимость установления каких-либо привилегий или ограничений для тех или иных форм собственности или субъектов.

Таким образом, закрепляя данное положение, государство подтверждает свое отношение к свободному осуществлению предпринимательской деятельности, ограничение которой может быть произведено только в соответствии с законом в интересах личности, общества и государства.

Мировая практика показывает, что в обществе со свободной рыночной экономикой властные структуры государства должны максимально ограничивать свое

вмешательство в экономическую деятельность. В то же время они призваны осуществлять борьбу с новыми, не известными ранее, общественно опасными формами экономического поведения, поскольку предпринимательство является сферой, в рамках которой окупаются криминальные вложения. Данный факт свидетельствует о необходимости как правового регулирования отношений, возникающих при осуществлении предпринимательской деятельности, так и предоставления правовых средств и условий с целью охраны и защиты данной деятельности, в том числе мерами уголовно-правового характера. Это востребовано, потому что, как показывает правоприменительная практика, криминальная деятельность наносит колоссальный вред интересам потребителей, других субъектов хозяйствования и, наконец, интересам общества и государства в целом.

Уголовные гарантии выступают в качестве предотвращения возможных нарушений права на предпринимательскую деятельность. Эти гарантии направлены на действия должностных лиц по недопущению воспрепятствования реализации данной деятельности.

В современных условиях, когда экономическая преступность, ее темпы и масштабы распространения во многом связаны с процессом глобализации, все более криминогенной становится именно предпринимательская сфера [2: с. 205]. Исходя из этого, при определении основных направлений уголовной политики в сфере предпринимательства необходимо учитывать происходящие в экономике негативные процессы.

По этой причине уголовная политика государства должна, с одной стороны, не ущемлять и не подрывать предпринимательскую деятельность и свободную конкуренцию, а с другой — надежно защищать интересы государства, общества, права и свободы человека и гражданина от преступных посягательств посредством присущих уголовному праву средств экономической безопасности как составной части национальной безопасности государства.

«Современная уголовная политика в условиях рыночной экономики не должна стоять перед дилеммой чрезмерного ограничения или, напротив, необоснованного усиления охранительной функции уголовного закона в сфере экономики. Она должна быть адекватна происходящим процессам, учитывать криминогенные тенденции в экономической сфере, способствовать снижению криминальных рисков в области экономических отношений и, наконец, быть оптимальной с точки зрения охраны физического и духовного здоровья народа, равной защиты разных форм собственности, поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности» [4: с. 22].

Таким образом, назначение уголовной политики видится не в широком применении репрессий, а в создании условий для укрепления и развития новых этических, бытовых, профессиональных и других норм поведения и лишь затем в применении уголовно-правовых санкций для достижения экономических целей. Новая уголовная политика должна быть направлена на изменение представления граждан о роли уголовного права как исключительно

принудительного карательного средства борьбы с преступностью, игнорирующего интересы личности, и призвана вернуть ему роль регулятора общественных отношений. Исходя из этого, задача уголовной политики в сфере предпринимательства, по нашему мнению, заключается в следующем:

1. Государство должно максимально ограничить свое вмешательство в хозяйственную деятельность. Но при этом нельзя переоценить саморегулирующую функцию рынка.

2. Государственная власть должна гарантировать свободу предпринимательской деятельности как неотъемлемую часть конституционных прав человека и нейтрализовать причины, мешающие свободной конкуренции на рынке.

3. Государство должно осуществлять планомерную борьбу с криминальным бизнесом, причиняющим вред гражданам и экономической безопасности общества.

Определение объекта уголовно-правовой охраны сферы реализации права на предпринимательскую деятельность во многом связано с анализом содержательных характеристик самой преступности в сфере предпринимательства, которая посягает на различные отношения, возникающие при осуществлении предпринимательской деятельности, порядок которой определен различными нормативно-правовыми актами. Одним из таких актов является Уголовный кодекс Республики Таджикистан, принятый в 1998 году, в который был включен ряд преступлений, связанных с посягательством на предпринимательскую деятельность и не предусмотренных предыдущим уголовным законодательством.

Следует отметить, что принятие нового Уголовного кодекса в Республике Таджикистан стало большим достижением науки и практики уголовного права, значительным событием в социально-политической жизни общества. Обладая относительной спецификой, проявившейся в содержании основных институтов, Уголовный кодекс Республики Таджикистан впитал в себя исторические, национальные и культурные традиции страны, особенности ее экономики, учел взятые ею на себя международные обязательства [3: с. 143]. Кроме того, новый кодекс обеспечил соответствие положений уголовного законодательства условиям перехода экономики от планово-административной к свободной или рыночной. Так, он устанавливает ответственность по 41-му виду преступлений в сфере экономической деятельности, из которых лишь 11 содержались в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961 года. Подобные новеллы уголовной политики обусловлены желанием законодателя обеспечить защиту прав и законных интересов экономически активной части населения.

Полагаем, что при рассмотрении уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности необходимо исходить из понимания их единства в качестве целостной системы. В этой связи преступления, отнесенные к юрисдикции Уголовного кодекса Республики Таджикистан, можно объединить в следующие группы:

1. Преступления, посягающие на государственные правила и требования, предъявляемые к субъектам предпринимательской деятельности.

2. Преступления, посягающие на конституционное право каждого гражданина на свободную реализацию предпринимательской деятельности.

К первой группе преступлений относятся те деяния, которые направлены на несоблюдение установленных со стороны государства правил и требований для ведения предпринимательской деятельности: незаконное предпринимательство; производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции; незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица; незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем; незаконная банковская деятельность; заведомо ложная реклама; обман потребителей. Особенность данного вида противоправных деяний заключается в том, что они совершаются с элементами тайной маскировки, а сами виновные — это респектабельные люди. Однако последствия таких преступлений (как материальные, так и моральные) не менее значимы, чем при совершении общеуголовных преступлений [1: с. 4].

Вторую группу объединяют преступления, посягающие на конституционное право граждан на свободную реализацию предпринимательской деятельности. По нашему мнению, такие преступления препятствуют осуществлению или участию граждан в законной предпринимательской деятельности и предполагают прежде всего нарушения, допущенные должностными лицами.

С уголовно-правовой точки зрения субъектами вышеперечисленных преступлений могут быть как лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность (индивидуальные предприниматели, сотрудники юридических лиц), так и должностные лица, создающие препятствия законной предпринимательской деятельности.

Необходимо отметить, что свободное волеизъявление в сфере предпринимательской деятельности может быть нарушено не только на первоначальных этапах ее осуществления, когда хозяйствующий субъект лишь только собирается заявить о себе, обращаясь в регистрирующий орган, но и на более поздних стадиях, уже в процессе ее ведения. Исходя из этого, в число рассматриваемых преступлений следует включать и иные общественно опасные деяния, находящиеся в других главах Уголовного кодекса. По нашему мнению, на свободу предпринимательской деятельности посягает и преступление, предусмотренное в статье 318 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, устанавливающей ответственность за незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности, если это было связано с предоставлением организации, учредителем которой или в управлении которой он принимал участие, льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме.

Следует отметить, что в данном случае должностное лицо дискредитирует органы государственной власти, подрывает их авторитет, используя свои служебные полномочия для оказания покровительства отдельным предпринимательским структурам или являясь их соучредителем и непосредственно участвуя в управлении такой организацией. Однако наибольший вред

причиняется предпринимательской сфере и ее участникам, так как такое правоительство приводит к ущемлению их прав и свобод, которые гарантированы Конституцией Республики Таджикистан. В силу изложенного преступление, предусмотренное статьей 318 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, следовало бы отнести к главе 27 Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Такое решение представляется вполне правомерным, так как указанная статья называется «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», а в ее диспозиции сделан акцент именно на такие слова, как «учреждение... организации, участие в управлении...».

Руководствуясь вышеизложенным, а также современными реалиями развития таджикской государственности и потребностями общества, считаем правильным признать предпринимательскую деятельность в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны в Республике Таджикистан. В таком качестве выступают отношения, включающие в себя правила государственной регистрации хозяйствующих субъектов, лицензирование отдельных видов деятельности, либо получение специального разрешения, иные подобного рода требования к введению того или иного вида деятельности, имеющие организационное значение, правила взаимодействия хозяйствующих субъектов с контролирующими органами, принятие последними управленческих решений и осуществление ими соответствующих полномочий в сфере экономической деятельности, кроме того, общее правило ведения предпринимательской деятельности на законных основаниях. Эти общественные отношения нуждаются в уголовно-правовой охране, так как, с одной стороны, субъекты предпринимательской деятельности могут осуществлять ее с нарушениями правил и требований ведения данной деятельности, с другой стороны, могут нарушаться и права субъектов предпринимательства — как со стороны государственных органов, так и иных участников предпринимательской деятельности [5: с. 86]. Эта охрана важна, так как, если предпринимательство, с одной стороны, выступает одним из важнейших факторов и источников роста экономики и ее эффективности, то с другой стороны, является также и одной из основных форм прямого внедрения криминальных структур в экономику и, естественно, одним из способов размножения и распространения теневой экономики в каждой стране [6: с. 9].

Предпринимательская деятельность обладает определенной привлекательностью для противоправного поведения в силу того, что именно здесь оборачиваются значительные объемы денежных средств и иных материальных ценностей. Под прикрытием предпринимательской деятельности возможно осуществление легализации денежных средств, полученных незаконным путем, с вероятностью их быстрого приращения. Ограниченный контроль государства за предпринимательской деятельностью оставляет большие возможности для извлечения выгоды незаконными способами. Именно эта причина выступает в качестве основы обстоятельств, способствующих развитию преступлений в сфере предпринимательства [7: с. 442].

Таким образом, подход законодателя к правовому регулированию предпринимательской деятельности, выражающийся в установлении правил, подкрепленных мерами уголовно-правового характера, регулирующих данный вид экономической деятельности на различных этапах ее осуществления, а также широкий подход при определении круга субъектов преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, позволяет наиболее эффективно реализовать охранительную функцию уголовного закона в таком важном для экономики направлении, как предпринимательство.

Литература

1. *Васильев П.А.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы преступного поведения предпринимателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.
2. *Полянина А.В.* Основные тенденции развития института уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // *Общество и право.* 2009. № 1. С. 205–208.
3. *Рахимов Р.Х.* Тяжкие и особо тяжкие преступления экономической направленности в Республике Таджикистан: удельный вес в структуре учтенных общественно-опасных деяний // *Юридическая наука: история и современность.* 2013. № 11. С. 128–146.
4. *Сафаров А.И.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем: монография. Душанбе: ГУП «Душанбинский полиграфкомбинат», 2012. 290 с.
5. *Устинова Т.Д.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 494 с.
6. *Шаршеналиев А.Ш.* Проблемы борьбы с экономической преступностью в условиях перехода к рынку: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 70 с.
7. *Щеглова С.А.* Особенности криминальной ситуации в сфере предпринимательской деятельности // *Вестник Воронежского государственного аграрного университета.* 2013. № 1 (36). С. 442–445.

Literatura

1. *Vasil'ev P.A.* Ugolovno-pravovy'e i kriminologicheskie problemy' prestupnogo povedeniya predprinimatelej: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. 26 s.
2. *Polyanina A.V.* Osnovny'e tendencii razvitiya instituta ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnoe predprinimatel'stvo // *Obshhestvo i pravo.* 2009. № 1. S. 205–208.
3. *Raximov R.X.* Tyazhkie i osobo tyazhkie prestupleniya e'konomicheskoy napravlenosti v Respublike Tadzhiqistan: udel'ny'j ves v strukture uchtenny'x obshhestvenno-opasny'x deyanij // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'.* 2013. № 11. S. 128–146.
4. *Safarov A.I.* Ugolovnaya otvetstvennost' za legalizaciyu (otmy'vanie) denezhny'x sredstv libo inogo imushhestva, poluchenny'x protivozakonny'm putem: monografiya Dushanbe: GUP «Dushanbinskij poligrafkombinat», 2012. 290 s.
5. *Ustinova T.D.* Aktual'ny'e problemy' ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, posyagayushhie na predprinimatel'skuyu deyatel'nost': dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2005. 494 s.
6. *Sharshenaliev A.Sh.* Problemy' bor'by' s e'konomicheskoy prestupnost'yu v usloviyax perexoda k ry'нку: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1999. 70 s.

7. *Shheglova S.A.* Osobennosti kriminal'noj situacii v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2013. № 1 (36). S. 442–445.

A.I. Safarov,
S.M. Salokhidinova

Criminal and Legal Guarantees of Realization of the Right to Enterprise Activity

The article highlights the features of ensuring the rights of business entities with criminal law measures. The authors consider modern directions of criminal policy on protection of entrepreneurial activity on the example of the experience of the Republic of Tajikistan.

Keywords: entrepreneurial activity; the right to entrepreneurial activity; subjects of entrepreneurial activity; criminal and legal protection; criminal policy.

О.А. Терновая

Актуальные проблемы ответственности юридических лиц за нарушение антимонопольного законодательства¹

В статье выявлены актуальные проблемы ответственности юридических лиц за нарушение антимонопольного законодательства. Аргументирована необходимость внесения поправок в российское антимонопольное законодательство. С учетом глобализации цифровой экономики, распространения современных информационных технологий, расширения доступа к сети Интернет предлагается изменение подходов к определению монопольно высокой цены, признакам доминирования на рынке и ответственности за картели.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; цифровая экономика; юридические лица; информационные технологии; уголовная и административная ответственность.

В современный период развития информационных технологий, когда цифровая экономика становится более подвижной и более глобальной, особую актуальность приобретают проблемы правового регулирования ответственности юридических лиц как основных субъектов предпринимательской деятельности на национальном и международном уровне. Недавние примеры судебной практики, например по делу о нарушении антимонопольного законодательства в отношении крупной корпорации Google, иллюстрируют новое направление правоприменительной практики.

Кроме того, интерес к вопросу о видах ответственности в антимонопольном законодательстве вызван продолжением научной дискуссии о необходимости введения в России уголовной ответственности юридических лиц [1].

Уголовная ответственность юридических лиц получила достаточно широкое распространение за рубежом и закреплена в законодательстве Австралии, Англии, Ирландии, Исландии, Нидерландов, Швейцарии, Бельгии, Дании, США, Канады, Китая и ряда других государств. Во Франции основания такой ответственности закреплены в Уголовном кодексе 1992 г.,² по которому в соответствии со ст. 121-2 к уголовной ответственности может быть привлечено любое

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-23-08001 «Уголовная и административная ответственность юридических лиц за нарушение правил конкуренции». При написании статьи использованы материалы СПС «Гарант» и СПС «Консультант Плюс».

² Официальный сайт законодательства Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719> Code pénal Version consolidée au 16 novembre 2016 (дата обращения: 11.06.2017).

юридическое лицо частного и публичного права за исключением государства. Антимонопольное законодательство США является наиболее строгим с точки зрения ответственности, однако во многих странах Европейского союза монополизация рынка не признается нарушением в том случае, если монополист не злоупотребляет доминирующим положением.

Для подготовки рекомендаций по совершенствованию российского законодательства необходимо учитывать не только зарубежный опыт, но и влияние информационных технологий на состояние российских и зарубежных товарных рынков. Важно определить, какие действия юридических лиц признаются нарушением правил конкуренции, рассмотреть современную судебную практику, сравнить виды ответственности и их соотношение.

Развитие сети Интернет, электронной торговли, появление крупных корпораций на рынке информационных технологий требует формирования новых подходов к регулированию. Российские и зарубежные исследователи уже обратили внимание на положительные и отрицательные последствия развития информационных технологий в сфере предпринимательской деятельности. Например, К.С. Ючинсон, анализируя преимущества расширения доступа к сети Интернет в глобальном масштабе и распространения бизнес-моделей, строящихся на сборе и обработке массивов данных — «Big Data», отмечает, что «наряду с огромными преимуществами использование Больших Данных имеет и серьезные недостатки. Недавние громкие сделки слияния и поглощения на цифровых и интернет-рынках подняли вопрос о воздействии объединения и приобретения контроля над большими массивами данных на конкуренцию. Действительно, компании могут использовать передовые компьютерные технологии для координации деловых практик, навязывания потребителям неправомерных условий, использования расширения рыночной власти для повышения цен и даже для возможного закрытия рынка для новых конкурентов» [5: с. 216].

С одной стороны, эволюция информационных технологий способствует развитию конкуренции, поскольку товарные рынки информационных технологий, как правило, не являются высококонцентрированными, представляя собой рынки с большим количеством участников. С другой стороны, существует ряд рынков с ярко выраженными лидирующими компаниями, например рынки микропроцессоров (Intel и AMD) и операционных систем для персональных компьютеров (Microsoft и Apple). Деятельность по разработке и реализации программного обеспечения, осуществляемая юридическими лицами, имеет свои особенности, которые должны быть учтены антимонопольным органом как при исследовании настоящих рынков, так и при выборе оптимального способа восстановления условий конкуренции, если они были нарушены.

В российском Законе о защите конкуренции³ не применяется понятие юридического лица применительно к правилам об ответственности, но п. 1 ст. 37

³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О защите конкуренции» // Российская газета. № 162. 27.07.2006.

этого закона среди прочих субъектов, которые могут нести ответственность за нарушение антимонопольного законодательства, называет такую категорию субъектов как коммерческие и некоммерческие организации и их должностные лица. Следовательно, за нарушения антимонопольного законодательства коммерческие и некоммерческие организации и их должностные лица несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

При этом нужно также учитывать и положения ст. 34 Конституции Российской Федерации⁴, которая запрещает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Гражданский кодекс РФ также налагает запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции и злоупотребление доминирующим положением на рынке (ст. 9, 10).

Согласно п. 3 ст. 37 Закона о защите конкуренции лица, права и интересы которых нарушены в результате нарушения антимонопольного законодательства, вправе обратиться в установленном порядке в суд, арбитражный суд с исками, в том числе о восстановлении нарушенных прав, возмещении убытков, включая упущенную выгоду, возмещении вреда, причиненного имуществу.

Кроме того, возможность обращения в суд в случае причинения убытков предусмотрена и общими положениями ГК РФ на основании общих положений ГК РФ (ст. 15 ГК РФ), даже без учета специальной нормы в антимонопольном законодательстве.

С одной стороны, универсальный характер нормы ст. 15 ГК РФ позволяет ее применять практически по всем основаниям нарушений антимонопольного законодательства. С другой стороны, вопрос о применении гражданско-правовой ответственности в отношении юридических лиц вызывает теоретические и практические проблемы.

В России к юридическим лицам наиболее часто применяется административная ответственность [3: с. 22–27], так как гражданско-правовая ответственность не очень эффективна в силу достаточно длительной процедуры ее реализации обязательно через суд, где необходимо доказать размер убытков. При этом Б.В. Россинский отмечает, что «юридически правильно было бы говорить не об административной ответственности юридических лиц, а об ответственности юридических лиц за совершение административных правонарушений их должностными лицами» [4: с. 81]. Российские исследователи Д.А. Пашенцев, В.В. Гарамита, сравнивая понятие вины в уголовном и гражданском праве, справедливо отмечают, что «наука гражданского права отстает в данном вопросе, вероятно, в связи с тем, что в правоприменительной практике данный вопрос играет более важную роль именно в уголовном праве, где он напрямую влияет на судебное решение» [2: с. 91].

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21.07.2014 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014, в «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

С учетом вышеизложенных проблем, в мае 2016 года Федеральной антимонопольной службой было подготовлено Разъяснение № 6 Президиума Федеральной антимонопольной службы России «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства», оно было утверждено протоколом Президиума ФАС России от 25.05.2016 № 7.

В разъяснении отмечается, что важным вспомогательным инструментом при доказывании убытков выступает решение антимонопольного органа по делу о нарушении антимонопольного законодательства, подтверждающее нарушение антимонопольного законодательства.

Такое решение, как указано в этом разъяснении, существенным образом облегчает бремя доказывания самого правонарушения, но не снижает требований к доказыванию истцом самого факта причинения убытков и наличия причинно-следственной связи⁵.

В этой связи для повышения эффективности применения гражданско-правовой ответственности в сфере защиты конкуренции представляется необходимым, чтобы заявители по делу о нарушении антимонопольного законодательства, будущие истцы по частному иску, занимали более активную позицию по сбору и представлению доказательств.

Согласно разъяснениям Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах», утвержденным протоколом Президиума ФАС России от 17 февраля 2016 г. № 3, при доказывании антиконкурентных соглашений и согласованных действий могут использоваться прямые и косвенные доказательства. Факт заключения антиконкурентного соглашения может быть установлен как на основании прямых доказательств, так и совокупности косвенных доказательств. Для констатации антиконкурентного соглашения допустимо проанализировать ряд косвенных доказательств, сопоставив каждое из них с другими и не обременяя процесс доказывания обязательным поиском хотя бы одного прямого доказательства. По итогам доказывания совокупность косвенных признаков соглашения (при отсутствии доказательств обратного) может сыграть решающую роль.

Кроме необходимости доказывания размера убытков и недопустимых соглашений, можно отметить наличие других, не менее важных проблем современной судебной практики в сфере конкуренции. Одним из наиболее ярких примеров является дело о нарушении антимонопольного законодательства в отношении Google (Постановление 9ААС от 19 августа 2016 г. по делу № А40-240628/2015). Апелляционный арбитражный суд поддержал вывод Арбитражного суда первой инстанции о законности решения ФАС России, признавшей производителя операционной системы Google нарушителем части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции.

⁵ См. например: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 4 сентября 2013 г. по делу № А40-135137/2012.

Результаты анализа рынка показали, что корпорация Google имеет существенную рыночную власть, то есть занимает положение, дающее ей возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке и смежных товарных рынках, в том числе устранять с этого товарного рынка (этих товарных рынков) других хозяйствующих субъектов и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок (эти товарные рынки) другим хозяйствующим субъектам. Доминирующее положение Google дает возможность влиять на отношения с производителями мобильных устройств.

ФАС России было установлено, что Google требует от производителей мобильных устройств совместно с магазином приложений Google play обязательно предустанавливать иные приложения Google, включая виджет поиска, настройку строки поиска в браузере Google Chrome, а также размещать их на оговоренных позициях на экранах мобильных устройств. При этом Google требует не предустанавливать программное обеспечение других производителей, аналогичное мобильному ПО Google, предустановленному на мобильных устройствах.

14 сентября 2015 года по итогам рассмотрения дела ФАС России признала Google Inc., Google Ireland Ltd. (далее Google) нарушившими часть 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции (злоупотребление доминирующим положением).

Рассмотрев все обстоятельства дела, ФАС России решила прекратить рассмотрение дела в отношении ООО «Гугл», а также прекратить рассмотрение дела о нарушении Google ч. 1 ст. 14 ФЗ «О защите конкуренции» (недобросовестная конкуренция), так как действия корпорации Google, приводящие к ограничению конкуренции, определены ее доминирующим положением на рынке предустанавливаемых магазинов приложений, локализованных для России.

Вместе с тем ФАС России было установлено, что к данной ситуации применяются положения антимонопольного законодательства, устанавливающие запрет на злоупотребление доминирующим положением, в полном объеме. По результатам рассмотрения дела Google было выдано предписание, согласно которому компании необходимо в течение месяца скорректировать договоры с производителями мобильных устройств — исключить из соглашений антиконкурентные требования, ограничивающие возможность предустановки приложений и сервисов других разработчиков.

Показательным примером практики использования компьютерных технологий для совершения правонарушений является Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 ноября 2016 г. по делу № А71-3150/2016, по материалам которого юридические лица обжаловали решение арбитражного суда первой инстанции об отказе в признании недействительными решения и предписаний по делу о нарушении антимонопольного законодательства, о признании незаконными и отмене постановлений о привлечении к административной ответственности.

Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для удовлетворения требований заявителей, подтвердив тем самым вывод нижестоящих судов

о доказанности картельного сговора между несколькими юридическими лицами, принимавшими участие в электронных аукционах с одного IP-адреса.

Главный вызов цифровой экономики — смена экономических моделей — заставляет российских и зарубежных теоретиков и практиков задуматься о пересмотре сложившихся подходов к определению монопольно высокой цены и признаков доминирования на рынке. Кроме того, с учетом усиления процессов глобализации экономики в современном мире необходимо пересмотреть законодательство о картелях. Предлагается активнее применять положения ст. 14.8 Закона о защите конкуренции, учитывая, что список составов недобросовестной конкуренции в этом законе является открытым. Фактически закон запрещает все виды недобросовестной конкуренции, что соответствует п. 2 ст. 10.bis парижской Конвенции по охране промышленной собственности.

Литература

1. Основания ответственности юридических лиц: гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты: сборник материалов Всероссийской научно-практической интернет-конференции (г. Москва, 24 октября 2016 г.) / А.И. Ковлер, Ю.В. Трунцевский, О.И. Семькина, О.А. Терновоя. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: РИОР, 2017. 232 с.

2. *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Вина в гражданском праве: монография. М.: Юркомпани, 2010. 143 с.

3. *Россинский Б.В.* Размышления о вине юридического лица после нового прочтения работы В.Д. Сорокина «Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 22–27.

4. *Россинский Б.В.* О необходимости совершенствования норм КоАП РФ, регулирующих вопросы административной ответственности юридических лиц // Законодательство об административных правонарушениях: современное состояние и пути совершенствования: материалы заседания круглого стола (3 марта 2014 г.). Тула: Аквариус, 2014. С. 76–81.

5. *Ючинсон К.С.* Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 216–245.

Literatura

1. Osnovaniya otvetstvennosti yuridicheskix licz: grazhdansko-pravovy'e, administrativno-pravovy'e i ugovovno-pravovy'e aspekty': sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii (g. Moskva, 24 oktyabrya 2016 g.) / A.I. Kovler, Yu.V. Trunczevskij, O.I. Semy'kina, O.A. Ternovaya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: RIOR, 2017. 232 s.

2. *Pashencev D.A., Garamita V.V.* Vina v grazhdanskom prave: monografiya. M.: Yurkompani, 2010. 143 s.

3. *Rossinskij B.V.* Razmy'shleniya o vine yuridicheskogo licza posle novogo prochteniya raboty V.D. Sorokina «Kommentarij izbranny'x mest Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny'x pravonarusheniyax» // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 3. С. 22–27.

4. *Rossinskij B.V.* O neobходимosti sovershenstvovaniya norm KoAP RF, reguliruyushhix voprosy' administrativnoj otvetstvennosti yuridicheskix licz // *Zakonodatel'stvo ob administrativny'x pravonarusheniyax: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya: materialy' zasedaniya kruglogo stola* (3 marta 2014 g.). Tula: Akvarius, 2014. S. 76–81.

5. *Yuchinson K.S.* Bol'shie danny'e i zakonodatel'stvo o konkurencii // *Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomiki*. 2017. № 1. S. 216–245.

O.A. Ternovaya

Current Problems of Liability of Legal Entities for Violation of Antimonopoly Legislation

The article reveals the current problems of liability of legal entities for violating the antimonopoly legislation. The reasons for the necessity of amending the Russian antimonopoly legislation are given. Taking into account the globalization of the digital economy, the spread of modern information technologies, the expansion of access to the Internet, it is proposed to change approaches to determining a monopolistically high price, signs of market dominance and responsibility for cartels.

Keywords: antimonopoly legislation; digital economy; legal entities; information technology; criminal and administrative responsibility.

С.Н. Чурилов

О роли классификаций преступлений в систематизации частных криминалистических методик

В статье рассматриваются проблемные вопросы создания системы частных методик расследования преступлений. Отстаивается мнение о том, что основным направлением систематизации таковых методик является классификация преступлений по способу их совершения и сокрытия. Подвергается критике идея создания частных методик расследования большей степени общности — группы или даже родов преступлений, как бесперспективное направление в развитии заключительного раздела криминалистики.

Ключевые слова: классификации преступлений; криминалистические характеристики; частные методики; направления систематизации.

Создание системы частных криминалистических методик, несмотря на обилие публикаций по этому вопросу, все еще остается актуальной проблемой криминалистической науки. Среди криминалистов пока не достигнуто единства взглядов на проблему систематизации типовых методик расследования преступлений. Одни авторы наиболее перспективным направлением создания системы данных методик считают использование в этих целях криминалистической классификации преступлений по способу их совершения. Р.С. Белкин, исследуя различные точки зрения по этой проблеме, пришел к выводу о том, что «...во всех случаях — без всяких исключений — сохраняет свое значение классификация по способу совершения преступления. Это — основная криминалистическая классификация преступлений и, в сущности, определяющая среди всех других подобных классификаций, ибо признаки, по которым преступление классифицируется применительно к иным элементам состава преступления, как правило, отражаются в способе совершения и сокрытия преступления или в особенности его применения» [1: с. 327]. Такой подход в теоретическом и прикладном аспектах вполне оправдывает себя, так как ядром криминалистической характеристики механизма преступлений определенного вида, на основе которой разрабатывается соответствующая частная методика, является описание именно способов совершения и сокрытия сходных по виду преступлений. Другие авторы считают прорывным положением в развитии криминалистической методики создание так называемых базовых (или групповых) методик расследования, охватывающих несколько преступлений одной группы или даже рода.

При этом под базовой методикой расследования М.В. Субботина понимает «систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по раскрытию и расследованию нескольких видов преступлений, объединенных в единый предмет изучения на основе уголовно-правовых и криминалистических критериев» [5: с. 4], и определяет ее структуру в следующем виде: 1) теоретическое обоснование формирования конкретной базовой методики; 2) базовая криминалистическая характеристика преступлений; 3) рекомендации по раскрытию и расследованию данной категории преступлений на всех этапах: первоначальном, последующем и заключительном, с использованием ситуационного подхода на каждом этапе. Данная структура базовой методики расследования, в представлении автора, «является универсальной, для расследования любых преступлений» [5: с. 6, 7].

С.Ю. Косарев также утверждает, что научная разработка теоретических основ формирования групповых криминалистических методик приведет к повышению эффективности работы всей системы криминалистических методик. Причем «разработка различных групповых методик, соответствующих современным требованиям науки, является, — по его мнению, — одним из важнейших направлений развития системы криминалистических методик расследования преступлений в XXI в.» [4: с. 79, 81].

Следуя в фарватере этой идеи, Ю.П. Гармаев и А.Ф. Лубин предприняли попытку разработать базовую методику расследования должностных преступлений в таможенных органах: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ); получение и дача взятки (ст. ст. 290 и 291 УК РФ); служебный подлог (ст. 292 УК РФ); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ); уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) и др. [2]. В качестве информационной основы данной базовой методики ими рассматривается криминалистическая характеристика указанных преступлений [2: с. 30–48].

Сторонником создания базовых методик является и председатель Верховного суда Республики Бурятия А.А. Кириллова, которая сформулировала определение групповой методики расследования и судебного разбирательства по делам об убийстве следующим образом: это «комплекс научно обоснованных рекомендаций по делам об убийстве как противоправном умышленном причинении смерти другому человеку, выделенный по уголовно-правовому (ст. ст. 105–108, 277, 295, 317 УК РФ), уголовно-процессуальному или криминалистически значимому основанию, отражающий наиболее общие закономерности механизма этих преступлений, средств и приемов их расследования, судебного разбирательства и предотвращения и являющийся основой для разработки и применения методик меньшей степени общности и частных криминалистических методик по делам об убийствах» [3: с. 46].

Р.С. Белкин поддерживал идею разработки комплексов методических рекомендаций более высокого уровня обобщения, но с одной принципиальной оговоркой: частнометодические рекомендации должны охватывать несколько

видов и даже родов преступлений, но совершенных не вообще, а в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризующимися общим для них отличительным признаком. К таким комплексам рекомендаций он относил методики расследования преступлений, совершенных рецидивистами, лицами с дефектами психики, методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, против иностранных граждан и др. [1: с. 340–341].

Однако мы склоняемся к мысли о том, что и в этом случае сохраняет свое значение криминалистическая классификация преступлений по способу их совершения. Если это так, то в указанных групповых методиках применительно к каждому виду преступлений одной группы или рода необходимо излагать обобщенные данные о способах совершения преступлений и следовых картинах, образующих существенную часть содержания видовых криминалистических характеристик преступлений. Следовательно, базовая криминалистическая характеристика группы или даже рода преступлений не может иметь достаточной степени криминалистического значения в силу отсутствия общности способов совершения различных преступлений и результатов их отражения в окружающей среде.

Следует также учитывать еще одно важное обстоятельство: групповые методики расследования преступлений не могут иметь общего для них предмета доказывания в силу существенного различия уголовно-правовых характеристик элементов составов преступлений, входящих в их группу или род.

По указанным основаниям перспективность данного направления при разрешении вопроса о придании нового импульса в развитии заключительного раздела криминалистики — криминалистической методики — является весьма сомнительной [6].

Высокая степень адаптации частной методики возможна только при одном условии — если она разработана на основе видовой криминалистической характеристики механизма преступлений. Данный вывод базируется на теоретических представлениях о той служебной функции, которая призвана выполнять криминалистическая характеристика при разработке соответствующей частной методики расследования. На сегодняшний день криминалистической науке известны только две роли криминалистической характеристики, которые она играет при разработке частной методики. Первая роль заключается в том, что на ее основе разрабатываются типичные общие и частные следственные версии, которые включаются в качестве структурного элемента в частную методику. Вторая роль сводится к определению на основе данных о следовой картине перечня типичных доказательственных факторов, включаемых в содержание тактики отдельных следственных действий, производимых на конкретном этапе расследования.

Данные достижения науки нельзя игнорировать при разрешении проблемы систематизации частных криминалистических методик. Даже если рассматривать расследование грабежа и разбоя в качестве единой частной

методики, не говоря уже о совместной методике расследования убийства (ст. 105 УК) и убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК), то для обеспечения их эффективности потребуется использование различных по содержанию криминалистических характеристик — грабежа и разбоя.

В этой связи напрашивается вопрос о криминалистических критериях разграничения самих криминалистических характеристик. На наш взгляд, такими критериями следует признать существенные отличия их содержания, т. е. особенности способов совершения и сокрытия преступления данного вида и следовой картины их применения.

Исходя из данного положения, существующие криминалистические классификации преступлений, служащие базой для систематизации криминалистических характеристик, нуждаются в определенной корректировке. В целях разрешения этого вопроса возьмем для рассмотрения наиболее полную криминалистическую классификацию преступлений, базирующуюся на элементах состава преступления, которая предложена Р.С. Белкиным. Данная классификация представлена в следующем виде:

I. Классификации преступлений, связанные с субъектом преступления, совершаемые: единолично и группой; впервые и повторно; лицами, находящимися в особом отношении с непосредственным объектом посягательства и не состоящими в таком отношении; взрослыми и несовершеннолетними; мужчинами и женщинами.

II. Классификации преступлений, связанные с объектом преступления: по личности потерпевшего; по характеру непосредственного предмета посягательства; по месту расположения предмета посягательства (по месту совершения преступления); по способам и средствам охраны непосредственного предмета посягательства.

III. Классификации преступлений, связанные с объективной стороной преступления: по способу совершения преступления; по способу сокрытия преступления, если оно не входит в качестве составной части в способ совершения преступления.

IV. Классификации преступлений, связанные с субъективной стороной преступления: совершенные с заранее обдуманном намерением и со внезапно возникшим умыслом.

В теоретическом плане такая система криминалистических классификаций преступлений имеет право на существование, однако на практике при создании конкретных частных методик расследования, как признавал сам ее автор, многие из указанных классификаций могут не иметь для них значения, ибо классификация по способу совершения преступления является определяющей среди всех других классификаций [1: с. 327]. И это положение, с нашей точки зрения, является вполне обоснованным.

Так, отдельные классификации преступлений, связанные с субъектом преступления, действительно не имеют значения для создания системы частных методик расследования. Например, совершение преступлений впервые либо

повторно не влияет существенно на содержание видовых криминалистических характеристик преступлений. Аналогичное значение в данном аспекте имеют некоторые классификации преступлений, связанные с объектом преступления: например, по личности потерпевшего; по характеру непосредственного предмета посягательства; по способам и средствам охраны непосредственного предмета посягательства. И в данном случае имя конкретных частных методик должно определяться видом преступления и характерными для него способами совершения преступлений с указанием, например, места совершения преступления (на транспорте, в местах отбывания уголовного наказания, в районах вооруженного конфликта и т. д.).

Не имеют значения для пополнения системы частных методик расследования и классификации преступлений, совершенных с заранее обдуманном намерением и со внезапно возникшим умыслом.

Что же касается классификаций преступлений, связанных с объективной стороной преступления, то безоговорочно имеют значение для разработки конкретных частных криминалистических методик классификации по способу совершения преступлений и способу их сокрытия независимо от того, входит или не входит сокрытие преступления в качестве составной части в способ совершения преступления. Такое решение обусловлено тем, что в содержание видовой криминалистической характеристики включается описание как способов совершения преступления, так и способов их сокрытия, независимо от наличия разрыва между ними во времени.

Помимо данной классификации важно использовать в определенных случаях классификацию преступлений по месту их совершения. На основе данных криминалистических классификаций преступлений, базирующихся на уголовно-правовой классификации деяний по их виду, возможны следующие частные методики, входящие в их систему: расследование убийства, совершенного в местах лишения свободы; расследование членовредительства, совершенного в местах боевых действий; расследование вагонных краж и т. п.

Описание других криминалистических классификаций преступлений, не определяющих имя криминалистических характеристик и соответственно имя частных методик, имеет значение для определения их содержания. Отметим, что в видовые криминалистические характеристики преступления могут включаться данные криминалистического характера, касающиеся, например, таких классификаций, как-то: преступления, совершенные единолично и преступной организованной группой, взрослыми преступниками и несовершеннолетними, мужчинами и женщинами, с заранее обдуманном намерением и со внезапно возникшим умыслом и т. д. То есть, конкретная видовая криминалистическая характеристика преступлений может определяться по несколькими классификациям, и это должно отражаться в содержании соответствующей частной криминалистической методики.

С учетом вышеизложенного представляются малополезными для практики не только базовые (групповые) частные криминалистические методики,

но и методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, методика расследования общественно-опасных деяний, совершенных невменяемыми, методики расследования группы или даже родов преступлений, совершаемых в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризующимися общим для них отличительным признаком. В содержании таких методик, созданных на базе общих криминалистических характеристик преступлений, не отражается (и не может быть отражено) описание способов совершения и сокрытия преступлений определенного вида и свойственных им следовых картин.

Таким образом, имя конкретных видовых криминалистических характеристик преступлений и соответственно имя частных методик расследования определяется видами преступлений и криминалистической классификацией преступлений по способу их совершения и сокрытия. Другие классификации, связанные с субъектом преступления, объектом преступления, с субъективной стороной преступления, определяют содержание видовых криминалистических характеристик, которое отражается в содержании конкретных частных методик.

Литература

1. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. 408 с.
2. *Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф.* Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: Теория и практика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический-центр Пресс», 2006. 303 с.
3. *Кириллова А.А.* Основания формирования криминалистических методик судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах // Вестник криминалистики. Вып. 3 (47). М.: Спарк, 2013. С. 43–47.
4. *Косарев С.Ю.* О современном состоянии системы методик расследования преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 1 (29). М.: Спарк, 2009. С. 74–82.
5. *Субботина М.В.* Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 2 (18). М.: Спарк, 2006. С. 4–7.
6. *Чурилов С.Н.* О перспективах развития криминалистических методик // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Вып. 6 (50). С. 50–55.

Literatura

1. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 3. M.: Yurist', 1997. 408 s.
2. *Garmaev Yu.P., Lubin A.F.* Problemy' sozdaniya kriminalisticheskix metodik rassledovaniya prestuplenij: Teoriya i praktika. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskij-centr Press», 2006. 303 s.
3. *Kirillova A.A.* Osnovaniya formirovaniya kriminalisticheskix metodik sudebnogo razbiratel'stva po ugolovny'm delam ob ubijstvax // Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 3 (47). M.: Spark, 2013. S. 43–47.
4. *Kosarev S.Yu.* O sovremennom sostoyanii sistemy' metodik rassledovaniya prestuplenij // Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 1 (29). M.: Spark, 2009. S. 74–82.
5. *Subbotina M.V.* Struktura bazovoj metodiki rassledovaniya prestuplenij // Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 2 (18). M.: Spark, 2006. S. 4–7.
6. *Churilov S.N.* O perspektivax razvitiya kriminalisticheskix metodik // Vestnik Akademii General'noj prokuratury' Rossijskoj Federacii. 2015. Vy'p. 6 (50). S. 50–55.

S.N. Churilov

**On the Role of Crime Classifications
in the Systematization of Private Forensic Techniques**

The article deals with the problematic issues of creating a system of private methods for investigating crimes. The opinion that the main direction of systematization of such methods is classification of crimes by the way of their commission and concealment is upheld. The idea of creating private methods for investigating a greater degree of community — a group or even a kind of crime, as an unpromising trend in the development of the final section of criminalistics is criticized.

Keywords: classification of crimes; forensic characteristics; private methods; directions of systematization.

Н.Е. Борисова

Современные тенденции правового регулирования семейных отношений

В статье рассматриваются особенности регулирования семейных отношений, современные направления развития семейного и «детского» законодательства, законопроекты и инициативы в данной сфере общественных отношений. Особый акцент сделан на взаимосвязи морали и права в контексте семейных отношений.

Ключевые слова: семейное право; законы; законопроекты; права человека; мораль и право.

Как известно, регулирование отношений в семье является одной из сложных социальных и правовых проблем. С одной стороны, любая сфера общественных отношений в современном цивилизованном мире обязательно подвержена правовому регулированию, с другой стороны, в отношениях людей друг с другом огромную роль играют моральные правила и принципы [3: с. 9]. Подчеркнем, что в большей степени это относится к семейным отношениям, поскольку семья имеет личностно-доверительную природу.

Отношения в семье, семейные отношения регулируются семейным правом. Семейное право — отрасль права, регулирующая семейные отношения, возникающие между супругами, родителями и детьми, гражданами из брака, родства, усыновления, принятия детей в семью на воспитание. Как пишет Л.М. Пчелинцева [4: с. 12], семейное право как отрасль права регулирует определенный вид общественных отношений — семейные отношения, которые возникают из факта брака и принадлежности к семье.

При определении брака, лежащего в основе семьи, большинство юристов-семьеведов подчеркивает, что это отношение совместного сожительства основано на началах любви, дружбы и сотрудничества. Обобщая, можно определить брак как союз мужчины и женщины, заключенный на основе любви и взаимоуважения в целях создания семьи, воспитания детей, материального, физического и духовного общения.

Что касается понятия «семья», то общепризнанное определение ее в юридической литературе отсутствует. При том, что семейное право существует, сама семья не является субъектом права, понятие семьи, скорее, имеет социологический характер, а субъектами права являются отдельные члены семьи. Отсюда периодически возникают предложения о законодательном определении и закреплении понятия «семья».

Обратим внимание, что в соответствии с Семейным кодексом РФ, «семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав» (п. 1 ст. 1)¹. «Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи» (п. 3 ст. 1).

Подробно приводим указанные статьи с целью акцентирования моральной основы семейных отношений, которые, как видим, учитываются и законодателем.

Статья 2 СК РФ в отношении, регулируемые семейным законодательством, помимо условий и порядка заключения брака и вытекающих из данного юридического факта личных имущественных и неимущественных отношений, включает порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Таким образом, можно сказать, что статьи 1 и 2 СК РФ в предмет семейного права частично включают и предмет «детского» права, т. е. общественные отношения с участием несовершеннолетних. В советский период, характеризующийся системным подходом к защите детства, норм семейного законодательства было вполне достаточно, в том числе и для регулирования отношений с участием несовершеннолетних. Изменения в основах государственного строя не могли не сказаться и на этих отношениях, в условиях рыночной экономики приходится отказываться от презумпции безусловного единства интересов родителей и детей. Именно поэтому в современной России возникли научные дискуссии о формировании новой самостоятельной отрасли права — детского (ювенального) права.

Вместе с тем, в который раз признавая приоритет семьи в воспитании, развитии и становлении ребенка, отметим значимость семейного законодательства и современных тенденций его развития для решения важнейших «детских» проблем.

В преддверии Дня защиты детей Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 27.06.2017.).

детства»². В целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства, учитывая результаты, достигнутые в ходе реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, 2018–2027 годы в Российской Федерации объявлены Десятилетием детства. Правительству Российской Федерации еще предстоит утвердить план основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства.

В этой связи, говоря о результатах, достигнутых в ходе реализации Национальной стратегии действий в интересах детей, председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко отметила, что в настоящее время «выстроена развитая система правового регулирования госполитики в области семьи и детства». В процессе этой работы приняты нормативные правовые акты по таким вопросам защиты детей и детства, которые в нашей стране вообще никогда не регулировались. Накоплен богатый опыт государственно-частного партнерства, социального предпринимательства. Вряд ли можно найти лучшее подтверждение того, что семья, дети, их защита и поддержка — это действительно наши фундаментальные ценности, во многом определяющие политику Российского государства. Социальное положение российских детей, возможности для их интеллектуального и физического развития стали существенно лучше. По целому ряду направлений, в первую очередь в области дошкольного и школьного образования, медобслуживания детей, мы вплотную приблизились к странам, которые добились здесь особенно больших успехов [2].

Среди ключевых моментов и результатов государственной политики в области семьи и детства В.И. Матвиенко выделяет программу материнского капитала, срок действия которой продлен до 31 декабря 2018 года, кроме того, расширен спектр его использования; защиту психического, нравственного, духовного здоровья детей (изменения в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³, Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению»⁴); принятие

² Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Российская газета. 2017. 29 мая. URL: <https://rg.ru/2017/05/29/prezident-ukaz-240-site-dok.html> (дата обращения: 05.06.2017.).

³ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 12.06.2017.).

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.07.2014 № 758 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/> (дата обращения: 01.07.17.).

закона, который вводит качественно новые критерии и требования к обеспечению безопасности отдыха детей⁵, и другие.

Положительные итоги развития законодательства в рассматриваемой сфере действительно нельзя не заметить. Достижения России на этом пути не раз отмечали и представители европейской общественности, выступающие за защиту традиционной семьи. В частности, еще в 2014 году французская делегация в ходе визита в Москву с целью знакомства с мерами по защите семьи и человеческой жизни, предпринимаемыми правительством, гражданским обществом России и Русской православной церковью, была впечатлена сделанным. На пресс-конференции в Москве директором Европейского центра закона и справедливости в Страсбурге Г. Пюпанком было сказано следующее: «Очень впечатляет то, что уже сделано, пройденный путь и те перспективы, которые открываются сегодня. Мы видим, что отношение власти к общественным проблемам диктуется не только экономическими и геополитическими факторами, но и фактором моральной эволюции общества»⁶.

Однако, на наш взгляд, говорить о «выстроенной системе правового регулирования госполитики в области семьи и детства» пока еще рано. Ряд принятых нормативных правовых актов в этой области вызывает вопросы. Так, Федеральным законом от 7 февраля 2017 года № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁷ была «скорректирована» статья о побоях, а именно: побои в отношении членов семьи и других близких лиц переведены в разряд административных правонарушений. Сомнительным утешением представляется положение, в соответствии с которым нанесение побоев лицом, ранее уже подвергнутым за аналогичное деяние административному наказанию, влечет уголовную ответственность. Факт латентности семейного насилия общеизвестен, поэтому данное послабление аморальному, унижающему человеческое достоинство, противоправному, нарушающему основные конституционные права человека, поведению никак нельзя считать способствующим сохранению семейных отношений.

Как известно, в России с 1 января 2013 года действует так называемый «закон Димы Яковлева», согласно которому американским гражданам запрещено усыновлять российских детей. В декабре 2016 года о готовности России

⁵ Федеральный закон №465-ФЗ от 28 декабря 2016 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования организации отдыха и оздоровления детей» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/1/5254534510601047.html> (дата обращения: 12.06.2017).

⁶ Французских защитников традиционной семьи вдохновляют достижения россиян на этом пути // «Newsru.com» — новостной портал. URL: http://www.newsru.com/arch/religy/03apr2014/gregor_puppinck.html (дата обращения: 15.04.2015).

⁷ Федеральный закон от 7 февраля 2017 года № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/11/564510601047.html> (дата обращения: 06.04.17.).

к диалогу о возобновлении усыновления российских детей американцами заявила Уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Анна Кузнецова, а в начале 2017 года и Валентина Матвиенко заявила, что Россия может отменить этот закон. При этом, по словам В.И. Матвиенко, закон был принят «не из дефицита гуманизма, не из желания досадить администрации США, а в связи с фактами смерти усыновленных детей»⁸. К сожалению, время и форма принятия данного закона как раз свидетельствуют о том, что указанный нормативный правовой акт был принят в качестве ответа на так называемый «список Магнитского», российским гражданам из которого был запрещен въезд в США.

Возвращаясь к наступающему «десятилетию детства», обратим внимание на то, что заместитель председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец при обсуждении реализации стратегии действий в интересах детей заявила, что Десятилетие детства — «это огромная ответственность». Проект потребует «мобилизовать силы и ресурсы государства для того, чтобы качественно обеспечить здоровье, образование и успешное развитие каждого ребенка, живущего в нашей стране»⁹.

В этой связи представляется весьма важным вопрос об ответственности инициаторов законопроектов в сфере семейных отношений и отношений с участием несовершеннолетних.

Весной 2015 года тогда еще глава думского Комитета по вопросам семьи, женщин и детей Елена Мизулина предложила законопроект «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»» об исключении абортотворения из системы обязательного медицинского страхования (ОМС). Бесплатные аборты предлагалось делать только при наличии медицинских либо социальных показаний. Законопроект был подвержен резкой критике, в том числе со стороны В.И. Матвиенко, которая назвала подобные предложения «резкими и экстремистскими»¹⁰. Трудно не согласиться с мнением спикера Совета Федерации о том, что эти экстремистские предложения, носящие запретительный характер, приведут к пагубным последствиям; государство заинтересовано, чтобы росли показатели демографии, рождалось как можно больше детей, и для этого надо создавать условия. «Если женщина, несмотря ни на какие усилия, приняла такое решение, то мы должны создать условия — и медицинские, и финансовые — для доступности этой операции», — уверена В.И. Матвиенко.

Еще один из законопроектов, предложенных Е.Б. Мизулиной в июне 2016 года, предусматривал административную ответственность юридических лиц

⁸ Матвиенко назвала условия отмены «закона Димы Яковлева» // Новости Mail.Ru. URL: <https://news.mail.ru/politics/28469957/?frommail=1> (дата обращения: 18.01.2017.).

⁹ Мисливская Г. Голодец: Десятилетие детства — большая ответственность для государства // Российская газета. 2017. 29 мая. URL: <https://rg.ru/2017/05/29/golodec-desiatiletie-detstva-bolshaia-otvetstvennost-dlia-gosudarstva.html> (дата обращения: 01.07.2017.).

¹⁰ Матвиенко назвала экстремистским предложение Мизулиной исключить аборты из ОМС // Новости экономики и финансов СПб, России и мира | Здоровье. URL: https://www.dp.ru/a/2015/05/20/Matvienko_nazvala_jekstre/ (дата общения: 09.06.2017.).

за создание бэби-боксов. Законопроект предполагал запретить «деятельность, направленную на организацию анонимного оставления детей» и наказывать за нее юридические лица штрафом в размере от одного до пяти миллионов рублей или приостановлением их деятельности на срок до 90 суток¹¹. Как известно, бэби-боксы (места, где можно анонимно оставить ребенка) установлены в ряде регионов России с 2012 года при медучреждениях и религиозных организациях; деятельность их в России законодательно не закреплена. За прошедшее время в них было оставлено несколько десятков новорожденных, которых не выбросили на помойку, не убили или просто не оставили раздетыми на морозе. Утверждение автора законопроекта о том, что «существование бэби-боксов повышает риски торговли детьми» представляется недостаточно аргументированным и не сопоставимым с сохранением жизни ребенка.

Опасные тенденции в изменениях семейного законодательства прослеживаются и на региональном уровне. С 1 января 2017 года вступили в силу поправки к закону Пермского края «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства»¹². Поправками молодым мамам в возрасте от 19 до 24 лет предоставляется право на получение единовременной выплаты в 60 тысяч рублей, которые они могут потратить только в детском магазине. Но при этом имеются ограничения. Во-первых, пособие получают только женщины, прожившие на территории Пермского края не меньше пяти лет. Что касается второго ограничения, то оно не выдерживает никакой критики не только с точки зрения конституционного и семейного права, принципов и практики защиты прав ребенка, но и просто общечеловеческой морали. Требование касается наличия у ребенка официально установленного, законного отца. Малыши молодых матерей-одинок на финансовую поддержку государства рассчитывать не могут.

И еще несколько слов о новациях «детского» законодательства. Совершенствование правового регулирования общественных отношений с участием несовершеннолетних, в том числе в сфере их правонарушающего поведения, возможно только через постоянный поиск специальных, конкретных, индивидуализированных, особых процедур, методик, технологий [1: с. 27], а также с учетом подтвержденного практически результатами законодательного опыта зарубежных стран. Первого мая 2017 года был принят Федеральный закон № 94-ФЗ «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона “Об актах гражданского состояния”»¹³, который касается важнейшего права ребенка на имя. Сущность внесенных изменений в том, что

¹¹ Правительство поддержало законопроект Мизулиной о запрете бэби-боксов // Интерфакс: новости. URL: <http://www.interfax.ru/russia/530254> (дата обращения: 12.02.2017).

¹² В Пермском крае матерей-одинок лишили пособий из-за «случайных» детей // Новости – Дети Mail.Ru. URL: <https://deti.mail.ru/news/v-permskom-krae-materej-odinochek-lishili-posobij/> (дата обращения: 18.04.2017).

¹³ Федеральный закон № 94-ФЗ «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона “Об актах гражданского состояния”» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/34/57524510601047.html> (дата обращения: 25.06.2017).

отныне запрещается запись имени ребенка, которое состоит из цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации либо содержит бранные слова, указания на ранги, должности, титулы. Напомним, что, несмотря на то, что подобные законы есть во многих европейских странах, для России в то же время не характерно называть детей с помощью символов, цифр и титулов. На сегодняшний день имеется один известный на всю страну случай имени ребенка (так и не зарегистрированного с 2002 года) — БОЧ (биологический объект человек) с цифровым указанием даты рождения. Представляется, что при обилии иных детских проблем в современной России потребность именно в данном законе не является очевидной.

В связи с вышесказанным вызывают вопросы объем и само наличие ответственности конкретных лиц за порой многолетнее нахождение в высших законодательных (представительных) органах государственной власти России и ее субъектов, если результатом этого являются подобные законопроекты. В последнее время обсуждаются предложения о внесении изменений в Семейный кодекс РФ по вопросам, затрагивающим ряд наиболее спорных его положений о мерах семейно-правовой ответственности, ограничении и лишении родительских прав, отобрании ребенка из семьи; могут быть внесены поправки, по которым гражданский брак будет признан полноценным супружеством, и т. д. К внесению этих изменений надо подходить очень осторожно и вдумчиво, принимая во внимание как особенности современной социально-экономической ситуации, так и исторический опыт регулирования семейных отношений в России. Зарубежные практики, разумеется, тоже надо учитывать, но при этом необходимо обязательно изучать и прогнозировать возможные последствия их реализации в нашем обществе.

Литература

1. *Борисова Н.Е.* К вопросу об истории развития законодательства о детях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 3 (15). С. 20–28.
2. *Матвиенко В.* Стратегия на десятилетие // Российская газета. Столичный выпуск № 7281 (115). 2017. 30 мая.
3. *Пашенцев Д.А.* Идея семьи в праве и современная мораль // Образование и право. 2012. № 5. С. 7–11.
4. *Пчелинцева Л.М.* Семейное право России: учебник. 6-е изд., перераб. М.: Норма; М.: Инфра-М, 2010. 719 с.

Literatura

1. *Borisova N.E.* K voprosu ob istorii razvitiya zakonodatel'stva o detyax // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 3 (15). S. 20–28.
2. *Matvienko V.* Strategiya na desyatiletie // Rossijskaya gazeta. Stolichny'j vy'pusk № 7281 (115). 2017. 30 maya.

3. *Pashenczev D.A.* Ideya sem'i v prave i sovremennaya moral' // *Obrazovanie i pravo*. 2012. № 5. S. 7–11.

4. *Pchelinczeva L.M.* *Semejnoe pravo Rossii: uchebnik*. 6-e izd., pererab. M.: Norma; M.: Infra-M, 2010. 719 s.

N.E. Borisova

Current Trends in the Legal Regulation of Family Relations

The article examines the peculiarities of regulation of family relations, modern trends in the development of family and «child» legislation, bills and initiatives in this area of public relations. A special emphasis is put on the relationship between morality and law in the context of family relations.

Keywords: family law; laws; bills; human rights; morality and law.

К.Б. Константинов

Пределы правомерности использования произведения в театральном постановочном процессе: авторско-правовой аспект

В статье анализируется правомерность использования произведения как объекта авторского права в процессе подготовки театрально-зрелищного мероприятия. Отмечается, что открытая репетиция не всегда может относиться к случаям правомерного использования произведений даже при наличии договора с правообладателем на осуществление постановки.

Ключевые слова: авторское право; свободное использование произведений; исключительное право; репетиция; лицензионный договор.

Как и практически любой правовой институт, авторское право может рассматриваться в объективном и в субъективном смысле. Считается, что в объективном смысле оно представляет собой совокупность норм гражданского права, опосредующих отношения по признанию авторства и охране произведений науки, литературы и искусства, определению юридического режима их использования, закреплению за их авторами неимущественных прав и исключительного права, а также защите прав авторов и других правообладателей. В субъективном смысле авторское право — это право конкретного автора или иного правообладателя по использованию произведения науки, литературы или искусства и прав на него.

Одним из значимых институтов авторского права является институт свободного использования произведений. Под свободным понимается использование произведения без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты авторского вознаграждения (в отдельных случаях — с выплатой). Перечень таких случаев определен в части IV Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в частности, в ст. 1245, ст.ст. 1273–1279.

С учетом немалого количества сложностей, возникающих в сфере реализации интересов, касающихся свободного использования произведений, данная область нуждается в особом правовом регулировании. Это обусловлено тем, что именно механизм свободного использования позволяет реализовать один из ключевых принципов авторского права — сочетание интересов автора с интересами общества [6: с. 22]. В последние годы изменения, внесенные в отдельные положения ГК РФ, позволяют сделать вывод, что законодатель осознает значение этого баланса и стремится к его достижению.

Обращаясь к вопросам правового регулирования свободного использования произведений, нам представилось небезынтересным рассмотреть такой аспект, как использование произведений в процессе репетиций в культурно-зрелищных учреждениях. Сложность заключается в том, что процесс подготовки к выступлению предполагает, как правило, многократное воспроизведение или публичное исполнение литературных, музыкальных, аудиовизуальных и иных охраняемых законом объектов. При этом право на такое употребление зачастую не предусмотрено в лицензионном договоре, на основании которого предполагается использование соответствующего произведения в культурно-зрелищном мероприятии. Вместе с тем подобное использование не подпадает под случаи свободного использования произведения, перечисленные в ГК РФ. Таким образом, вероятно коллизия, при которой право на использование произведения в мероприятии передано по договору (оговорен порядок использования, способ, количество раз и т. д.), а использование произведения в подготовительном процессе никак не предусмотрено.

Подготовка к выступлению — процесс чрезвычайно сложный и многоаспектный, заключающийся преимущественно в репетиционном процессе. Обратимся к понятию «репетиция». Большой энциклопедический словарь предлагает следующее определение: репетиция (от *лат.* *repetitio* — повторение) — основная форма подготовки (под руководством режиссера) театральных, эстрадных, цирковых представлений, концертных программ, отдельных номеров, сцен путем многократных повторений (целиком и частями) [1: с. 1173]. Толковый словарь Ефремовой определяет репетицию следующим образом: 1) основная форма работы театрального коллектива или актера при подготовке спектакля, пьесы и т. п., заключающаяся в их разучивании и повторении. 2) Предварительное исполнение чего-либо при подготовке к выступлению [4: с. 931].

Обращение к правовым источникам позволило выявить следующее определение репетиции: репетиция — основная форма подготовки концертной программы, предполагающая ее многократное, как правило, непубличное исполнение в целях создания дирижером и (или) солистом собственной интерпретации и достижения исполнителем совершенного технического воплощения творческого замысла [5].

Таким образом, видно, что репетиция предполагает не только многократное использование произведения, но и, что практически неизбежно, его искажение. Речь идет о ситуациях, когда, например, из музыкального или литературного произведения изымается фрагмент, который впоследствии используется в репетиционном процессе с целью совершенствования, «шлифовки», предположим, какой-то сцены. Повторимся, что воспроизведение произведения (или его охраняемых элементов), а равно и его публичное исполнение подпадает под соответствующие понятия, которые содержатся в пп. 1 и 6 п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Как справедливо отмечала Е.А. Войниканикс, «если воспроизведение входит в конфликт с нормальным использованием произведения, то такое

воспроизведение никогда не может быть разрешено. Если оказывается, что воспроизведение не входит в противоречие с нормальным использованием произведения, следующим шагом является рассмотрение того, наносит ли оно необоснованный вред законным интересам автора» [2: с. 98].

Вместе с тем совершенно очевидно, что без тщательно продуманного репетиционного процесса достичь конечной цели — подготовить качественное зрелищное мероприятие невозможно. Следовательно, весь процесс подготовки и сопутствующее ему использование произведения имеют объективную цель — создание нового культурного продукта. Таким образом, рассматривать репетиционный процесс как нарушение авторского права — неверно с точки зрения здравого смысла.

Чем может быть обоснована такая позиция? В нормах ГК РФ отсутствует прямое указание на возможность свободного использования произведения в рассматриваемом контексте. Думается, что ответ можно обнаружить в п. 1 ст. 1229 ГК РФ, где говорится о том, что гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности (правообладатель), вправе использовать такой результат по своему усмотрению любым, не противоречащим закону способом. Следовательно, если лицо на основании лицензионного договора приобрело права на то или иное произведение, то с учетом целей предполагаемого дальнейшего использования (согласованного с правообладателем) оно вправе совершать необходимые подготовительные действия для такого использования. Таким образом, в рассматриваемой ситуации ограничений для использования произведения быть не должно.

Однако при кажущейся очевидности подобного вывода, при более пристальном взгляде могут обнаружиться и некоторые дополнительные сложности, способные повлиять на оценку рассматриваемой ситуации. Репетиционный процесс, будучи весьма сложным явлением, предполагает и значительное многообразие форм. Традиционно выделяются, например, такие виды репетиций, как застольные репетиции, репетиции в выгородке, прогонные репетиции, генеральные репетиции и другие. И если содержанием застольной репетиции является читка пьес по ролям, уточнение реплик, анализ драматургической основы и т. п., то, например, прогонная репетиция предполагает исполнение спектакля на сцене целиком.

Генеральная репетиция является последней (условно) репетицией перед окончательным выпуском спектакля. Как правило, она проводится в гриме и костюмах, с полным сценическим, световым, музыкальным и шумовым оформлением. Примечательной особенностью генеральных репетиций является то, что их нередко делают открытыми для посещения публики. Более того, в отдельных случаях и реализуют билеты. В этом, на наш взгляд, может заключаться проблема, поскольку генеральная репетиция, проводимая, по сути, в виде премьеры, в таком случае будет находиться на стыке подготовки мероприятия к выпуску и представления произведения для неопределенного круга лиц.

При этом, если в основе, предположим спектакля, лежит литературное произведение, трудностей не возникнет. В таком случае поставленный спектакль представляет собой хотя и производное произведение, но смежные права на него возникнут у режиссера-постановщика, театра и т. д. в законном порядке (разумеется, при условии заключения лицензионного или иного договора с правообладателем). Однако в случае, когда зрелищное мероприятие представляет собой, например, художественное чтение произведения либо в спектакле используется музыкальное произведение, фрагменты аудиовизуального произведения и т. п., разграничить подготовку (репетицию) и представление (хотя бы и без извлечения прибыли) будет практически невозможно.

Следует также иметь в виду, что возможно проведение значительного числа генеральных репетиций. При этом обладатель прав на первоначальное произведение может даже и не знать, что оно использовалось подобным образом. Такая ситуация может послужить причиной юридического конфликта между лицензиаром и лицензиатом.

Каким может быть выход из рассмотренной нами ситуации? Мы полагаем, что урегулировать данный вопрос на уровне закона путем внесения поправок в нормы ГК о свободном использовании произведения не представляется возможным. Во-первых, повторимся, очень тонка грань между законным и незаконным использованием произведения в предложенной ситуации. Во-вторых, этот вопрос является достаточно специальным, и перегружать закон излишней детализацией, как мы считаем, не следует.

Вместе с тем, поскольку правомерное использование произведения почти всегда предполагает заключение между правообладателем и пользователем договора, необходимо оговаривать в нем (или в дополнительном соглашении) возможность проведения открытых генеральных репетиций. Их количество также должно быть согласовано сторонами. Таким образом, как представляется, будет соблюден баланс между творческой и правовой составляющими при подготовке зрелищного мероприятия.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
2. *Войниканис Е.А.* Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013. 552 с.
3. *Гладкая Е.И., Подъяпольский В.В., Шведчиков А.В.* Интеллектуальная собственность. Обзор событий в России и за рубежом (второе полугодие 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс». 2015.
4. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. № 2395-р «Об утверждении Концепции развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189495/

6. *Sergeev A.P.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, 2003. 22 с.

Literatura

1. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar'. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya, 1998. 1456 s.

2. *Vojnikanis E.A.* Pravo intelektual'noj sobstvennosti v cifrovuyu e'poxu: paradigma balansa i gibkosti. M.: Yurisprudenciya, 2013. 552 s.

3. *Gladkaya E.I., Pod'yapol'skij V.V., Shvedchikov A.V.* Intelektual'naya sobstvennost'. Obzor soby'tij v Rossii i za rubezhom (vtoroe polugodie 2014 g.) // SPS «Konsul'tantPlyus», 2015.

4. *Efremova T.F.* Novy'j slovar' russkogo yazy'ka. Tolkovo-obrazovatel'nyj: v 2 t. M.: Rus. yaz., 2000. 1209 s.

5. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 noyabrya 2015 g. № 2395-r «Ob utverzhdenii koncepcii razvitiya koncertnoj deyatel'nosti v oblasti akademicheskoy muzy'ki v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: [http://www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_189495/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189495/)

6. *Sergeev A.P.* Pravo intelektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, 2003. 22 с.

K.B. Konstantinov

The Limits of the Legality of the Use of the Work in Theatrical Staging Process: Copyright Aspect

The article examines the validity of using the product as an object of copyright in the preparation of theatrical events. It is noted that the open rehearsal is not always able to treat the cases of lawful use of works even in the presence of a contract with the owner for the implementation staging.

Keywords: copyright; free use of works; the exclusive right; rehearsal; license agreement.

А.И. Кривенький

Историческое значение теории статутов для развития науки международного частного права

Несколько столетий в развитии науки международного частного (конфликтного, коллизионного) права господствовала теория статутов, зародившаяся на основе комментариев норм римского права с целью приспособления его к нуждам сформировавшихся государств Европы. В ходе развития теории статутов выяснялись вопросы возможности экстерриториального применения законов с целью защиты благоприобретенных прав за пределами своей территории. В итоге был сформулирован ряд теоретически важных положений о регулятивной теории коллизионного права, территориальности права, коллизионных принципов выбора права, которые широко применяются и в современном международном частном праве.

Ключевые слова: конфликтные нормы; коллизионные нормы; теория статутов; статутарии; территориальность права; принципы выбора права.

О теории статутов написано много, может быть, слишком много, если сравнивать это с другими теориями в развитии правоведения как совокупности наук о праве. С другой стороны, теория статутов подготовила почву для проникновения в глубинные проблемы правоведения. В XV веке она была облечена в литературную форму Бартолом и Бальдом, выстроившим статуты в строго определенную систему: определяющие личные права — *statute personalia*, вещные права — *statute realia*, обязательственные права — *statuta mixta* (смешанные статуты). В XVI веке Д'Аржантре продолжил литературное оформление теории статутов. Правда, в его теоретических построениях она еще отличалась определенной примитивностью. Достаточно знать, замечал Д'Аржантре, «о чем говорит закон о вещах или о лицах, и тем самым уже сказано, имеет ли он значение вне своей территории» [1: с. 91]. Спустя два века теория статутов проделала значительную диалектическую эволюцию и была усовершенствована в плане практического ее применения, например, в судебной практике. В XVII веке отец и сын Футы впервые доказали, что «распределение законов по их объектам есть только шаг к разграничению их по их эффектам на территории и вне ее» [1: с. 91]. В XVIII веке Буйе сделал важное открытие, обосновав его следующим образом: простое распределение законов по вещам и лицам недостаточно. Законы следует распределять только по их эффектам, для чего следует пересмотреть все законы в зависимости от их содержания, или, что то же самое, по их объектам. Бульнуа продолжил развивать

теорию распределения законов по их объектам. Таким образом, на протяжении нескольких веков в теории статутов оставалась та же основа: скажите, о чем говорит закон, и мы вам скажем, является ли он реальным или личным [1: с. 91]. Казалось бы, что может быть проще? Но эта кажущаяся простота оказалась не только предательской, но и трудно преодолимой.

«Приступая к делу, — пишет М.И. Брун, — статутарий как бы видел перед собою три коробки, на которых ярлыки с надписями: Реальные статуты, Личные статуты, Смешанные статуты; в стороне в беспорядке свалены все законы, и на обязанности теоретика — всю эту кучу разобрать и все законы разложить по коробкам» [1: с. 91]. В дальнейшем, казалось бы, вопрос должен решаться очень просто: какие из законов класть в каждую коробку. При разрешении конкретного конфликта судье, например, стоит лишь посмотреть на ярлык коробки, в которую теоретик вложил закон, находящийся в конфликте, и ответ на вопрос решен, как-то: обязателен ли закон для иностранца на его территории или применим ли закон вне своей территории? [1: с. 91].

Но главная проблема, над которой столетия бились юристы, состояла в том, сколько коробок необходимо для расклада законов — две или три. Началось дискуссии положено было французом Д'Аржантре, продолжено фламандцем Бургундусом и голландцем Роденбургом, а завершена она была французами Буйе и Бульнуа. Рассуждения каждого из трех, названных первыми, весьма любопытны, но сходились они в том, что для расклада законов необходимы две коробки. Аргументация их была такой. Смешанные статуты — это те, которые в одно и то же время могут регламентировать и реальные, и личные действия, к примеру, статут, который «запрещает жене договариваться и отчуждать свое имущество без разрешения мужа; он — личный, ибо запрещает договариваться; он — реальный, ибо запрещает отчуждать» [1: с. 92]. Такие статуты, говорили они, являются в одно и то же время и территориальными, и экстерриториальными, поскольку при регламентации недвижимости они не действуют вне своей территории, а при регулировании движимой собственности распространяют свое действие за пределами своей территории [1: с. 93].

Роденбург пошел дальше Д'Аржантре и Бургундуса, решив, что смешанные статуты не существуют вовсе, а есть только личные и реальные. В XVIII веке отрицал наличие смешанных статутов также Буйе, а Бульнуа сначала разделял такое же мнение, а затем решил, что они все же существуют, но представляют собой своеобразные правила, касающиеся одновременно и лица, и вещи, причем лишь в отношении определенных актов, например акт, «дозволяющий малолетнему распоряжаться недвижимостью в пользу своей жены путем взаимного дарения» [1: с. 93].

В итоге, круг замкнулся. Классификация законов по содержанию и по объектам завела исследователей в тупик. Хотя часть статутариев, основываясь на этом критерии деления статутов, в конце концов пришли к выводу о наличии трех видов статутов — личных, реальных и смешанных, но так и не решили другого важного вопроса — как отличить реальный статут от личного?

Так, Флоран (*Froland*) писал: «Иной воображает себя большим искусником и думает, что открыл секрет, когда узнал, что реальный статут касается имущества, а личный касается лиц; между тем с этими определениями мы только у азбуки и знаем еще очень мало; труд в том и состоит, чтобы открыть, когда статут касается только имущества или только лица. Я сам очень часто, несмотря на все мое внимание, ошибался» [3: с. 114]. Многие исследователи, отмечает М.И. Брун, «смеялись над критериями Бартола, над синтаксическим толкованием текста, над различием между благорасположениями и одиозными статутами. А сами, потолкавшись на месте, часто с отчаянием опускали руки или говорили, как тот же Флоран: не знаешь, какому алтарю молиться, чтобы давать в этой области правильные ответы» [3: с. 114].

Основной ошибкой статутариев было то, что они делили статуты по основаниям, имевшим смысл и значение для целей гражданского права, предполагая, что такое деление обязательно и для коллизионного права. Скажем, в гражданском праве в эпоху статутариев, а тем более позже, жестким правилом является деление вещей на недвижимые и движимые в плане приобретения, пределов виндикации, подсудности, способов взыскания. Однако с течением времени такое различие перестало играть столь важную роль в теории коллизионного права, так как все регулирование вещных прав осуществляется на основе принципа *lex rei sitae*. Но статутарии именно в делении вещей на недвижимые и движимые видели основание отнесения одних законов к личным, других — к реальным.

Словом, вместо того, чтобы довольствоваться классификацией законов, необходимо рассматривать и анализировать правоотношения, регулируемые этими законами. Но в данном случае и коллизионные нормы, используемые при разрешении коллизий, всегда будут иные. Иначе, коллизионная норма «не зависит вовсе от классификации закона по его объекту» [1: с. 100]. Знакомая с законом по гражданскому праву, мы не можем знать, какая коллизионная норма будет использована при выборе права в ходе регулирования конкретного правоотношения. Для того чтобы решить это, необходимо знать, о каком правоотношении идет речь. Следовательно, ошибка статутариев была в следующем: они полагали, «что из содержания закона материального права, — пишет М.И. Брун, — можно вычитать конфликтную норму, которая определит, следует ли применять этот закон или можно пожертвовать им ради иностранного закона. Конфликтная норма всегда является следствием оценки степени важности правоотношения для жизни гражданского общества и следствием сравнения своего и чужого законов с точки зрения пригодности того или другого для регулирования связанных с жизнью этого общества правоотношений...» [1: с. 101]. Таким образом, статутарии, не понимая этого, то и дело впадали в ошибки друг с другом и сами с собою, в то время как «юридическое чутье подсказывало им, что распределением законов по группам еще ничего не достигнуто» [1: с. 102].

В итоге считаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Большинство самых известных статутариев были далеки от преувеличения оценки своей теории. Так, Бальнуа утверждал: «Нельзя в этой области обходиться без принципов, иначе правосудие будет произвольно: но эта область так сложна, что я могу только фиксировать принципы, способные разрешать возможно большее количество смешанных (коллизийных) случаев» [1: с. 103].

2. Статутарии, конечно, претендовали на то, что их теоретические выводы должны применяться на практике, и, как практические юристы (большинство из них таковыми и были — преподавателями и профессорами, судьями и адвокатами, советниками по праву и государственными служащими), «сами легко убеждались в шаткости своих положений и допускали, что и принципы имеют только относительную цену» [1: с. 103].

3. Именно потому, что многие из статутариев были талантливыми и превосходными юристами, они не останавливались в поисках справедливых решений, которые в необходимых случаях меняли. «Не меняют своих решений только упрямы и невежды» [2: с. 32], — говорил св. Августин. Тот любит себя сверх меры, кто не признается в своей ошибке, предпочитая оставить других в заблуждении, в которое он их ввергнул [2: с. 32].

4. Такая позиция не может не подкупать в пользу статутариев. «Как и их духовный предок Бальд, все они, — замечает М.И. Брун, — как первый из них, грубоватый бретонский чиновник XVI века, Д'Аржантре, так и последний благовоспитанный парижанин XVIII века, Бульнуа, оставались верны регулятивной идее своего конфликтного права — найти пути для защиты благоприобретенных на чужой территории прав» [1: с. 104].

5. На основе описанных выше фактов можно предположить, что статутарии приблизились к пониманию идеи территориальности права. И хотя понимание статутариями территориальности права отличалось от порядка, «при котором норма материального права имеет такое, а не иное содержание вследствие того, что при ее выработке принята в расчет — сознательно или нет, все равно, — привязка отношения к территории» [1: с. 104–105], тем не менее они видели в территориальности конфликтный смысл: «территориальны те нормы, которые чужих подле себя или вместо себя не терпят. Это — нормы “буки”, отпугивающие всякие чужие нормы» [1: с. 105].

6. Во имя защиты благоприобретенных прав, в том числе за границей, статутарии содействовали общечеловеческому единению. Бальнуа, например, писал: «Разные законы, правящие народами, — это государи, авторитет которых я не желаю оскорблять, но и на весь мир я смотрю как на великую республику, где нужно водворить мир и доброе согласие» [1: с. 105]. Именно такими представлениями подготавливалась идеология коллизийного права, возобладавшая в XIX веке в виде идеи о том, что государственная власть не должна опасаться того, что на ее территории возможно будет применено иностранное право.

Литература

1. Брун М.И. Очерки истории конфликтного права. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915.
2. *Boullenois*. Traite de la personnalite et de la realite des loix contumes ou statute. 2 vol. Paris, 1766.
3. *Froland*. Memories concernant la nature et la gualite des statuts, 1729.

Literatura

1. *Brun M.I.* Ocherki istorii konfliktnogo prava. M.: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1915.
2. *Boullenois*. Traite de la personnalite et de la realite des loix contumes ou statute. 2 vol. Paris, 1766.
3. *Froland*. Memories concernant la nature et la gualite des statuts, 1729.

A.I. Krivenkiy

**The Historical Significance of the Theory of Statutes
for the Development of the Science of Private International Law**

Several centuries in the development of the science of international private (conflict, collision) law the theory of statutes, born on the basis of comments on the norms of Roman law in order to adapt it to the needs of the formed states of Europe dominated. In the course of the development of the theory of statutes, problems about the possibility of extraterritorial application of laws with the aim to protect the acquired rights outside its territory were raised. As a result, a number of theoretically important provisions were formulated on the regulative theory of conflict of laws, the territoriality of law, the collision principles of choice of law, which are widely used in modern international private law.

Keywords: conflict norms; collision norms; theory of statutes; statutory; territoriality of law; principles of choice of law.

Трибуна молодых ученых

В.В. Левочко

Добытые ресурсы недр как объекты гражданских прав: анализ законодательства

В статье автор проводит анализ гражданского законодательства и законодательства о недрах по вопросу объектоспособности добытых ресурсов недр, акцентируя внимание на проблему приобретения права собственности. В результате исследования определена правовая сущность добытых ресурсов недр и их место в системе объектов гражданских прав. Констатируется проблема сочетания публичных и частных норм регулирования отношений недропользования по добыче ресурсов недр.

Ключевые слова: полезные ископаемые; подземные воды; геологические коллекционные материалы; плоды; продукция.

Резкий переход России с административно-плановой экономики на рельсы рыночной в 1990-е годы породил создание гибридной системы правового регулирования отношений недропользования, в основе которой лежат административные правовые средства с элементами диспозитивных средств, порождающие имущественные отношения гражданско-правового значения. Исследование правового режима ресурсов недр как объектов гражданских прав востребовано правоприменительной практикой, а также законотворческой для совершенствования правового регулирования. Однако в настоящее время данной теме цивилистикой уделено мало внимания по причине специфической межотраслевой природы отношений.

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды»¹ ресурсы недр относятся к природным ресурсам. В соответствии со ст. 6 Конституции РФ² земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в России как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а также могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. При этом в ст. 36 Конституции РФ указано, что

¹ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 №7-ФЗ // Российская газета. № 6. 2002. 12 января.

² Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. ст. 4398.

владение, пользование и распоряжение природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

Указанные конституционные основы правового режима добытых ресурсов недр развиваются в ст. 129 ГК РФ³, согласно которой они могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о природных ресурсах. Статья 1.2 Закона РФ «О недрах»⁴ предусматривает, что недра и их ресурсы находятся в исключительной государственной собственности, однако добытые ресурсы могут быть в любой форме собственности. Согласно ст. 214 ГК РФ природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью, т. е. закон априори исключает ситуацию бесхозяйственных природных ресурсов.

Из анализа положений Закона РФ «О недрах» можно заключить, что права пользования недрами, удостоверяемые лицензией, могут предоставляться с целями добычи полезных ископаемых, подземных вод и сбора геологических коллекционных материалов, которые находятся в недрах (в некоторых случаях в отходах горнодобывающего производства и связанных с ним перерабатывающих производств) и поэтому являются составной частью предоставленного участка недр — недвижимого имущества (согласно ст. 130 ГК РФ), его ресурсами и не обладают, до момента изъятия из недр, собственной объектоспособностью в силу отсутствия юридических оснований в законе, физической и юридической дискретности и признака системности.

Законом РФ «О недрах» не даются определения понятиям «ресурсы недр», «полезные ископаемые», «минеральное сырье», «подземные воды», «минералогические, палеонтологические или иные геологические коллекционные материалы». Положение усугубляется тем, что законодатель противоречиво использует указанную терминологию, то разделяя понятия, то приравнивая их к одному знаменателю. Так, в ч. 1 ст. 7 Закона РФ «О недрах» в одном предложении в качестве добычи указаны разные объекты: полезные ископаемые и минеральное сырье. В ч. 1 ст. 27 Закона РФ «О недрах» указывается, что в состав геологической информации входит информация «о полезных ископаемых в недрах, в том числе специфических минеральных ресурсах, подземных водах». В этой же части и части 3 указанной статьи, а также в ч. 6 ст. 7, ч. 5 ст. 1, ст. 35, ч. 4 ст. 40 Закона РФ «О недрах» говорится о добыче отдельных видов минерального сырья.

Понятия некоторых видов ресурсов недр в нарушение правил юридической техники раскрываются в иных нормативных актах. Так, понятие «полезные ископаемые» раскрыто в п. 1 ст. 337 НК РФ⁵: «Полезным ископаемым признается

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. № 238-239. 1994. 8 декабря.

⁴ Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (в ред. от 03.07.2016) // Российская газета. № 52. 1995. 15 марта.

⁵ «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Парламентская газета. № 151–152. 2000. 10 августа.

продукция горнодобывающей промышленности и разработки карьеров (если иное не предусмотрено пунктом 3 настоящей статьи), содержащаяся в фактически добытом (извлеченном) из недр (отходов, потерь) минеральном сырье (породе, жидкости и иной смеси), первая по своему качеству, соответствующая национальному стандарту, региональному стандарту, международному стандарту, а в случае отсутствия указанных стандартов для отдельного добытого полезного ископаемого — стандарту организации». В п. 1 ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции»⁶ законодатель определяет произведенную продукцию тем же определением, данным в п. 1 ст. 337 НК РФ в отношении полезных ископаемых.

Согласно п. 3 ст. 337 НК РФ, «полезным ископаемым также признается продукция, являющаяся результатом разработки месторождения, получаемая из минерального сырья с применением перерабатывающих технологий, являющихся специальными видами добычных работ (в частности, подземная газификация и выщелачивание, дражная и гидравлическая разработка россыпных месторождений, скважинная гидродобыча), а также перерабатывающих технологий, отнесенных, в соответствии с лицензией на пользование недрами, к специальным видам добычных работ (в частности, добыча полезных ископаемых из пород вскрыши или хвостов обогащения, сбор нефти с нефтеразливов при помощи специальных установок)». Верховный суд РФ⁷, толкуя положения НК РФ, указал, что результаты технологических операций по добыче (извлечению) полезного ископаемого из минерального сырья (например, операции по очистке от примесей, измельчению, насыщению и т. д.), предусмотренные соответствующими стандартами, приводят к созданию полезных ископаемых, однако дальнейшая переработка (обогащение, технологический передел) полезного ископаемого создает продукцию обрабатывающей промышленности и не признается по общему правилу полезным ископаемым.

НК РФ в п. 15 ч. 2 ст. 337 приравнивает к отдельному виду полезных ископаемых подземные воды, содержащие полезные ископаемые (промышленные воды) и (или) природные лечебные ресурсы (минеральные воды), а также термальные воды, и, как следствие, распространяет на них режим продукции горнодобывающей промышленности. Иные подземные воды (питьевые и технические) не относятся НК РФ к полезным ископаемым. Однако Закон РФ «О недрах» хоть и допускает смешение понятий «полезные ископаемые» и «подземные воды» в отдельных нормах, но разграничивает их правовой режим, устанавливая различные порядки для приобретения права пользования участком недр и сроки добычи. Также Общероссийский

⁶ Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // Российская газета. № 5. 1996. 11 января.

⁷ Постановление Пленума ВАС РФ от 18.12.2007 № 64 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Налогового кодекса Российской Федерации о налоге на добычу полезных ископаемых, налоговая база по которым определяется исходя из их стоимости» // Вестник ВАС РФ. 2008. № 1.

классификатор полезных ископаемых и подземных вод ОК 032-2002⁸ однозначно разграничивает их как разные природные ресурсы недр.

Минералогические, палеонтологические и другие геологические коллекционные материалы (далее — геологические коллекционные материалы) выделены законодателем в качестве отдельного самостоятельного объекта гражданских прав, режим которого, по замыслу законодателя, существенно отличен от полезных ископаемых и подземных вод. В соответствии с Приказом Министерства природных ресурсов России от 29.11.2004 № 711⁹ геологические коллекционные материалы представляют собой образцы горных пород, руд, минералов, окаменелых остатков фауны и флоры из естественных обнажений, отвалов горных пород и продуктов их переработки, действующих и заброшенных горных выработок путем извлечения единичных образцов на предоставленном участке недр без проведения горных и других видов специальных работ. Приказом предполагается сбор поштучно геологических образцов, т. е. без специальных добычных работ и без спецтехники на предоставленном в пользование участке недр. При этом, согласно позиции официальных государственных органов, такой сбор должен осуществляться исключительно для создания и пополнения коллекций научного, художественно-декоративного и иного назначения. Однако в законе это не отражено, и сбор проводится в промышленных масштабах, как правило, на экспорт, при этом плата за собранные образцы не предусмотрена, что, безусловно, не соответствует интересам государства как собственника недр и всего содержимого в них¹⁰.

Из рассмотренных норм права можно сделать следующие выводы.

Во-первых, законодатель выделяет четыре объекта гражданских прав:

1) минеральное сырье — результат добычных работ без каких-либо переработок, представляющий собой смесь, содержащую в том числе полезные ископаемые и иные не полезные вещества; 2) полезные ископаемые, которые, в свою очередь, можно разделить на непосредственно добытые из недр, отходов или поверхности земли, воды с помощью способов добычи, уже включающих в себя переработку, и полезные ископаемые, извлеченные из минерального сырья, уже обособленного от недр путем первичной переработки; 3) подземные воды; 4) геологические коллекционные материалы.

Во-вторых, полезное ископаемое и подземные воды должны соответствовать стандарту, т. е. обладать определенными физическими и химическими свойствами для идентификации, установления объема и качества. Объем полезного ископаемого в минеральном сырье рассчитывается по соответствующим методикам

⁸ Постановление Госстандарта России от 25 декабря 2002 г. № 503-ст «Об утверждении Общероссийского классификатора полезных ископаемых и подземных вод ОК 032-2002». М.: ИПК Издательство стандартов, 2003.

⁹ Приказ МПР России от 29.11.2004 г. № 711 «Об утверждении Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для целей сбора минералогических, палеонтологических и других геологических коллекционных материалов» // Российская газета. № 286. 2004. 24 декабря.

¹⁰ См. пример судебной практики: постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2012 по делу № А10-476/2012 // Опубликован не был. См. СПС КонсультантПлюс. База «Судебная практика».

и формулам при учете вынимаемых пород, жидкостей и иных смесей, он не является объектом гражданских прав, но является объектом налогообложения. Минеральное сырье — первичный объект гражданских прав, но не объект налогообложения.

В-третьих, законодатель прямо распространяет на полезные ископаемые, в том числе и на отдельные виды подземных вод, режим продукции, согласно которому продукция, полученная в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежит собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, договором или не вытекает из существа отношений (ст. 136 ГК РФ). Иное допускается предусматривать в лицензии на право пользования недрами, которой в соответствии с ч. 3 ст. 12 Закона РФ «О недрах» оформляются договорные отношения между государством и недропользователем, где одним из обязательных диспозитивных условий является определение собственника добытых полезных ископаемых (п. 7 ч. 1 ст. 12 Закона РФ «О недрах»). Иное в части принадлежности продукции также предусматривается в соглашении о разделе продукции (ст. 9 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции»).

Однако законом прямо не установлено такое условие в лицензии относительно добытых подземных вод и собранных геологических коллекционных материалов. Указанный пробел своевольно устраняется государственными органами при выдаче лицензии и заключении лицензионного соглашения или условий пользования недрами на основании ч. 3 ст. 1.2 и ч. 2 ст. 12 Закона РФ «О недрах», которые допускают частную собственность на добытые ресурсы и возможность дополнять лицензию на право пользования иными условиями, не противоречащими законодательству¹¹. Нередко недропользователи получают сверхприбыль, используя их как объекты права собственности для своих предпринимательских целей либо реализуя их с очисткой или без очистки, с переработкой или нет третьим лицам по договорам купли-продажи, поставки и договорам водоснабжения, которые квалифицируются как вид купли-продажи [2: с. 7–8].

Многие цивилисты, в том числе В.Н. Яковлев [6: с. 12], П.М. Ходырев [4: с. 51], пришли к выводу, что полезные ископаемые не могут быть продукцией в смысле ст. 136 ГК РФ, потому что берутся из природы в первозданном виде, и являются своего рода даром природы. Более того, так как они берутся сами по себе и без использования какого-то другого имущества, кроме техники, основания приобретения права собственности, указанные в ст. 218 ГК РФ, не подходят для данных объектов [1: с. 9]. Учеными предложено в качестве основания возникновения права собственности заключать договоры об отчуждении полезных ископаемых.

На наш взгляд, такая позиция сформирована по причине недостаточного внимания гражданского права к системе отношений недропользования и отсутствия закрепленных в законе различительных признаков плодов, продукции (ст. 136 ГК РФ) и новой вещи, созданной в результате переработки (ст. 220 ГК РФ). Отметим, что разграничение плодов и продукции имеет значение для идентификации

¹¹ Такой вывод сделан на основе личного опыта работы автора в государственном органе, наделенном полномочиями по предоставлению права пользования недрами.

объекта и не принципиально для приобретения права собственности, однако отграничение их от результатов переработки, наоборот, имеет значение для основания приобретения прав.

Контекст ст. 136 ГК РФ заключается в том, что новые вещи (плоды, продукция, доходы) образуются в результате использования других вещей, а именно их свойств, в том числе ресурсов, на законном основании и при сохранении их собственной самобытности. Смысл ст. 220 ГК РФ в том, что старая вещь в результате переработки превращается в новую вещь, существенно отличную по своим свойствам и функционалу от старой вещи, которая, в свою очередь, перестает существовать. По экономической логике результат переработки — это выпущенная продукция. Но в юридическом контексте ст. 136 ГК РФ продукцией не может быть результат переработки.

Плоды образуются естественным образом в силу природных свойств вещи, однако отделение их может быть естественным, тогда вещь просто присваивается человеком (например, сбор яблок, приплод скота, пчелиный мед, сбор геологических коллекционных материалов, в том числе содержащих полезные компоненты, естественным образом обособившиеся от недр), или искусственным способом, когда вещь добывается. Искусственный способ отделения плодов, по своей сути, приводит к смешанному результату — результату действий природы и промышленной деятельности человека по обособлению плодов, который можно назвать продукцией, например, это может быть шерсть, сбрита с животного, рожь, собранная комбайном (не зря законодатель в ч. 1 ст. 535 ГК РФ говорит о сельскохозяйственной продукции, а не о плодах). Соглашаемся с А.В. Климовичем [3: с. 171] в том, что продукция в контексте ст. 136 ГК РФ должна пониматься в узком смысле: 1) как нечто совершенно новое, отделенное от основной вещи (природного или человеческого происхождения) искусственным путем без изменения ее существа или без значительного для нее ущерба в смысле прекращения существования; 2) нечто новое, созданное путем переработки плодов, отделенных от давшей эти плоды вещи.

Геологические коллекционные материалы собираются при пользовании предоставленным участком недр и могут отделяться от недр искусственным способом, но без специальных добычных работ, без существенных нарушений недр, а могут сами естественным образом обособливаться и присваиваться человеком. В последнем случае имеет смысл легализовать сбор геологических образцов (например, тех же самых камней, собираемых школьниками в коллекцию школы), естественным образом обособленных от недр и являющихся общедоступными для научных, образовательных и культурных целей, путем внесения соответствующих дополнений в ст. 221 ГК РФ и Закон РФ «О недрах».

Добытое минеральное сырье, полезные ископаемые, подземные воды являются также результатом использования определенного имущества — участка недр, но посредством специальной техники, специалистов и в соответствии со специальными технологиями добычных работ, предусмотренными в техническом проекте разработки месторождения, т. е. для того, чтобы получить их, человек затрачивает определенные интеллектуальные и материальные ресурсы, проводит геологоразведочные и горнодобывающие работы.

Таким образом, подземные воды, полезные ископаемые, геологические коллекционные материалы образуются в недрах сами по себе естественным образом и являются их ресурсами, что сближает их с плодами, но они приобретают черты продукции, так как не могут быть обособлены даже как элемент вещи без профессиональной хозяйственной деятельности человека, за исключением геологических коллекционных материалов, естественным образом обособленных от недр и присваиваемых человеком — это плоды в чистом виде.

Во всех названных случаях право собственности на указанные объекты приобретается по правилам ст. 136 ГК РФ как на плоды и продукцию в соответствии с условиями лицензии или соглашения о разделе продукции в результате пользования объектом гражданских прав — участком недр, недвижимым имуществом (ст. 130 ГК РФ), которые по определению не могут быть потребляемы в юридическом смысле.

Результатом первичной переработки добытого минерального сырья являются полезные ископаемые и отходы производства. Право собственности на указанные объекты возникает по правилам ст. 220 ГК РФ.

Минеральное сырье как продукция, производимая на основании лицензии на право пользования недрами, принадлежит собственнику участка недр — государству, потому что п. 7 ч. 1 ст. 12 Закона РФ «О недрах» устанавливает лишь условие о собственности на полезные ископаемые, а в отношении добытого минерального сырья у недропользователя возникает лишь право пользования с целью первичной переработки (п. 2 ч. 1 ст. 22, ст. 23.3 Закона РФ «О недрах»). Поэтому после первичной переработки, условия которой расписываются в лицензии и техническом проекте разработки месторождения, полезные ископаемые попадают в собственность государства, как собственника материала — минерального сырья, если иное не предусмотрено в лицензии согласно п. 7 ч. 1 ст. 12 Закона РФ «О недрах». Как правило, право собственности на полезные ископаемые по условиям лицензии возникает у недропользователя, в противном случае отсутствовал бы коммерческий интерес. Однако в обоих допустимых случаях не выполняется п. 2 ст. 220 ГК РФ, согласно которому если иное не предусмотрено договором, собственник материалов, приобретший право собственности на изготовленную из них вещь, обязан возместить стоимость переработки осуществившему ее лицу, а в случае приобретения права собственности на новую вещь этим лицом последнее обязано возместить собственнику материалов их стоимость. Указанная норма призвана установить баланс имущественных интересов сторон. Закон РФ «О недрах» противоречит в этой части гражданскому законодательству.

Законодатель использует совершенно несовместимые правовые средства для регулирования правоотношений по добыче и сбору природных ресурсов недр. С одной стороны, устанавливает гражданско-правовые основания возникновения и осуществления гражданских прав на добытые ресурсы недр в правоотношениях недропользования, с другой стороны, возмездность данных правоотношений оформляет публичными платежами — налогом на добычу полезных ископаемых. В результате такого подхода в правоотношениях недропользования ненадлежащим образом сбалансированы имущественные

интересы сторон, прежде всего государства. Пользование участком недр сводится к извлечению полезных ископаемых, производству продукции из вещи государства-собственника, что должно быть возмездным, и оплата должна быть в форме частнопроводных платежей, например ренты, а не разовых и регулярных платежей сложной правовой природы. К такому выводу приходят некоторые современные исследователи права [5: с. 167].

В правоотношениях на основе соглашения о разделе продукции у недропользователя возникает право собственности на часть минерального сырья как произведенной продукции, собственником остальной части является государство (ст. 9 Федерального закона «О соглашении о разделе продукции»).

Отходы же переработки являются своего рода новыми по качеству вещами, подлежат учету и складированию, при этом право собственности на них по правилам ст. 220 ГК РФ остается у государства-собственника материала — минерального сырья, а в правоотношении по соглашению о разделе продукции — у государства и недропользователя, согласно условиям соглашения.

Весьма спорным является вопрос о моменте создания ресурсов недр: момент физического извлечения, момент первичной переработки или момент юридического обособления путем учета. По нашему мнению, физическое обособление посредством извлечения пород, жидкостей и иных веществ из недр или первичная переработка минерального сырья не могут считаться достаточным основанием для создания полноценного самостоятельного обособленного объекта гражданского права, так как недропользователь имеет право на добычу конкретного вида полезного ископаемого и попутных полезных ископаемых, подземных вод, геологического коллекционного материала, отмеченных в лицензии, поэтому они подлежат обязательному учету (юридическое обособление).

Добытые полезные ископаемые, минеральное сырье, подземные воды и геологические коллекционные материалы обладают естественной оборотоспособностью. Однако законодатель для особых полезных ископаемых, и, как следствие, минерального сырья, содержащего в себе компоненты этих ископаемых, создал специальный правовой режим, установив в пп. 1 и 2 ст. 129 ч. 1 ГК РФ определенные ограничения оборотоспособности. Так, до настоящего времени действует Указ Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179¹², которым утвержден Перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена, и в который входят в том числе драгоценные и редкоземельные металлы и изделия из них; драгоценные камни и изделия из них; стратегические материалы; уран, другие делящиеся материалы и изделия из них; отходы радиоактивных материалов; отходы, содержащие драгоценные и редкоземельные металлы и драгоценные камни. Более подробно особый правовой режим полезных ископаемых, содержащих

¹² Указ Президента РФ от 22.02.1992 № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» // Российская газета. № 61. 1992. 16 марта.

радиоактивные вещества, раскрыт в Федеральном законе «Об использовании атомной энергии»¹³, а драгметаллов и драгкамней — в Федеральном законе «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»¹⁴.

Отметим также, что общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды, добываемые на основании ст. ст. 19 и 19.1 Закона РФ «О недрах», ограничены в обороте. Указанные объекты могут лишь потребляться собственником, владельцем, арендатором земельного участка для собственных нужд, т. е. для личных, бытовых и иных, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельностью, нужд, и не могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому. Пользователи недр по лицензии на право геологического изучения, разведки и добычи иных полезных ископаемых вправе добывать общераспространенные полезные ископаемые, подземные воды для собственных производственных и технологических нужд. В данных случаях право пользования участком недр, находящимся в пределах земельного участка или горного или геологических отводов, возникает из прямого указания закона и осуществляется согласно установленным законом условиям, предусматривающим потребление добытых ресурсов пользователями имущества — участка недр, что является законным исключением из общего правила ст. 136 ГК РФ.

Таким образом, добытые минеральное сырье, подземные воды, геологические коллекционные материалы и полезные ископаемые обладают юридической привязкой, чтобы считаться объектами гражданских прав, физической и юридической дискретностью. Они представляют собой вещества твердые, жидкие и газообразные, поэтому по своим материальным признакам являются движимыми, потребляемыми вещами, обладающими родовыми признаками. Исключением являются уникальные самородки драгоценных металлов и драгоценные камни (критерии принадлежности к ним устанавливаются Правительством РФ), а также отдельные геологические коллекционные материалы, которые по своим частным признакам относятся к индивидуально-определенным вещам. Правовой режим отдельных добытых ресурсов недр имеет существенные различия.

Отмеченные проблемы правового режима добытых ресурсов недр в очередной раз доказывают необходимость обновления Закона РФ «О недрах» или даже полной его замены с учетом нарабатанной практики и положений гражданского законодательства, которые в свою очередь также нуждаются в развитии по отмеченной проблематике. Отметим, что об этом указывается и в п. 3 введения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации¹⁵.

¹³ Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // Российская газета. № 230. 1995. 28 ноября.

¹⁴ Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Российская газета. № 67. 1998. 7 апреля.

¹⁵ Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

Литература

1. *Бабайцева Е.А.* Трансформация государственной собственности на полезные ископаемые в частную // Современное право. 2009. № 10. С. 8–12.
2. *Блинкова Е.В.* Договор водоснабжения в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. 222 с.
3. *Климович А.В.* Приобретение права собственности на плоды, продукцию и доходы по российскому гражданскому праву // Право собственности — святая святых. Так ли это?: материалы VII-летней польско-российской гуманитарно-правовой школы. Познань: Университет им. Адама Мицкевича, 2014. С. 169–183.
4. *Ходырев П.М.* Право собственности на полезные ископаемые по условиям соглашения о разделе продукции // Вестник Удмуртского Университета. Правоведение. 2006. № 6. С. 49–59.
5. *Ходырев П.М.* Правовая природа платы за пользования недрами в целях добычи полезных ископаемых // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2008. Вып. 1. С. 164–168.
6. *Яковлев В.Н.* Потрошители недр // Советская Россия. Приложение «Отечественные записки». 09.02.2006. С. 11–12.

Literatura

1. *Babajceva E.A.* Transformaciya gosudarstvennoj sobstvennosti na polezny'e iskopaemy'e v chastnuyu // Sovremennoe pravo. 2009. № 10. S. 8–12.
2. *Blinkova E.V.* Dogovor vodosnabzheniya v rossijskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2001. 222 s.
3. *Klimovich A.V.* Priobretenie prava sobstvennosti na plody', produkciju i doxody' po rossijskomu grazhdanskomu pravu // Pravo sobstvennosti — svyataya svyatyx. Tak li e'to?: materialy' VII-letnej pol'sko-rossijskoj gumanitarno-pravovoj shkoly'. Poznan': Universitet im. Adama Mickevicha, 2014. S. 169–183.
4. *Xody'rev P.M.* Pravo sobstvennosti na polezny'e iskopaemy'e po usloviyam soglasheniya o razdele produkcii // Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Pravovedenie. 2006. № 6. S. 49–59.
5. *Xody'rev P.M.* Pravovaya priroda platy za pol'zovaniya nedrami v celyax doby'chi polezny'x iskopaemy'x // Vestnik Udmurtskogo universiteta. E'konomika i pravo. 2008. Vy'p. 1. S. 164–168.
6. *Yakovlev V.N.* Potroshiteli neдр // Sovetskaya Rossiya. Prilozhenie «Otechestvenny'e zapiski». 09.02.2006. S. 11–12.

*V.V. Levochko***Extracted Subsoil Resources as Objects of Civil Rights: Analysis of Legislation**

In the article the author analyzes civil legislation and subsoil legislation on the objectability of extracted subsoil resources, emphasizing the problem of acquiring property rights. As a result of the research, the legal essence of the extracted subsoil resources and their place in the system of civil rights objects is determined. The problem of a combination of public and private norms for regulating subsoil use in extracting subsoil resources is stated.

Keywords: minerals; groundwater; geological collection materials; fruit; production.

С.В. Бочкарев

Проект Конституции 1872 г. Э. Лабулэ (перевод с французского и комментарий)

В статье анализируются политико-правовые взгляды Э. Лабулэ на конституционное строительство во Франции в первые годы Третьей республики. Представлен, впервые переведенный на русский язык, проект Конституции 1872 г., написанный Э. Лабулэ.

Ключевые слова: Конституция; декларация прав; национальный суверенитет; исполнительная власть; законодательная власть; Э. Лабулэ.

В начале 70-х гг. XIX в., несмотря на то, что Франция переживала политический, экономический и социальный кризисы, в стране начался процесс юридического оформления республиканской формы правления, создания устойчивых государственно-правовых институтов. Решение этих задач позволяло Франции в дальнейшем конституировать республиканский строй.

После провозглашения Третьей республики во Франции на дополнительных выборах в июле 1871 г. Э. Лабулэ избирается депутатом Национального собрания, где он был одним из руководителей левого центра, возглавлял комиссию по реорганизации высшего образования. В 1872 г. он публикует «Политические письма» (*Lettres politiques*), в которых проект республиканской Конституции (далее — проект) и комментарии к ней.

Э. Лабулэ определяет Основной закон, как «свод правил и законов, который охватывает всю общественную жизнь нации» [4: с. 31], «политический регламент, который не имеет другой цели, кроме обеспечения мира и общественного счастья. Если народ Конституцией недоволен, он всегда имеет право ее изменять» [4: с. 34]. Учитывая опыт Второй империи, французский исследователь более подробно, чем в своем проекте Конституции 1848 г., прописал порядок изменения Конституции (глава VII проекта). Эти новеллы Э. Лабулэ подробно обосновывал. Основной тезис: если суверенитет принадлежит нации (ст. ст. 2 и 3 проекта), то «народ делегирует, на определенных условиях, законодательную, исполнительную и судебную власть; но границу этих мандатов он фиксирует; он один суверен» [4: с. 49]. Делегирование полномочий осуществляется

посредством Конституции, правовые нормы которой носят обязывающий характер, и это «является гарантией того, что обережет нацию против узурпации власти тех, кому она (Конституция. — С.Б.) вверяет законодательную, исполнительную и судебную власть» [4: с. 35]. Согласно проекту, все полномочия, которые Конституция явно не делегировала Законодательному корпусу, президенту или судам, должны предоставляться нации (ст. 67 проекта).

В отличие от своего проекта Конституции 1848 г., в варианте 1872 г. принцип разделения властей текстуально не закреплялся. Однако структура построения проекта, система государственно-правовых институтов, которая, по мнению Э. Лабулэ, должна быть образована во Франции, свидетельствует о признании этого принципа. Современные французские конституционалисты определяют разделение властей как «принцип конституционной техники, предназначенной избегать деспотизма и гарантировать свободу» [2: с. 99], который предусматривает два основных типа распределения полномочий — строгое и гибкое разделение властей, — характерные для президентской и парламентарной республик соответственно. Э. Лабулэ указывал, что для того, «чтобы получить полную безопасность, необходимо поддерживать все три главные ветви власти государства во взаимной независимости, т. е. в некотором равенстве» [4: с. 54].

Таким образом, французский исследователь, исходя из текста проекта Конституции, предлагал установить президентскую республику:

- сосредоточение в руках президента полномочий главы государства и главы исполнительной власти (ст. ст. 25, 33, 37 проекта);
- члены правительства назначаются президентом (ст. 37 проекта);
- члены правительства несут политическую ответственность только перед президентом (ст. 38 проекта);
- президент не мог распустить Законодательный корпус (ст. 32 проекта).

Еще одним формальным признаком президентской республики являются прямые выборы президента. Однако Э. Лабулэ оставил этот вопрос открытым (ст. 27 проекта), считая, что он в дальнейшем «нуждается во внимании законодателей» [4: с. 79].

Необходимо отметить, что в 40–60-е гг. XIX в. Э. Лабулэ наилучшей формой правления считал парламентарную республику, поскольку «дух свободы... который является общим благом и славой цивилизации» мог быть реализован только при парламентаризме [5: с. 127]. Изменения во взглядах французского исследователя связаны в основном с неудачным опытом конституционного строительства Второй республики, с «ошибками которой необходимо покончить» [4: с. 71].

Существенной новеллой стала глава IV проекта. Если в 1848 г. Э. Лабулэ считал, что «нет ничего более опасного в политике и законодательстве, чем эти неопределенные сентенции, которые обещают все и ничего не выполняют» [3: с. 51], то в 1872 г. он отмечал, что «свободу необходимо было бы хорошо конституционно защитить от законодательных страстей» [4: с. 81]. Как следствие, в проекте появляется глава, озаглавленная «Декларация прав», в кото-

рую были включены 20 статей, из которых восемь (ст. ст. 48, 52, 53, 58–60, 66, 67 проекта) не были предусмотрены проектом 1848 г., а еще в восемь статей были внесены поправки (ст. ст. 54–57, 61–64 проекта).

Как писал А. Валлон, автор ключевой поправки к статье 1 законопроекта о государственных властях 1875 г., Э. Лабулэ «после избрания (депутатом Национального собрания. — С.Б.), в то время как представители страны заботились о насущной необходимости, думал о Конституции, следуя своей системе» [6: с. 557]. Проект Конституции был представлен на рассмотрение конституционной «Комиссии тридцати», членом которой Э. Лабулэ являлся. Однако проект принят не был. Тем не менее Э. Лабулэ стал одним из авторов Конституции 1875 г. В частности, в Основном законе Третьей республики были реализованы его идеи о бикамеральной структуре Парламента, национальном представительстве как конституционно-правовом принципе, сроке полномочий Сената. «Большинство статей, которые мы предлагаем вам вотировать, взято из наших прежних Конституций. Это — правила, которые вам давно известны и которые, до известной степени, составляют общее право всех свободных народов» [1: с. 394], — подчеркивал Э. Лабулэ, представляя в 1875 г. в Национальном собрании конституционный законопроект «О взаимоотношениях государственных властей».

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ [4: с. 101–107]

1. Французская республика едина и неделима.
2. Суверенитет принадлежит совокупности французских граждан; он неотъемлем и неотчуждаем. Никакая часть народа, никакая Ассамблея, никакой индивид не может взять на себя его осуществление.
3. Вся государственная власть исходит от народа.

Глава 1. Законодательная власть

4. Все установленные полномочия законодательной власти будут возложены на Законодательный корпус, который будет состоять из Сената и Палаты представителей.
5. Избрание представителей основывается на численности населения. Один представитель от ... тысяч избирателей.
6. В течение 10 лет Законодательный корпус, исходя из списка населения, который ему предоставляется, определяет число представителей, которые должны быть посланы каждым из департаментов. В течение всего этого периода в этом распределении не может быть произведено никаких изменений.
7. Избирательное право — прямое.
8. Подача голосов происходит тайно.
9. Палата представителей избирается на три года.
10. Сенат состоит из ... членов, избираемых в департаментах. Также сенаторов выбирают от сельского хозяйства, промышленности, коммерции, вооруженных сил, судов, науки и культуры в количестве ... сенаторов.

11. Органический закон позволит распределить назначаемых сенаторов по основным направлениям общественной деятельности, а также установить порядок и условия проведения выборов.

12. Не может быть сенатором от департамента тот, кто во время выборов не имел своего местожительства или не проживает в департаменте, в котором он избран.

13. Сенат избирается на девять лет; он обновляется на треть каждые три года.

14. Законодательный корпус заседает постоянно; тем не менее обе палаты, по обоюдному согласию, могут прервать заседания на определенный срок; но должно быть не менее одной сессии каждый год.

15. Члены Законодательного корпуса не могут быть связаны императивным мандатом.

16. Они неприкосновенны. Они никогда не могут быть преследуемы, обвиняемы и судимы за мнения, которые они высказали в Палате.

17. Они не могут быть привлечены к ответственности, арестованы по уголовному делу, за исключением случаев задержания на месте преступления, до тех пор, пока не последует разрешение со стороны Палаты.

18. Избирательный закон определит, осуществление каких общественных функций совместимо с законодательным мандатом.

19. Заседания Палат публичны; однако каждая из них может сформировать тайный комитет по желанию некоторого количества его членов, которое определено регламентом.

20. Инициатива принадлежит каждой из двух Палат. Все законы о поступлениях в государственную казну сначала должны быть рассмотрены в Палате представителей, но Сенат может предлагать поправки к ним или голосовать, как и по другим законам.

21. Любой проект, вотируемый Сенатом и Палатой представителей, прежде чем стать законом, будет представлен Президенту. Если он одобряет законопроект, то подписывает его. Если не одобряет, то возвращает его со своими возражениями в ту палату, откуда исходит законопроект. Она будет обсуждать законопроект снова. Если большинство в две трети голосов выносит решение в пользу законопроекта, он направляется вместе с возражениями Президента в другую палату, которая также будет его обсуждать. Если большинство одобрит законопроект, то он станет законом; в этом случае будет открытое голосование, а имена участвующих в голосовании будут опубликованы в *Journal officiel*.

22. Если в течение 10 дней, не считая воскресных, Президент не возвращает законопроект, который был ему представлен, этот законопроект становится законом, как если бы он его подписал.

23. Когда появляется вакансия в Палате представителей или в Сенате вследствие смерти или отставки одного из своих членов, Председатель Палаты передает главе исполнительной власти распоряжение о порядке созыва избирателей для заполнения вакантного места.

24. Палата представителей обладает исключительным правом привлекать к судебной ответственности по политическим мотивам. Сенат обладает

исключительными полномочиями вести судопроизводство по политическим делам; однако обвинительный приговор выносится решением не менее двух третей присутствующих сенаторов. При этом наказание носит исключительно политический характер, иными словами, оно предусматривает отставку осужденного с должности, а также объявление о его неспособности выполнять возложенные на него обязанности. Общеуголовными преступлениями занимается суд присяжных.

Глава II. Исполнительная власть

25. Президент наделен исполнительной властью.
26. Президентом может быть избран француз по рождению не моложе 30 лет.
27. Президент избирается ...
28. Президент избирается на шесть лет; он может быть переизбран.
29. Он располагает военной силой, но не вправе лично ею командовать.
30. Сношения Президента с Законодательным корпусом осуществляются посредством посланий. Президент имеет право рекомендовать Законодательному корпусу все меры, которые считает необходимыми и приемлемыми.
31. Он может в любое время созвать Законодательный корпус.
32. Он не может распустить ни Законодательный корпус, ни приостановить каким-либо образом действие Конституции и законов.
33. Президент представляет страну перед иностранными державами. Он принимает посланников и аккредитованных при республике послов. Он поддерживает внешнеполитические отношения, ведет переговоры, заключает предварительные договоры; но ни один договор не может быть окончательно заключен, пока он не ратифицирован Законодательным корпусом.
34. Президент имеет право помилования осужденных за исключением случаев, когда такое лицо было осуждено Сенатом по политическим мотивам на основании обвинения, предъявленного Палатой представителей.
35. Он обнародует законы от имени французского народа.
36. Президент проживает в правительственной резиденции. Он получает помещение за счет государства и получает постоянное содержание до выборов Законодательного корпуса, и которое не может быть меньше 600 000 франков.
37. Президент назначает с совета и с согласия Сената министров, послов, полномочных представителей, консулов, судей Кассационного суда, государственных советников, руководителей министерств и других назначаемых должностных лиц в соответствии со специальными законами.
38. Он имеет право их отозвать, не спрашивая мнения Сената.
39. Президент имеет право, в соответствии с законодательством, назначать, отзывать и приостанавливать полномочия других государственных служащих и различных гражданских должностных лиц исполнительной власти, избранных гражданами.
40. Президент, агенты и лица, наделенные государственной властью, несут уголовную и гражданскую ответственность каждый в своей области за все деяния Правительства и администрации.

41. Никакой закон не может освободить от гражданской ответственности должностное лицо или государственного служащего, виновного в том, что он нарушил закон.

42. Министры имеют право участвовать в работе Парламента; их выслушивают каждый раз, когда Президент того просит или когда желает Палата.

43. Вице-президент назначается таким же образом и на тот же срок, как Президент. Он получает содержание в размере...

44. Вице-президент председательствует в Сенате.

45. В случае отставки или смерти Президента Вице-президент его замещает в течение всего оставшегося срока.

Глава III. Судебная система

46. Правосудие отправляется от имени французского народа. Оно безвозмездно.

47. Конституция является высшим законом Республики. Ни один закон не может ее нарушать. В случае конфликта между Конституцией и ранее принятыми или последующими законами судья должен применять Конституцию.

Глава IV. Декларация прав

48. Законодательный корпус не имеет права утверждать государственную религию, а также отстаивать свободу отправления культа как в храме, так и за его пределами. Данные вопросы находятся в исключительном ведении судов, которые обязаны пресекать любые действия, противоречащие нормам морали или нарушающие общественный порядок.

49. Отменяется смертная казнь за политические преступления.

50. Конфискация не может никогда применяться.

51. Рабство не может существовать на любой французской территории.

52. Запрещается присваивать какие-либо знатные или передаваемые по наследству сословные титулы.

53. Свобода печати никоим образом не может быть подвергнута ограничительным мерам.

54. Каждый гражданин имеет право на открытое выражение своего мнения в установленном законом порядке, предусматривающем судебную ответственность правонарушителей.

55. Дела о преступлениях печати или по любым другим средствам публикации подлежат рассмотрению суда присяжных, за исключением клеветы или других правонарушений, совершенных против частных лиц.

56. Присяжные сами решают дела о потерях и убытках, причиненных действиями или преступлениями печати, представленные им.

57. Все политические преступления рассматриваются судом присяжных.

58. Право на свободу ассоциации не подлежит никаким ограничительным мерам.

59. Право собраний по неполитическим вопросам не подлежит предварительному разрешению. Закон урегулирует вопросы относительно политических собраний и собраний под открытым небом.

60. Каждый гражданин имеет право на образование; любые ограничительные меры в этом отношении запрещены; порядок борьбы с нарушениями определяется законом.

61. Жилище каждого гражданина неприкосновенно. Проникнуть в него можно лишь в форме и в случаях, предусмотренных законом. Любой представитель вооруженных сил государства, независимо от его звания и ранга, несет личную ответственность за незаконный арест.

62. Никто не может быть арестован или задержан иначе, как в силу предписаний закона. Закон урегулирует процедуру habeas corpus и сделает ее доступной для любого гражданина.

63. Никому не может быть отказано в рассмотрении его дела компетентным судом. Запрещается организовывать особые комитеты и суды независимо от их назначения и названия. Тем не менее в случае вооруженного восстания или вторжения может быть объявлено осадное положение и утвержден военный совет.

64. Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленного законом общественного интереса и при условии предварительного возмещения, определенного специальным судом.

65. Ни один налог не может быть взимаем иначе, как в силу закона.

66. Казначейство распоряжается деньгами в установленном законом порядке.

67. Полномочия, явно не делегированные Законодательному корпусу, Президенту или судам настоящей Конституцией, предоставлены нации.

Глава VII. Изменение Конституции

68. Нация всегда имеет право внести изменения в Конституцию.

69. Законодательный корпус простым большинством голосов каждой из двух палат всегда вправе вынести на всенародное голосование изменение Конституции или призвать народ к избранию собрания по пересмотру Конституции.

70. По требованию двух третей генеральных советов Законодательный корпус будет обязан созвать собрание по пересмотру Конституции.

71. Собрание по пересмотру Конституции не будет иметь законодательной власти. Оно не в праве заниматься ничем, кроме внесения изменений или подготовки проекта новой Конституции.

72. Органы государственной власти продолжают действовать во время и после заседаний собрания по пересмотру Конституции.

Глава VIII. Принятие Конституции

73. Настоящая Конституция будет представлена для принятия гражданам, которые будут проводить тайное голосование по поводу ее принятия или отклонения.

74. К любым изменениям в Конституции будут применяться те же процедуры.

Литература // Literatura

1. *Deslandre M.* Histoire constitutionnelle de la France. Т. III. Paris: Ed. Duchemin, 1977. 541 p.
2. *Hamon F., Troper M.* Droit constitutionnel. 36-e éd. Paris: LGDJ, 2015. 834 p.
3. *Laboulaye E.* Considérations sur la Constitution. Paris: A. Durand, Franck, 1848. 135 p.
4. *Laboulaye E.* Lettres politiques. Paris: Charpentier et C, 1872. 108 p.
5. *Laboulaye E.* Le Parti libéral. Son programme et son avenir. 8-e éd. Paris: Charpentier et C, 1871. 344 p.
6. *Wallon H.* Notice sur la vie et les travaux de M. Édouard-René Lefebvre-Laboulaye, membre ordinaire de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1887. № 4. P. 530–570.

S.V. Bochkarev

**Draft Constitution of 1872 by E. Laboulaye
(Translated from French and Commented)**

The article analyzes political and legal views of E. Laboulaye on constitutional construction in France in the first years of the Third Republic. The draft Constitution of 1872 written by E. Laboulaye and first translated into Russian is presented.

Keywords: constitution; declaration of rights; national sovereignty; executive power; legislative power; E. Laboulaye.

Е.М. Крупеня

**Правовая культура
как объект научного анализа
(обзор Международного конкурса
научно-творческих работ
«Правовая культура — основа
гармоничного развития личности
и общества». Москва, 2017)**

В обзоре излагается авторская позиция в отношении содержания теоретико-правового конструкта «правовая культура». Отмечается важность публично-правовых отношений, в рамках которых правовая культура становится объектом пристального внимания и заботы институтов гражданского общества (на примере организации и проведения Международного конкурса научно-творческих работ «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества»).

Ключевые слова: правовая культура; правосознание; правомерное поведение; правовые ценности, гражданское общество, государство; гражданин.

В научных разработках, отнесенных к разным периодам развития науки, правовая культура представлена достаточно широко. При этом хорошо известно, что для конструирования «цехового» понятия «правовая культура», используемого юридическим сообществом, теоретики права и государства активно используют общенаучное понятие «культура».

Со времен Марка Туллия Цицерона (45 г. до н. э.) — автора «Тускуланских бесед», в которых впервые был использован термин «культура» в значении возделывания ума и совершенствования духовных способностей человека, прошло много веков. За это время в сфере научной рациональности было выработано более 400 подходов и адекватных им определений понятия «культура». Тем не менее результатом приложенных научной общественностью многовековых усилий для описания и объяснения феномена правовой культуры явились утверждения, оставляющие латентными искомые смысл и содержание этого явления. Они способны не столько помочь, сколько создать дополнительные затруднения как в интеллектуальном поиске, так и в решении практических задач [1: с. 13; 9: с. 341; 6: с. 113; 7: с. 384] в сфере правовой культуры общества и личности.

Анализ имеющихся в науке разработок показал, что отличительной особенностью культуры является исключительная многозначность ее трактовок и интерпретаций, что является отражением неоднородности содержания понятия «культура»

(ценности, деятельность, семиотика, общество, социальный опыт и др.). Тем не менее все известные семантические конструкции представлений о культуре сводятся к двум предельно обобщенным определениям.

Первое из них охватывает всю сферу бытия за исключением природной среды обитания. Культура общества, ее отдельные сегменты предстают в отчужденных от человека формах, объективированных на материальном уровне в социальных институтах и нормативных комплексах, которые в широком историческом контексте выступают наиболее близкой, а значит, естественной средой обитания человека.

Экстраполируя данное суждение (ставшее уже хрестоматийным в науке) на сферу настоящего анализа, согласимся с теми представителями экспертного сообщества, которые полагают, что правовая культура является сложным социальным феноменом. Такое понимание правовой культуры в теоретико-правовой литературе давно стало общим местом. С одной стороны, она представляет собой один из подвигов культуры наряду, например, с политической или художественной культурой и т. д. С другой же, правовая культура непосредственно связана с правом — явлением рукотворным и при этом пронизанным ценностями, усиленными значительным морально-этическим моментом.

Правовая культура представляет собой пример такого рода феноменов, которые в структуре объекта теоретической юриспруденции обычно презентуются как сегмент неюридической реальности. Тем не менее правовая культура детерминирует право, государство и связанные с ними явления и процессы, их формирование, существование, эволюционную динамику [11]. В этой связи правовая культура как явление, несущее в себе мощный ценностно-духовный сегмент, выступает явлением, создающим условия для формирования и реализации норм позитивного права, установления национального правопорядка или правопорядка правовых семей [12: с. 3–31].

Поскольку правовая культура не относится к собственно правовой материи, постольку ее описание и объяснения при помощи средств классической правовой теории, ориентированной на догму права, едва ли представляется возможным. Такое отношение обусловлено прежде всего тем, что юридическая догматика понимается научным инструментом юридического позитивизма. А он и в своей первоначальной форме, и в модернизированной форме «мягкого» позитивизма оказался далек не только от Человека — основного творца права и всей правовой реальности, но и от тех проблем, решение которых нацелено на утверждение правопорядка, конгруэнтного Человеку, настроенного на него! В самом грубом приближении критическое отношение к юридической догматике питается тем, что позитивизм, генетически связанный с юридической догмой тип понимания сущности права, разработку правовых проблем общества осуществляет в онтологическом разрыве с человеком (гражданином). Неклассика (постклассика) выступила в принципиальной оппозиции к бессубъектной классической теории права, предложив новую характеристику правовой теории — человекоразмерность [14: с. 77–92]. К изложенному

выше добавим, что в правовых порядках современных государств, в том числе и России, Человек, его права и свободы признаются высшей ценностью в иерархии ценностей общественного и государственного развития.

Стоит согласиться с исследовательской позицией И.Л. Честнова, которая состоит в том, что современная (постклассическая) наука создает определенные возможности для развития отечественной правовой теории на основе ряда фундаментальных идей: правовая теория — органическая и неотъемлемая часть социогуманитарного знания, поэтому важно использовать его позитивный опыт и достижения; критика безгранично господствовавшего правового позитивизма, поскольку классическая юридическая теория (позитивизм) «обесчеловечивала» юридическую теорию и практику, сводила его положение до формального правового статуса, не принимая во внимание интересы и потребности людей, систему ценностных ориентаций, механизмы социализации и др., использование достижений социогуманитарного знания. Эти исследовательские установки вполне могут быть применены не только в целом для теоретической юриспруденции, но и при разработке частных правовых теорий, в том числе и теории правовой культуры.

В теоретико-правовом дискурсе и научной литературе отмечается, что правовая культура как объект научного анализа разрабатывается в рамках различных исследовательских подходов: нормативном, историческом, психологическом и др. Представляется, что определенные перспективы для развития теории правовой культуры связаны с достижениями глобальной концепции культурологии, в частности, они есть и в контексте теории деятельности [2; 3; 8]. В числе базовых исследовательских установок, которые могут детерминировать переосмысление накопленного опыта по отношению к социально-правовому феномену «правовая культура», можно назвать следующие.

Во-первых. Культура интерпретируется как особая форма бытия! Деятельностный подход основан на понимании культуры как явления исключительно сложно организованного. Интегративный по своей природе феномен — культура — обусловлен переходом различных форм бытия (природы, общества, человека) от естественной, спонтанной формы существования биологической системы к иному типу функционирования и развития. Положение культуры среди иных форм сущего определяется тем, что общественные отношения не задаются биологически и поэтому не транслируются генетически, а Человек, синтезирующий в своем реальном существовании и поведении природные и общественные закономерности, позиционируется как воплощенное единство природного и социального начал.

Во-вторых. Переход и поддержание культуры как особой формы бытия детерминировано особой деятельностью человека. Ее особенность в том, что такая деятельность и ее результаты не известны природе, они порождают новую онтологическую форму — культура как новое качество жизни! Человек, именно он «объединяет» в одно неделимое целое природу и общество, именно он становится центральным «звеном» в цепи основных форм бытия: природа — человек — общество. По мнению Моисея Соломоновича Кагана и его последователей [10], культура предстает перед нами как такая форма

бытия, которая образуется человеческой деятельностью и непременно включает в себя не только набор итоговых вещей или идей относительно ценностей и смыслов, но и моделей массового социального (интеллектуального, креативного) поведения, а также саму процессуальность культуротворчества. И коль скоро это так, то следует признать, что вне и без Человека — как уникального, неизвестного Природе субъекта культуротворчества — культура существовать не может. К высказанному стоит добавить также, что культура существует только в условиях институционального (социального) и интеллектуального порядка — т. е. состояния социума, в котором он способен (либо не способен) воспроизводить культуру и ее базовые ценности.

В-третьих. В связи с изложенным выше значение приобретает не столько сама активность (способы деятельности, которые присущи человеку от рождения, а также те, которые им изобретаются, совершенствуются и передаются из поколения в поколение благодаря обучению, образованию, воспитанию) и ее процессуальная форма, сколько качества самого человека как субъекта деятельности — качества сверхприродные. Это такие характерологические черты, которые, опираясь на данные человеку от природы возможности, формируются в ходе становления человечества и воссоздаются каждый раз вновь и вновь в ходе развития индивида. Справедливо утверждение В.А. Сулимова о том, что наполненная ценностями и смыслами человеческая деятельность, ее способы — это «“ценностный узел”, в котором переплетены социальные и индивидуальные картины мира, интеллектуальный и образовательный потенциал общности и вхождение в него личности человека, используемые когнитивные модели и интеллектуальные практики» [10].

В-четвертых. Проблематизируется сознание человека как культуросозидающего субъекта. Антропологическая детерминация (персонологизация) культуры, а также то, что культура понимается всегда в связи с деятельностью человека (ее способами), которая не только присуща человеку от рождения, а также те ее формы, которые им изобретаются, совершенствуются и передаются из поколения в поколение благодаря обучению, образованию, воспитанию (в суженной социальной интерпретации — это социальная практика), актуализирует сознание человека как субъекта культуры — новации. Но не только. Именно с сознанием связывается культуросозидающий потенциал человека и, как следствие, общества.

С сознанием Человека — важного фактора автовоспроизводства культуры — связаны решения комплекса современных проблем, которые фиксируют культурологи:

1-я проблема: расширение сознания под воздействием информационного взрыва, детерминированного информационным обществом. Как данность современности информационное общество подтверждает тезис о том, что культура поддерживается благодаря интеллектуальному напряжению, которое хотя и исторически изменчиво, но всегда присутствует в пространстве культуры;

2-я проблема: фиксируется все большая элеменация культуры как процесс ее трансформации в направлении от целостности к культурным кодам. Это провоцирует разрыв картины мира личности человека на многочисленные

логико-смысловые и чувственно воспроизводимые моменты. В этой связи объяснимо то внимание исследователей, которое проявлено в отношении коллективного бессознательного и правового менталитета [4: с. 156–163];

3-я проблема имеет отношение к когнитивной деятельности личности, творчеству, интуиции, памяти в субъективной внутренней реальности человека, которая обуславливает реализацию личностью социально-культурных практик, что в обобщенном виде позволяет культурологам вывести «формулу познающего субъекта» как форму существования человека в культуре.

Это, разумеется, не полный перечень ожидающих своего решения проблемных вопросов. И тем не менее уже в представленном виде, он позволяет утверждать, что современные исследования все в большей степени «связывают» решение проблемы социального сознания с интеллектуальным детерминизмом, уточнением значений и представлений о порядке, необходимых для того, чтобы личность воспроизводила наиболее ценные для существования и развития общества социально-культурные практики.

Справедливости ради заметим, что для теоретического правопведения проблема сознания, конечно, не нова. Напротив, она относится к тем, что традиционно называются в числе проблем теоретической юриспруденции. И, по сложившейся же традиции, именно правосознание человека (гражданина) является категорией, которая непосредственно связана с правовой культурой личности и общества. Именно под влиянием правовой культуры, в основе которой лежит развитие правосознания, формируются позитивные установки для совершения актов правомерного поведения, нацеленного на реализацию общегражданского и специальных публичных статусов. Установки к правомерному поведению «включаются» в сложный механизм саморегуляции по активированию источника витальной энергии, поддерживающего правомерную мотивацию гражданина.

Правовым мотивом, сформированным под влиянием высокого уровня правовой культуры и позитивного (правильного) правового сознания, является уважительное отношение к праву, с его объективным содержанием, и правовым ценностям, таким как свобода и независимость, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм и др.

Разработки, которые ведут отечественные теоретики права в области теории правосознания и его включенности в реальность [5: с. 70–77] правовой культуры на всех уровнях, осложняются рядом факторов. Приведем для иллюстрации лишь некоторые из них. Так, в современной социогуманитарной науке до сих пор не решен вопрос о том, что есть сознание! На вопрос: «Знаете ли Вы, что такое сознание?» Т.В. Черниговская — авторитетный ученый с мировым именем в области когнитивных исследований — однозначно ответила: «Я — нет!» И добавляет при этом, что нам еще только предстоит понять, откуда взялось сознание. «Мы идем искать сознание, не зная, что это такое и что именно мы должны найти. Даже если оно так милостиво предстанет перед нами, мы его просто не узнаем!» [13].

Кроме того, что современная наука не ответила на фундаментальный вопрос о том, что такое сознание и в какой части человеческого мозга оно локализовано, практика доказывает, что в сознании человека всегда есть сегменты, которые не измеряются физическими приборами и не верифицируются — это то, что в физиологии сознания принято именовать «впечатлением от первого лица». И если есть что-то, что может зафиксировать такие проявления сознания, то это не наука, а искусство. Рассуждая в пределах данной логики, приходится признать, что право и порожденная им правовая реальность — это скорее искусство, поскольку содержащуюся в различных источниках права информацию каждый из субъектов конкретного правоотношения прочитывает по-своему и отлично от замысла творца права. Об этом образно высказалась М. Цветаева, которая отметила, что читатель — это соавтор. Но если читатели начнут пересказывать эту книгу, то может показаться, что они вообще читали разные произведения! Или окажется, что они поняли замысел автора, но сделали это разными способами.

Принимая во внимание указанные проблемы, которые дают импульс к переосмыслению имеющегося у общеправовой теории знания в отношении правовой культуры и ее основы — правосознания, уместно привести один показательный пример. Он связан с прочтением сложных, с точки зрения юридической техники, законов и других текстов с нормативным содержанием. Приведенный пример проблематизирует и одновременно предоставляет реальную возможность в рамках теоретико-правового анализа обратить более пристальное внимание на Человека (гражданина), который предстает как социокультурная переменная величина. Именно поэтому инвестиции в культурно-исторический капитал личности гражданина в процессе прочтения законов переоценить едва ли возможно! Поскольку именно от человека (гражданина), от его духовной активности и интеллектуально-волевых усилий по освоению культурных ценностей, а также трансляции этих ценностей в повседневных практиках в зависимости поставлены состояние и перспективы развития гражданского общества, государства и его функциональная достаточность в социуме.

Таким образом, правовая культура, — прежде всего — органичный пласт культуры общества. Правовая культура укоренена и непосредственно порождается как достижениями конкретного исторического этапа развития социума, так и культурно-историческими (цивилизационными) особенностями общества, его матричными структурами.

С учетом достижений глобальной культурологии можно обоснованно утверждать, что правовая культура максимально приближена ко «второй среде обитания» человека, конгруэнтна ему и телеологически ориентирована на то, чтобы сохранить и поддержать в нем надбиологические свойства — качества личности, которые формируются на основе образования (самообразования) и воспитания (самовоспитания) с учетом использования достижений другого опыта. Из этой посылки следует, что правовая культура общества генетически связана с правовой культурой личности, ее правосознанием и качеством правомерного поведения, которое обусловлено рядом правовых мотивов.

Правовая культура в своем материальном выражении может быть позиционирована на уровне ценностей и закрепляющих их принципов права, норм позитивного права, разработанных на основе правовых ценностей, правовых институтов общества и государства, нацеленных на достижение правового идеала в своей повседневной деятельности, и правомерной деятельности субъектов права на уровне гражданского общества и государства в процессе реализации гражданином своего статуса, детерминированной правовыми ценностями, которые одновременно выступают в качестве мотива поведения.

* * *

Правовая культура общества и личности, которые находятся в системе взаимобратных связей, оставаясь традиционными объектами разработки в рамках общеправовой теории, становится все чаще объектом самого пристального внимания и самой трепетной заботы со стороны структур гражданского общества.

В этой связи стоит отметить, как позитивный факт и достойный пример такой заботы со стороны структур гражданского общества, проведение в течение ряда лет (2014, 2015, 2016–2017 гг.) Международного конкурса «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества».

Организаторами конкурса выступили: Неправительственная организация «Фонд поддержки и развития образования, творчества, культуры», Юридический институт ГАОУ ВО МГПУ (г. Москва) совместно с Ассоциацией юристов России, подкомитетом по формированию и развитию кадрового потенциала в области управления интеллектуальной собственностью Комитета по интеллектуальной собственности Торгово-промышленной палаты РФ, Канцелярией Главы Российского Императорского дома, Гильдией экспертов в области профессионального образования, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», Академией профессионального образования, Институтом экономики и антикризисного управления, ООО «Центр комплексного развития и социальной адаптации детей и подростков», МОО «Информация для всех».

В текущем, как и в прошлом году, работы конкурсантов были опубликованы в Сборнике материалов конкурса (Международный конкурс научно-творческих работ «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества» 2016–2017. Сборник материалов. М.: Книгодел, 2017). Сборник материалов конкурса — это результат не только научного творчества конкурсантов. Публикация текстов конкурсных работ стала возможной благодаря ответственной работе авторитетного жюри и внимательного прочтения всеми его членами представленных на конкурс работ, их отбора на основе содержательной критики. Научная критика, как хорошо известно, всегда способствует достижению главной цели научного исследования — получению нового истинного знания.

Нынешний сборник материалов конкурса — это уже второе издание. Автор убежден, что оно поможет организаторам Международного конкурса в их благородной миссии популяризировать сам конкурс, привлечь внимание к необходимости разработки различных аспектов проблемы правовой культуры, правового образования, правового просвещения.

В 2016–2017 гг. конкурс был отмечен хорошим нововведением: появилось достаточное количество различных номинаций: «Исследователь», «Научно-творческий поиск», «Умение видеть», «Желание знать», «Размышления», «Успешный старт». В каждой из учрежденных номинаций было предусмотрено 3 призовых места.

В числе работ конкурсантов в 2016–2017 гг. было 11 обучающихся Юридического института МГПУ. Это в абсолютном выражении составило около 20 % от общего числа конкурсантов. Как и в прошлые годы, научно-творческие работы магистрантов и бакалавров, обучающихся в Юридическом институте МГПУ, были высоко оценены членами уважаемого и представительного жюри конкурса. Все упомянутые 11 участников конкурса заняли почетные места в большинстве номинаций конкурса.

Думаю, что выражу мнение многих членов жюри конкурса, если отмечу, что по сравнению с двумя предыдущими годами несомненным достижением стали творческие проекты магистрантов, которые были подготовлены на стыке проблематики правовой культуры и достижений педагогики. Такого рода научные разработки имеют очевидную перспективу, поскольку содержат достаточно информации практического свойства. Они могут уже сейчас при условии их творческого использования быть интегрированы в образовательный процесс.

Дальнейшая перспектива научно-творческих работ педагогического характера просматривается, в частности, и в расширении аудитории педагогов, которые заинтересовались проблемами правовой культуры и «сформировали» своеобразный социальный запрос на соответствующее научное сопровождение со стороны преподавателей и магистрантов МГПУ по таким темам, как: научно-теоретическое сопровождение процесса формирования правовой культуры обучающегося в школе (начальной, средней и др.); правовая культура личности и профессиональная культура педагога: соотношение понятий и явлений; новые образовательные технологии как средство визуализации правовых ценностей в процессе минимизации проявлений правового нигилизма и др.

Представляется, что положительная динамика и в количестве научно-творческих работ, представленных обучающимися МГПУ, и в появлении оригинальных исследований, вызванных к жизни необходимостью обобщить уже имеющийся опыт и предложить решение актуальных проблем в сфере правового просвещения, образования и воспитания, в определенной мере детерминирована работой творческой лаборатории по проблемам правовой культуры общества и личности в Юридическом институте МГПУ.

Полагаю, проведение подобных конкурсов может способствовать осознанию учащимися и педагогами правовой культуры как важной государственной задачи. Задача трудноразрешимая и именно поэтому требующая концентрации усилий не только властных субъектов, но и всех здоровых и позитивно настроенных сил в структурах гражданского общества.

Литература

1. *Ирхин Ю.В.* Социология культуры. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Т. 2. М.: Мысль, 2001. 13 с.
2. *Каган М.С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 415 с.
3. *Каган М.С.* Избранные труды: в 7 т. СПб.: Петрополис, 2008.
4. *Крупеня Е.М.* Коллективное бессознательное в механизме самореализации статусного публичного права // Политика. Власть. Право / «Мальцевские чтения»: материалы 1-й Международной научно-практической конференции памяти и 79-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича. М.-Белгород, 2014.
5. *Крупеня Е.М.* Правосознание в правовой реальности современного социума // Вестник Академии права и управления. 2016. № 42. С. 70–77.
6. *Лебедев С.А.* Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. 320 с.
7. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009. 384 с.
8. *Маркарян Э.С.* Теория культуры в системе общественных наук // Альманах научно-образовательного культурологического общества России «Мир культуры и культурология». Вып. IV. СПб.: НОКО, 2015.
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Т. 2. М.: Мысль, 2001. 605 с.
10. *Сулимов В.А.* Теоретическая культурология: от культурологической теории деятельности к культурологической теории познающего // Вестник МГУКИ. 2016. № 1 (69). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-kulturologiya-ot-kulturologicheskoy-teorii-deyatelnosti-k-kulturologicheskoy-teorii-poznayuschego/> (дата обращения: 29.03.2017).
11. *Сырых В.М.* Методологические основания общей теории государства и права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2000. 528 с.
12. Философия права. Курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М.: МГУ, 2012. 562 с.
13. *Черниговская Т.В.* Мир может оказаться галлюцинацией. Беседовал Владимир Воскресенский // Росбалт — новости, статьи, мнения. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/02/11/1590526.html>
14. *Честнов И.Л.* Человекоразмерность бытия права // Постклассическая онтология права: коллективная монография / под общ. ред. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.

Literatura

1. *Irxin Yu.V.* Sociologiya kul'tury'. Kul'tura // Novaya filosofskaya e'nciklopediya: v 4 t. / pod red. V.S. Stepina. T. 2. M.: My'sl', 2001. 13 s.
2. *Kagan M.S.* Filosofiya kul'tury'. SPb.: Petropolis, 1996. 415 s.
3. *Kagan M.S.* Izbranny'e trudy': v 7 t. SPb.: Petropolis, 2008.
4. *Krupenya E.M.* Kollektivnoe bessoznatel'noe v mexanizme samorealizacii statusnogo publichnogo prava // Politika. Vlast'. Pravo / «Mal'cevskie chteniya»: materialy' 1-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pamyati i 79-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužennogo deyatelya nauki RF, chlena-korrespondenta RAN, doktora yuridicheskix nauk, professora Mal'ceva Gennadiya Vasil'evicha. M.-Belgorod, 2014.

5. *Krupenya E.M.* Pravosoznanie v pravovoj real'nosti sovremennogo sociuma // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2016. № 42. S. 70–77.
6. *Lebedev S.A.* Filosofiya nauki: slovar' osnovny'x terminov. M.: Akademicheskij Proekt, 2004. 320 s.
7. *Lukasheva E.A.* Chelovek, pravo, civilizacii: normativno-cennostnoe izmerenie. M.: Norma, 2009. 384 s.
8. *Markaryan E'.S.* Teoriya kul'tury' v sisteme obshhestvenny'x nauk // Al'manax nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshhestva Rossii «Mir kul'tury' i kul'turologiya». Vy'p. IV. SPb.: NOKO, 2015.
9. Novaya filosofskaya e'nciklopediya: v 4 t. / pod red. V.S. Stepina. T. 2. M.: My'sl', 2001. 605 s.
10. *Sulimov V.A.* Teoreticheskaya kul'turologiya: ot kul'turologicheskoy teorii deyatel'nosti k kul'turologicheskoy teorii poznayushhego // Vestnik MGUKI. 2016. № 1 (69). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-kulturologiya-ot-kulturologicheskoy-teorii-deyatelnosti-k-kulturologicheskoy-teorii-poznayuschego/> (data obrashheniya: 29.03.2017).
11. *Sy'ry'x V.M.* Metodologicheskie osnovaniya obshhej teorii gosudarstva i prava: v 2 t. T. 1: E'lementny'j sostav. M.: Yusticinform, 2000. 528 s.
12. Filosofiya prava. Kurs lekcij: v 2 t. / otv. red. M.N. Marchenko. T. 2. M.: MGU, 2012. 562 s.
13. *Chernigovskaya T.V.* Mir mozhet okazat'sya gallyucinaciej. Besedoval Vladimir Voskresenskij // Rosbalt — novosti, stat'i, mneniya. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/02/11/1590526.html>
14. *Chestnov I.L.* Chelovekorazmernost' by'tiya prava // Postklassicheskaya ontologiya prava: kollektivnaya monografiya / pod obshh. red. Chestnova. SPb.: Aletejya, 2016. 688 s.

E.M. Krupenya

**Legal Culture as an Object of Scientific Analysis
(Review of the International Competition of Scientific and Creative Projects
«Legal Culture is the Basis of Harmonious Development
of the Individual and Society». Moscow, 2017)**

The review sets out the author's position in relation to the content of the theoretical and legal constructs «legal culture». The importance of public and legal relations is emphasized, within the framework of which the legal culture becomes an object of close attention and concern for the institutions of civil society (based on the example of the organizing and holding the International competition of scientific and creative projects «Legal culture is the basis of harmonious development of personality and society»).

Keywords: legal culture; legal consciousness; lawful conduct; legal values of civil society, state, citizen.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2017, № 3 (27)**

Бочкарев Сергей Вадимович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (pkb-spb@yandex.ru).

Борисова Наталья Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (ne0609@bk.ru).

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (adorskaya@yandex.ru).

Константинов Кирилл Борисович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (kirry11@mail.ru).

Ключников Андрей Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал) (andrew19871961@mail.ru).

Кривенький Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и прав человека Юридического института МГПУ (KrivenkiiAI@mgpu.ru).

Крупеня Елена Михайловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (krupenyaem@yahoo.com).

Левочко Валентина Вячеславовна — аспирант кафедры правового обеспечения рыночной экономики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, РАНХиГС (Москва) (heartval@inbox.ru).

Надысева Эльвира Ханифовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Московского государственного областного университета (olanad@mail.ru).

Овчинников Иван Иванович — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики, г. Москва (iovchinnikov@hse.ru).

Салохидинова Симо Мухамадиевна — кандидат юридических наук, ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета (simo_s@mail.ru).

Сафаров Анвар Исломович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Таджикского национального университета (anvar_safarov85@mail.ru).

Терновая Ольга Анатольевна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства иностранных государств, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ternovaya16@yandex.ru).

Честнов Илья Львович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ichestnov@gmail.com).

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (ChurilovSN@mgpu.ru).

AUTHORS

of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Legal Sciences», 2017, № 3 (27)

Bochkaryov Sergey Vadimovich — PhD (Law), docent, docent of department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia (pkb-spb@yandex.ru).

Borisova Natalya Evgenyevna — Doctor in Law, Professor, professor of department of State and Legal Disciplines, Law institute, MCU (ne0609@bk.ru).

Dorskaya Aleksandra Andreevna — Doctor in Law, Professor, a head of department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia (adorskaya@yandex.ru).

Konstantinov Kirill Borisovich — PhD (Law), docent, docent of department of Civil Law disciplines, Saint Petersburg Law Institute, the Branch of Academy of General Prosecutor Office of the Russian Federation (kirry11@mail.ru).

Klyuchnikov Andrey Yuryevich — PhD (Law), docent, docent of department of Constitutional and International Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch) (andrew19871961@mail.ru).

Krivenkiy Aleksandr Ivanovich — Doctor in Law, Professor, a head of department of International Law and Human Rights, Law Institute, Moscow City Pedagogical University (KrivenkiiAI@mgpu.ru).

Krupenya Elena Mikhaylovna — PhD (Law), docent, docent of department of Theory and History of State and Law, Law Institute, MCU (krupenyaem@yahoo.com).

Levochko Valentina Vyacheslavovna — postgraduate student of department of Legal Support of Market Driven Economy, State Service Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (heartval@inbox.ru).

Nadyseva Elvira Hanifovna — PhD (Law), docent, a head of department of Criminal Procedure and Forensics, Law Institute, Moscow Region State University (olanad@mail.ru).

Ovchinnikov Ivan Ivanovich — Doctor in Law, Professor, professor of department of Constitutional and Administrative Law, National Research University — Higher school of Economics (iovchinnikov@hse.ru).

Salokhidinova Simo Mukhamadievna — PhD (Law), assistant of department of Constitutional Law, Law Faculty, Tajik National University (simo_s@mail.ru).

Safarov Anvar Islomovich — PhD (Law), docent, a head of department of Criminal Law, Law Faculty, Tajik National University (anvar_safarov85@mail.ru).

Ternovaya Olga Anatolyevna — PhD (Law), leading researcher of department of Civil Legislation of Foreign Countries, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ternovaya16@yandex.ru).

Tchestnov Ilya Lvovich — Doctor in Law, Professor, professor of department of Theory and History of State and Law, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation (ichestnov@gmail.com).

Churilov Sergey Nikiforovich — Doctor in Law, Professor, professor of department of Criminal and Law Disciplines, Law Institute, MCU (ChurilovSN@mgpu.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата за публикацию рукописей в журнале не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Пащенко* (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 3 (27), 2017

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

С.П. Пузырьков

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 18.09.2017 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Объем: 8 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.